

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В РОССИИ

Электронный архив УГЛТУ

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

ФГБОУ ВО «Уральский государственный
лесотехнический университет»

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В РОССИИ

Сборник научных трудов
по материалам научно-практической конференции

Екатеринбург
2017

УДК 316.722(470)(08)

ББК 60.522(2)

Ц58

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор кафедры философии и акмеологии УрГПУ Л.А. Беляева;

доктор социологических наук, заведующий кафедрой философии и культурологи УГГУ И. А. Кох

Редакционная коллегия:

И.В. Назаров, О.Н. Новикова (отв. за выпуск), С.Н. Каташинских

Ц58

Цивилизационные перемены в России: сборник научных трудов по материалам научно-практической конференции / Урал. гос. лесотехн. ун-т; под общ. ред. О.Н. Новиковой, И.В. Назарова, С.Н. Каташинских. [Электронный ресурс]. – Екатеринбург: Урал. гос. лесотехн. ун-т, 2017. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Мин. системные требования: IBM IntelCeleron 1,3 ГГц; Microsoft Windows XP SP3; Видеосистема Intel HD Graphics; дисковод, мышь. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-94984-625-4

В сборнике представлены научные труды, посвященные актуальным проблемам социального развития российского общества, его духовно-нравственным аспектам и особенностям менталитета, инновационным процессам в современном образовании и природопользовании.

Сборник рассчитан на преподавателей вузов и на широкий круг специалистов, интересующихся проблемами развития российского общества.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за точность приведенных цитат, соответствие ссылок оригиналу и прочие сведения.

Издается по решению редакционно-издательского совета Уральского государственного лесотехнического университета.

УДК 316.722(470)(08)

ББК 60.522(2)

ISBN 978-5-94984-625-4

© ФГБОУ ВО «Уральский государственный лесотехнический университет», 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Проблемы социально-исторического развития России.....	5
<i>И.В. Назаров</i> Бедность не отступает.....	5
<i>О.Г. Черезова</i> Проблемы внутренней и внешней миграции в Свердловской области в начале XXI в.....	9
<i>Е.Ю. Литвинец</i> Демографическая политика СССР во второй половине XX века.....	13
<i>И.Р. Шайхуллин, А.М. Фаттахова, З.И. Шайхуллина</i> Проблемы устойчивого развития регионов России.....	18
<i>Н.К. Антропова</i> Город: конструирование будущего.....	20
<i>Н.Г. Фонова</i> Перспективы развития туризма в 2017 году: анализ рынка.....	27
<i>Д.Ю. Пухов</i> Леволлиберальная политическая субкультура в российской провинции в годы думской монархии.....	33
Духовно-нравственные проблемы российского общества.....	48
<i>О.Н. Новикова</i> Деконструкция игровых практик в контексте воспитательных стратегий постмодернизма.....	48
<i>М.Л. Куклинов</i> Потребность современного социума в игроизации культуры.....	57
<i>Н.Г. Гаврилова</i> Конфликт культур в повести Н.В. Гоголя «Вий».....	63
<i>Т.Н. Помазуева</i> Эволюция индивидуального художественного стиля арт-фотографа А. Абалихина.....	73
<i>А.Г. Степанов, С.И. Арсентьева, Н.Г. Гаврилова</i> Мифологемно-утопические корреляты организации картины социально-исторической реальности.....	80

<i>С.Н. Каташинских</i>	
Проблемы активизации чтения в современной России.....	87
Тенденции и модернизации российского образования.....	90
<i>Е.С. Щепин, И.А. Петрикеева</i>	
Особенности мотивации профессиональной педагогической деятельности преподавателей УГЛТУ.....	90
<i>И.А. Здорнов, Е.А. Калистратова</i>	
Активизация научно-исследовательской работы в УГЛТУ.....	101
<i>А.П. Попович</i>	
Проблематика подготовки современного специалиста физической культуры: традиции, современность, будущее.....	110
<i>О.Ю. Малозёмов</i>	
Социокультурные аспекты валеоустановок учащихся.....	113
<i>А.Е. Осипенко, И.А. Петрикеева</i>	
Стратегии поведения в педагогических конфликтах участников образовательного процесса УГЛТУ.....	125
<i>И.А. Панин, И.А. Петрикеева</i>	
Проблемы учебной мотивации обучающихся института леса и природопользования УГЛТУ.....	132
<i>С.В. Вишнякова</i>	
Эффективность усвоения курса «История садово-паркового искусства», или Насколько важны путешествия для ландшафтного архитектора.....	139
Современные проблемы природопользования.....	145
<i>Е.В. Баженова</i>	
Вариации зооморфизма и антропоморфизма в современной культуре.....	145
<i>С.Н. Луганская</i>	
Роль насаждений городских улиц в формировании среды обитания человека.....	155
<i>А.Е. Шкуро</i>	
Наилучшие доступные технологии как инструмент перехода к устойчивому развитию.....	161
Наши авторы.....	167

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

ГРНТИ 03.23.55
УДК 316.344.233

И.В. Назаров
УГЛТУ, Екатеринбург

БЕДНОСТЬ НЕ ОТСТУПАЕТ

Рассматривается проблема бедности в России как работающего населения, так и пенсионеров. Выясняются ее причины и пути повышения доходов.

Ключевые слова: доходы населения, бедность, стратификация по доходам, причины бедности, качество жизни.

Проблема бедности по-прежнему остается одной из важнейших для всего мира. Поэтому Организация Объединенных Наций провозгласила борьбу с бедностью приоритетной задачей человечества. И хотя в этом направлении достигнуты определенные успехи, число бедных в мире растет.

В настоящее время Мировой банк считает чертой крайней бедности 1,9 доллара в день на человека (125 рублей) и чертой бедности 3,1 доллара (201,5 рублей).

В России задача сокращения числа бедных, повышения благосостояния населения поставлена, и начиная с нулевых годов их число уменьшалось. Так, в 2004 г. количество бедных, доход которых ниже величины прожиточного минимума, было 25,7 млн (18,5 % населения), то к 2013 г. их число сократилось до 15,7 млн.

Но в связи с кризисом в 2015 г. число бедных увеличилось на 3 млн и достигло 19,2 млн (13,2 % населения страны). По прогнозам Всемирного банка, число бедного населения в 2016 г. должно было увеличиться на 1,1 млн человек, а уровень бедности – на 14,2 %.

Выросла и неравномерность доходов различных слоев населения. Децильный коэффициент (отношение 10 % самых богатых к 10 % наиболее бедных) составлял в 2000 г. 13,9, в 2010 г. – 16,6, в 2015 г. – 16,1.

К середине 2016 г. число официально бедных, которые имеют доходы ниже прожиточного минимума – менее 10 тыс. рублей – достигло 22 млн граждан, а число просто бедных – с доходом ниже 25 тыс. рублей в месяц на человека – составило 55 % населения [1].

В эту группу входят пенсионеры, многодетные семьи, бюджетники, работники сельского хозяйства, транспорта, торговли и др. Поскольку денег не хватает на самое необходимое, люди берут кредит, и в среднем каждый россиянин должен 72,7 тыс. рублей.

В рейтинге качества жизни ООН за 2015 г. Россия занимает 50-е место.

В первом квартале 2015 г. Росстат причислил к бедным 22,9 млн россиян, во-втором – 19,1 млн, в третьем – 17,9 млн. Бедных меньше не стало, а улучшение показателей связано с отодвиганием самого порога бедности. Прожиточный минимум был понижен с 10 017 рублей до 9673, и соответственно уровень бедности снизился.

Реальная зарплата россиян в 2015 году, по данным Росстата, снизилась на 9,5 %, а реальные доходы – на 4 %. По мнению экономиста Я. Миркина, «мы – великая сырьевая держава, но за 2 года доходы снизилась на 10,2 %» [2, с. 7].

По данным Росстата, реальная зарплата в июне 2016 года по сравнению с аналогичным месяцем прошлого года выросла на 1,4 % и достигла 38 590 рублей. На Среднем Урале она составила 31 133 рубля.

Но реальные доходы россиян, то есть зарплата за вычетом обязательных платежей с поправкой на инфляцию, в июне 2016 года упали на 4,8 % по сравнению с июнем 2015 года. Причем в документах ООН установлено, что заработная плата ниже 3 доллара в час приводит к разрушению трудового потенциала страны, а в России она составляла в 2013 г. только 1,7 доллара в час.

Кризис не только привел к увеличению числа бедных, но и снизил доходы среднего класса, сократив его отрыв от остальных россиян, который сохраняется только за счет той значительной дистанции, которая сформировалась между ними в 1990-х – начале 2000-х годов. Социолог Н.Е. Тихонова отмечает, что «доход представителей среднего класса сократился в кризис сильнее чем у остальных массовых слоев населения... Динамика в этой области говорит о постепенном сокращении разрыва между ними за счет относительного ухудшения положения среднего класса. Особенно сильный импульс этот общий тренд, как и тенденция относительного сокращения доходов, получает в условиях развития кризисных явлений в экономике» [3, с. 52, 54]. За два года численность среднего класса сократилась на 14 млн человек.

Особенно снизились доходы пенсионеров. Индексация пенсии составила в 2016 г. только 4 %, хотя инфляция составила в 2015 г. 12,9 %. При этом работающим пенсионерам в индексации было отказано. В то же время 25 % пенсионеров получают пенсию ниже 9 тыс. рублей.

Пенсия в России невелика, и в июне 2016 г. составила 13 800 рублей, значительно отставая от средней пенсии в странах Запада (Финляндия – 128 830 рублей или 1982 доллара, в Германии – 91 тыс. рублей или 1,4 тыс. долларов, в США – 78 тыс. рублей или 1,2 тыс. долларов). При этом министр труда и социальной защиты М. Топилин полагает, что в России бедных пенсионеров нет. Выступая в общественной палате, он заявил, что в стране нет бедных пенсионеров, а структуру бедности в основном составляют работающие бюджетники и семьи с детьми. Действительно 64 % бедных – это семьи с детьми. Дети требуют трат и одновременно препятствуют заработкам, особенно женским. Вместо второй индексации обещана была компенсация в размере 5 тыс. рублей в январе 2017 года.

Средний россиянин сегодня живет от зарплаты до зарплаты и почти 80 % своего месячного дохода тратит на еду и товары первой необходимости. По мировым меркам, если человек тратит более 70 % на питание и оплату жилищных и бытовых услуг, то это исключает возможности какого-либо воспроизводства, идет деградация общества, понижается уровень и качество жизни.

Низкий уровень материального обеспечения ведет к ухудшению здоровья, к росту числа психозов, наркомании, алкоголизма. В стране в 2015 году зарегистрировано 2,7 млн алкоголиков, неофициально их насчитывается 5 млн. По данным Роспотребнадзора, в 2015 г. от заболеваний, спровоцированных злоупотреблением спиртного, умерли порядка полумиллиона россиян. Пьянство – причина смерти 30 % мужчин и 15 % женщин [4, с. 6].

Социологи дают такую стратификацию российского общества осенью 2015 года, используя показатель «прожиточный минимум» (ПМ):

1. Бедное население – ниже ПМ – 25 %.
2. Зона риска бедности – ПМ не более 1,1–7 %.
3. Малообеспеченное население – ПМ от 1,1 до 2–46 %.
4. Благополучное население – ПМ больше 2–22 % [5, с. 45].

При этом отмечают такие особенности бедности: чем меньше населенный пункт, тем больше там доля бедных. В сельских поселениях она выше в 1,6 раза в сравнении со средним показателем по стране. В деревнях с населением меньше 200 человек – вовсе в 3 раза.

Бедность начинается по данным ВЦИОМ с 23 тыс. рублей в месяц, в сельской местности – с 17 тыс. рублей, официальный порог бедности – 9,7 тыс. рублей.

Причины бедности в России анализировались в нашей предыдущей работе – «Порок бедности в «богатой» стране» [6]. Это и низкая

заработная плата, особенно по сравнению с таковой в странах Европы, и несправедливое распределение доходов, и неумение трудящихся отстаивать свои интересы. При этом отмечалось, что необходимо изменение отношения к труду. Последний должен рассматриваться не как тяжелая повинность, а как средство реализации человека, его способностей, таланта, возможного творчества.

Не менее важная возможность улучшения благосостояния народа состоит в отказе от имперских амбиций, магии великой державы, которую все боятся. Величие страны определяется в настоящее время не столько ее военной мощью, сколько развитием экономики и культуры. Привлекательность стране обеспечивают ее высокая духовность, благосостояние большинства населения, развитие культуры и образования, уважение к человеку, забота о его здоровье и безопасности.

Многие ученые предлагают различные пути уменьшения бедности и нищеты. Но все они едины в том, что необходимо увеличить зарплату и пенсию. Причем это увеличение должно быть реальным, вести к повышению доходов населения. На это направлены и требования профсоюзов России: ближайшая поставленная задача – довести минимальный размер оплаты труда до величины прожиточного уровня трудоспособного населения в срок до 2017 года; сохранить действующий механизм индексации пенсий, пособий, социальных выплат – по реальной инфляции.

Большинство россиян, согласно социальному исследованию портала Superjob.ru, считает, что пенсия должна быть по крайней мере втрое выше чем сейчас.

Ряд экономистов и политологов предлагает отказаться от плоской шкалы подоходного налога и вернуться к 3–4-ступенчатой шкале, как это сделано в большинстве стран. Многоступенчатая шкала налогообложения доходов физических лиц могла бы сглаживать избыточную дифференциацию доходов и социальное расслоение, что должно сказаться положительно на темпах экономического роста в России.

В итоге можно утверждать, что в последние два года бедность не отстывает, а наоборот – наступает, и нужны кардинальные меры по повышению доходов большинства населения страны. Нельзя не согласиться с М. Делягиным, что «нищета – это источник возможных трагедий и позор нации, а не цифры в отчетности» [7, с. 8].

Библиографический список

1. Аргументы и факты. – 2016. – № 29.

2. Миркин Я. Нефть в обмен на продовольствие? / Я. Миркин // Аргументы и факты. – 2016. – № 34.

3. Тихонова Н.Е. Влияние кризиса на жизнь российского среднего класса / Н.Е. Тихонова // Общественные науки и современность. – 2016. – № 4.

4. Аргументы и факты. – 2016. – № 15.

5. Российское общества: год в условиях кризиса и санкций // Общество и экономика. – 2015. – № 11–12.

6. Назаров И.В. Порок бедности в «богатой» стране / И.В. Назаров // Цивилизационные перемены в России. – Екатеринбург. – 2016.

7. Делягин М. Обеспечить право на жизнь / М. Делягин // Аргументы и факты. – 2016. – № 24.

ГРНТИ 05.11.27

УДК 314.7. 72

О.Г. Черезова
УГЛТУ, Екатеринбург

ПРОБЛЕМЫ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ МИГРАЦИИ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЕ XXI В.

Рассмотрены миграционные процессы на территории Свердловской области в начале XXI в. Проанализированы их причины, последствия, влияние миграций на демографическую ситуацию.

Ключевые слова: Свердловская область, демографическая ситуация, миграции, население, сальдо миграций.

Миграционные процессы, несомненно, оказывают существенное влияние на демографическую ситуацию, распределение трудовых ресурсов, изменяют половозрастную и социальную структуру населения. Это можно рассмотреть на примере миграционных процессов, протекающих в Свердловской области. Говоря о проблемах, связанных с миграцией, обычно говорят, в первую очередь, о международных миграциях. Но по статистике гораздо большее влияние на ситуацию имеют миграции внутренние.

В советское время среди направлений миграций первое место занимала внутрирегиональная миграция. Более 60 % (а в 1970-е гг. более 70 %) мигрантов перемещалось в пределах Уральского региона [1]. При этом больше половины перемещений приходилось на Свердловскую область. Наблюдалось отрицательное сальдо миграций по селу, т.е. сельское население сокращалось за счет миграций в

города. Среди городов лидировал, как правило, областной центр, что совершенно естественно. В областном центре расположено большинство средних специальных и высших учебных заведений, а также промышленных предприятий.

Современные миграционные процессы сохраняют те же тенденции, что и наблюдались в советское время. Основная часть перемещений населения по-прежнему приходится на внутрирегиональные миграции. Так, в 2002 г. 62 % мигрантов перемещалось в пределах Уральского региона, в 2015 г. – 59 % [2]. Большая часть перемещений при этом приходилась на Свердловскую область. Как и в советское время, наиболее привлекательным для мигрантов, естественно, оставался областной центр.

Екатеринбург оттягивает население не только из сельской местности, но и из более мелких городов области. Чем ближе к областному центру расположен населенный пункт, тем интенсивнее происходит отток населения. Если классифицировать миграции по причинам, которые заставляют людей менять прежнее место жительства, то на первом месте – трудовая миграция, а именно: областной центр по-прежнему предоставляет широкие возможности трудоустройства. Уровень же заработной платы, как правило, существенно выше чем в целом по области. Так, по данным статистики, средняя заработная плата по Екатеринбургу в 2014 г. составляла около 40 тыс. руб., а по области в целом – чуть больше 30 тыс., в сельской местности – около 20 тыс.

В областном центре, как правило, более развита социальная инфраструктура. В начале 2000-х гг. 42 % от общего количества общеобразовательных учреждений располагалось в сельской местности. При этом 433 школы (33,7 %) требовали капитального ремонта, а 20 учреждений (1,6 %) находились в аварийном состоянии, на каждый из районов области приходилось по несколько десятков незанятых учительских вакансий, в результате чего часть предметов школьной программы не преподавалась. Аналогично выглядела ситуация и с медицинскими учреждениями, где до 30 % врачебных вакансий было занято средним медицинским персоналом, зачастую отсутствовали узкие специалисты.

В 1990–2010-е гг. происходило интенсивное сокращение образовательных и медицинских учреждений в сельской местности, усилившееся с проведением так называемой оптимизации. Так, только за 2010 г. в сельской местности Свердловской области планировалось закрыть 130 школ. А, как известно, чтобы населенный пункт прекратил существование, достаточно закрыть в нем больницу и школу.

На долю внутрироссийских межрегиональных перемещений приходилось около 33 %. При этом сальдо межрегиональных миграций на протяжении последних десятилетий оставалось отрицательным, т.е. область теряла население за счет межрегиональных перемещений.

Наиболее привлекательными регионами для выезжающих из Свердловской области (как и в целом по стране) являются Москва и Московская область, на втором месте – Санкт-Петербург и Ленинградская область, на третьем – Краснодарский край. Это вполне естественно. Москва и Санкт-Петербург привлекают меняющих место жительства людей по тем же самым причинам, что и областной центр, а Красноярский край привлекателен в силу климатических условий.

Свердловская область постепенно втягивается в международный рынок труда [3]. На долю международных миграций приходилось: 4 % в страны СНГ (хотя это лишь официальные данные о легальной миграции) и около 1–2 % – в дальнее зарубежье [4]. При этом, в силу географического положения Свердловской области, через ее территорию проходят транзитные потоки трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья и Юго-Восточной Азии в европейскую часть России и Западную Европу. Среди регионов, с которыми идет активный обмен мигрантами по СНГ, лидируют Казахстан, Средняя Азия и Белоруссия.

Сальдо миграций на протяжении последних десятилетий изменялось следующим образом. С 2002 по 2008 гг. оно было отрицательным. Область ежегодно теряла от 4-х до 14 тыс. человек. С 2006 г. по настоящее время наблюдается положительное сальдо миграций. Миграционный прирост составлял 1–13 тыс. человек в год. При этом он происходил за счет миграционного притока населения из стран СНГ, компенсирующего убыль, связанную с межрегиональными миграциями.

Межрегиональные перемещения по-прежнему давали отрицательное миграционное сальдо. При этом миграционный прирост населения был характерен только для городов. Сельская местность продолжала терять население за счет миграционного оттока. Так, в 2002 г. сельская местность области потеряла 1,5 тыс. человек; на протяжении последующего десятилетия этот показатель продолжал увеличиваться, несмотря на в целом благоприятную экономическую ситуацию в стране. В 2004 г. эти потери составили более 5 тыс. человек, в 2010 г. – более 7 тыс. [2]. И это несмотря на то, что уже к концу прошлого столетия село исчерпало себя как резерв трудовых ресурсов

для городов. Это произошло в результате сокращения его численности и половозрастной деформации структуры сельского населения.

В немалой степени сокращению населения сельской местности, как уже было сказано выше, способствовало отсутствие работы на селе, а также разрушение социальной инфраструктуры – закрытие больниц и малокомплектных школ (в результате оптимизации систем здравоохранения и образования).

Последствия этих процессов достаточно серьезны. Хотя считается, что позитивное воздействие миграций состоит в том, что оно может смягчить последствия демографического кризиса – компенсировать убыль населения, возникшую в городах за счет превышения смертности над рождаемостью. Но следует помнить, что это утверждение верно для тех территорий, где миграционное сальдо положительно. При отрицательном же сальдо миграций способно только усугубить неблагоприятную демографическую ситуацию.

В плане миграций наиболее активно население в возрасте от 15 до 34 лет. На долю этих возрастных групп приходится более половины всех меняющих место жительства (как среди прибывших на новое место жительства, так и среди «выбывших») [2]. Отрицательное сальдо миграций (а этот показатель обеспечивают в основном именно данные возрастные группы) приведет к еще большей деформации половозрастной структуры населения, интенсификации процесса старения населения (в сельской местности уже к началу столетия доля людей пенсионного возраста составляла почти 30 %). Происходят существенные изменения в расселении, когда большая часть населения сосредоточена в нескольких крупных городах.

Нелегальные миграционные перемещения, помимо сказанного, неблагоприятно влияют и на криминогенную обстановку. Кроме того, в большинстве случаев за счет миграций, в том числе международных, происходит отток квалифицированной рабочей силы, приток же населения обеспечивает приток в первую очередь неквалифицированных рабочих, что отрицательно влияет на рынок труда. Основными сферами применения иностранной рабочей силы, по статистике, является строительство (37,8 %), промышленность (18,6 %). При этом в данные сферы привлекаются работники низкой квалификации [4]. Таким образом, происходит снижение качества трудовых ресурсов.

Библиографический список

1. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-1813.

2. Федеральная служба государственной статистики: территориальный орган федеральной службы статистики по Свердловской области. – URL: sverdl.gks.ru.

3. Оруджиева А.Г. Миграция населения Свердловской области (90-е гг. XX столетия) / А.Г. Оруджиева. – URL: elar.urfu.ru.

4. Общие итоги миграции населения Свердловской области за 1995–2002 годы // О концепции миграционной политики Свердловской области. – URL: <http://ekb4.info/oblast4/postanovlenie341.htm>.

ГРНТИ 05.31.15

УДК 314.1+908

Е.Ю. Литвинец
УГЛТУ, Екатеринбург

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Рассматриваются изменения в демографической политике СССР во второй половине XX века. Эволюция режима воспроизводства населения, а также последствия Великой Отечественной войны заставили государство перейти к активному регулированию демографических процессов.

Ключевые слова: демографическая политика, население СССР, рождаемость, воспроизводство населения.

Демографическая политика – это управление воспроизводством населения. В XX в. многие страны мира столкнулись с проблемами снижения рождаемости, уменьшения численности молодежи и увеличением доли пожилых людей. Очевидна связь данных показателей с экономическим потенциалом государства, объемами трудовых ресурсов. Эта проблема была актуальной в СССР в связи с экстенсивным характером его экономики. Ключевыми маркерами демографических перемен в СССР во второй половине XX в. были снижение рождаемости и уменьшение средней продолжительности жизни населения (см. табл.).

Элементы демографической политики появились практически с первых дней существования советской власти: еще в 1920-е гг. проводилась так называемая марксистская атака на традиционную семью. Однако в 1930-е гг. семья была объявлена ячейкой социалистического общества, и началось создание в государственном масштабе системы, позволившей в дальнейшем безболезненно перейти от высокой к низкой рождаемости [1]. СССР стал одним из первых государств, в котором еще в 1936 г. были введены ежегодные систематические выплаты

денежных пособий на детей. Одновременно в 1930-е гг. в СССР были более высокие чем в других странах мира темпы снижения смертности, что было связано не только с внедрением новых медицинских технологий и препаратов, но и с созданием системы бесплатного медицинского обслуживания и развитой медицинской инфраструктуры [2, с. 44].

Общие коэффициенты рождаемости, смертности
и естественного прироста населения СССР

Годы	На 1 тыс. человек населения		
	Число родившихся	Число умерших	Естественный прирост
1928	44,3	23,3	21,0
1940	31,2	18,0	13,2
1950	26,7	9,7	17,0
1960	24,9	7,1	17,8
1970	17,4	8,2	9,2
1980	18,3	10,3	8,0
1986	20,0	9,8	10,2

Источник: Население СССР: справочник / под ред. А.Я. Боярского. М.: Политиздат, 1974. С. 9; Население СССР. 1988: статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1989. С. 57.

В послевоенные годы советская власть столкнулась с резким изменением демографической ситуации – значительным сокращением населения, прежде всего молодых мужчин, и появлением миллионов матерей-одиночек и незамужних женщин. Тяжелые послевоенные условия требовали включения этого ресурса – создания возможностей для женщины сочетать производственный труд и материнство. В 1944 г. была увеличена государственная помощь беременным, многодетным и одиноким матерям, устанавливалось почетное звание «Мать-героиня», усложнялась процедура развода [3]. В 1955 г. были легализованы аборты.

В условиях достаточно высокого уровня рождаемости отмена запрета абортов не привела к существенным отклонениям от генеральной тенденции: рождаемость в 1956–1958 гг. оставалась на прежнем уровне, а затем продолжила свое падение [4, с. 9]. Налицо демографический переход, объяснимый снижением экономической ценности детей: роль детей сводится к «престижному» их значению, а перераспределение ресурсов в пользу потребительского образа жизни

происходит в ущерб формированию семьи. Тенденция демонстрировалась множеством социологических исследований и наиболее отчетливо проявилась в 1960–1980-е гг. [5, с. 322].

В 1970-е гг. о демографических проблемах заговорили на высоком партийном уровне. На XXV съезде КПСС впервые была поставлена цель разработать эффективную демографическую политику [6]. Было очевидно, что создать благоприятные условия для рождения желаемого числа детей в семье нельзя без снижения затрат, которые несет семья по их содержанию.

В начале 1980-х гг. советское государство осуществило важнейшие шаги демографической политики, позволившие переломить негативную тенденцию предыдущих десятилетий (Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 22 января 1981 года № 235 «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» и «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981–1985 годы и на период до 1990 года») [5, с. 323]. Они предусматривали государственную помощь семьям, имеющим детей, расширение преимуществ и льгот, улучшение их жилищно-бытовых условий, совершенствование системы государственных пособий на детей.

Анализируя Постановление № 235, можно разделить меры, прописанные в нем, на три группы: прямые денежные выплаты, натуральная помощь и косвенная денежная помощь. К первым отнесем ежемесячные и единовременные денежные пособия, оплачиваемый отпуск, различные ссуды. В первом пункте Постановления указывается про оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста одного года. Продолжительность оплачиваемого периода по уходу за больным ребенком увеличивалась до 14 дней, с оплатой дополнительных по сравнению с действующим законодательством дней – в размере 50 % заработка. Отдельные мероприятия были направлены на повышение материального обеспечения семей, имеющих детей. В частности, вводилась оплата государственного единовременного пособия работающим или обучающимся с отрывом от производства матерям в размере 50 рублей при рождении первого ребенка и 100 рублей при рождении второго и третьего ребенка. Повышался размер государственного пособия одиноким матерям до 20 рублей в месяц на ребенка.

Таким образом, в Постановлении № 235 уделялось огромное внимание денежной помощи семье. Пожалуй, это основная часть законодательного документа. Такой момент не случаен. Он был вызван

двумя причинами. Во-первых, создать благоприятные условия для рождения желаемого числа детей в семье нельзя без снижения затрат, которые несет семья по их содержанию. Во-вторых, в результате увеличивающихся сроков обучения детей затраты на содержание и воспитание каждого ребенка растут. Следовательно, финансовая поддержка таких семей была необходима для восстановления нормального режима воспроизводства населения.

Натуральная форма помощи (за счет государственных дотаций) – это обслуживание грудничков и обеспечение местами детей в различных учреждениях: яслях, детских садах, детских лагерях, детских домах, школах-интернатах, – а также содержание там детей на льготных условиях; питание в школьных столовых и т.д.

К косвенной денежной помощи (скидки, льготы) можно отнести широкий круг мер: распространение для женщин практики неполного рабочего дня или неполной рабочей недели, скользящего графика; первоочередное право для матерей, имеющей двух и более детей, на получение ежегодного отпуска в летнее или другое удобное для них время. Сюда же можно отнести дополнительные льготы при назначении пенсии по возрасту при неполном стаже работы женщинам, воспитавшим пять или более детей либо ребенка-инвалида с детства.

Отдельный вопрос в Постановлении – осуществление мер по улучшению жилищных условий семей, имеющих детей и молодоженов (путем расширения их преимущества при получении государственной жилой площади, а также при индивидуальном и кооперативном жилищном строительстве). Это также косвенная помощь. Нуждающимся в жилье молодоженам, вступающим в первый брак в возрасте до 30 лет, постепенно должна была предоставляться как минимум комната, а молодым семьям при рождении ребенка в первые три года после бракосочетания – однокомнатная квартира.

Политика государства в жилищном вопросе также была отражена в «Основах жилищного законодательства Союза ССР и Союзных республик», утвержденных 24 июня 1981 г. Статья 20 этого документа гласит, что среди тех, кто имеет первоочередное право на предоставление жилья – матери, которым присвоено звание «Мать-героиня», многодетные семьи, одинокие матери и семьи при рождении близнецов [5, с. 325].

Воздействие демографической политики государства в 1980-е гг. на рождаемость жителей Свердловской области показательно. Число родившихся в РСФСР в 1982 г. на 87 тысяч человек превысило данные прогнозного расчета [7, с. 26].

Следующим эффективным шагом демографической политики стала антиалкогольная кампания 1985 г., которая привела к всплеску рождаемости и одновременно оказала существенное влияние на смертность и здоровье населения. В дальнейшем советское государство продолжило расширять комплекс мер помощи семьям с детьми, т.к. с 1988 г. начался новый этап снижения рождаемости, связанный с тяжелейшим кризисом власти и общества.

Вопрос о материальном поощрении рождаемости со стороны государства – предмет оживленной дискуссии. Думается, что, помимо экономических мер демографической политики, важнейшими ее элементами должна быть пропаганда семейного и здорового образа жизни. Важнейшую роль в демографическом благополучии играет стабильность государства.

Библиографический список

1. О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах: постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 // СПС «Консультант Плюс».

2. Кваша А.Я. Демографическая политика в СССР / А.Я. Кваша. – М.: Финансы и статистика, 1981. – 200 с.

3. Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали Материнства: Указ Президиума Верховного Совета СССР // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1944. – № 37.

4. Население СССР: справочник / под ред. А.Я. Боярского. – М.: Политиздат, 1974 – 192 с.

5. Литвинец Е.Ю. Советская демографическая политика в 1980-е гг.: на примере Свердловской области / Е.Ю. Литвинец // Известия Уральского государственного университета. – 2006. – № 47. – С. 322–327.

6. Материалы XXV съезда КПСС. – М.: Политиздат. – 1976. – 256 с.

7. О ходе выполнения постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 22.01.81 № 235 и № 236 // ГАРФ, ф. А-262, оп. 17, д. 1449.

ГРНТИ 39.01.11
УДК 547

И.Р. Шайхуллин
А.М. Фаттахова
З.И. Шайхуллина
УГНТУ, Уфа

ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Рассмотрены проблемы устойчивого регионального развития Российской Федерации. Проанализированы факторы, вызывающие неустойчивость и неравномерность развития регионов России. Предложена идея моделирования трендов развития и исключения их резкого изменения.

Ключевые слова: устойчивое развитие, государство, экологический кризис, экоразвитие, экологический след.

Завершение прошлого столетия характеризуется резким обострением глобальных противоречий в развитии человеческого общества. Истощение мировых ресурсных запасов планеты, стремительное ухудшение условий окружающей среды, проблемы народонаселения, угроза глобального экологического кризиса вынуждают человечество решать задачи преодоления этих угроз, выработать принципы устойчивого развития различных государств на современном этапе. Устойчивое развитие – это возможность человечества сохраниться на планете Земля при условии обеспечения благополучного состояния жизни всех будущих потомков.

В данной работе рассмотрены факторы, вызывающие неустойчивость регионального развития в России, возможности моделирования трендов развития и исключение их резкого изменения.

Устойчивое развитие во многом определяется регулированием роста народонаселения, сохранением биологического разнообразия, обеспечением продовольственной безопасности, развитием энергетики, обеспечением ресурсами и утилизацией отходов, управлением темпами урбанизации, формированием экологической культуры и экологической политики, эффективным международным сотрудничеством в области сохранения окружающей среды.

За вторую половину XX столетия народонаселение планеты удвоилось, а экологический след среднего жителя планеты увеличился в четыре раза. Средний мировой экологический след (ЭС) составляет 2,23 гга. Гга – глобальный гектар территории. 1 гга соответствует 1 га

земли или морской среды со средней по земному шару способностью к производству ресурсов и утилизации отходов [1].

Величина ЭС отражает уровень жизни и меняется от 11,9 гга (Объединенные Арабские Эмираты) до 0,1 гга (Афганистан). По миру биоемкость составляет 1,78 гга на человека, соответственно дефицит равен 0,45 гга. В Российской Федерации имеется резерв 2,5 гга, поскольку наши значения показателей больше мирового ЭС на 0,27 гга.

В Стокгольмской декларации (июнь 1972 г., конференция ООН по вопросам охраны природы) впервые были сформулированы принципы экоразвития:

- права человека на благоприятные условия жизни в окружающей среде;
- сохранность природных ресурсов Земли (особенно репрезентативных образцов естественных экосистем) на блага нынешних и будущих поколений;
- обеспечение способности Земли на воспроизводство жизненно важных ресурсов;
- ответственность человечества за сохранение и разумное управление продуктами живой природы и ее среды;
- экономное использование невозполнимых ресурсов Земли с учетом интересов будущих поколений.

В Стокгольме 5 июня 1972 г. была принята «Декларация об охране окружающей среды» (этот день стал международным днем охраны окружающей среды).

Генеральный секретарь Стокгольмской конференции Морис Стронг сформулировал понятие экоразвития, которое является синонимом более позднего понятия об устойчивом развитии (sustainable development). Под *экоразвитием* Стронг предложил понимать экологически ориентированное социально-экономическое развитие.

На этой же конференции была создана специальная структура – Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) для разработки рекомендаций по наиболее острым проблемам преодоления экологического кризиса.

Важным фактором формирования устойчивого развития является преодоление отрицательных действий процессов глобализации мира. При всех дискуссионных моментах этих процессов глобализация является объективной реальностью, и человечеству, безусловно, необходимо найти эффективные методы управления этими процессами в интересах всего общества.

* Миркин Б.М., Наумова Л.Г., Хазиахметов Р.М. Проблемы устойчивого развития: Мир, Россия, Башкортостан. Уфа: АН РБ, Гилем, 2011. 340 с.

На современном этапе формируется место различных государств в глобализированном мире, в том числе и России. Среднестатистический россиянин организует свое жизненное благополучие в холодной стране, где затраты на компенсацию неблагоприятного климата в три раза выше чем на европейском или американском континентах. Условия для обеспечения продовольственной безопасности более сложные, а леса России несравненно менее продуктивны чем леса США. Одним из факторов обеспечения устойчивого развития нашей страны является создание финансово-промышленных групп, которые были бы конкурентоспособны с транснациональными корпорациями.

Учитывая, что современный мир характеризуется быстрым изменением вектора развития и сочетания стратегических интересов между государствами, наряду с созданием межгосударственных, региональных, межконтинентальных экономических объединений, наша страна может и должна развиваться по линии большей экономической независимости, которая, безусловно, позволит решить проблемы продовольственного, промышленного, технологического импортозамещения.

УДК 115.4
ГРНТИ 02.41.01

Н.К. Антропова
УГЛТУ, Екатеринбург

ГОРОД: КОНСТРУИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО

В работе рассматриваются проблемы современной урбанизации. Именно в настоящем конструируется будущее, и именно мы, современные люди, создаем город будущего.

Ключевые слова: город, будущее, конструирование, урбанизация, утопия.

Ускорение темпов процесса урбанизации современного общества неожиданно поставило саму урбанизацию в разряд глобальных проблем. Цикличность региональных и мировых кризисов за последние двадцать лет привели к мощным иммиграционным волнам как из стран Ближнего Востока в страны Центральной Европы, так и из стран Ближнего Зарубежья в Российскую Федерацию. При этом сохраняется стабильный приток провинциального населения в большие города. Социальная адаптация и культурная ассимиляция мигрантов происходит в непростых условиях активного и пассивного сопротивления со

стороны коренного населения. Тем не менее, процесс концентрации населения в мегаполисах происходит быстрее роста общей численности населения планеты и в городах сейчас проживает 55 % народонаселения.

Цель нашего исследования – проблемы и перспективы развития современного города. Бесспорно, что наше будущее – это в какой-то мере и есть наше настоящее, ведь будущее зависит от того, что мы делаем в настоящем. Но что бы мы ни планировали, современный мир меняется быстрее наших представлений о нем. Ч. Франкел предложил феномен «телескопирования революций», который состоит в том, что основные изменения в жизни человечества происходят во все более короткие промежутки времени, что приучает людей полагать, что будто бы будущие изменения произойдут еще быстрее. Также и Дж. Бенфорт подчеркивал, что скорость изменения наших представлений о себе будет расти, и эти представления будут изменяться быстрее, чем мы сами. Возможных вариантов будущего города множество. Нам решать, в каком месте нам будет комфортнее и уютнее. Видение будущего оказывает влияние на настоящее. Как сказал Р. Злотников, «будущее будет таким, каким мы его напишем» [1].

Единой точки зрения на город на сегодняшний момент не существует. По мнению Е.В. Коневой, город – это «чувственно воспринимаемое явление (пространство), выраженное с помощью особых естественных и непосредственно создаваемых знаков; при этом оно, бесспорно, обладает целостностью и в то же время автономией (самостоятельностью)» [2, с. 421].

Город – это сложное образование, включающее в себя жилые объекты, научные, культурные, общественные учреждения, промышленные предприятия, предприятия транспорта и связи, сады и парки, коммуникационные сети и др.

Тем не менее, можно выделить виды городов по различным основаниям: градообразующие и градообслуживающие; моно- и полифункциональные; «миллионники», средние, малые; периферия и центр; городские агломерации и слившиеся города и др. К тому же город обладает такими свойствами, как:

- разнообразие (создание широких возможностей для человека: поиск работы и досуг);
- многокомпонентность (материальными и духовными составляющими);
- противоречивость, проблемность (одиночество, экология, транспорт);

– парадоксальность (рассогласование, нарушение соразмерности и соответствия);

– стихийность и т.д.

Городская идентичность предполагает идентификацию себя с конкретным городским сообществом, а также с некими уникальными свойствами и характеристиками, отличающими этот город от всех других городов мира. Каждый город является «обособленной индивидуальностью», и его качества проявляются в неповторимости его образа:

– город-легенда (Афины, Крит, Атлантида, Бухара);

– город-история (Рим, Пекин, Киев, Москва);

– город-сказка (Багдад, Дели, древние японские города);

– русские «города-пряники» (Городец, Ярославль, Кижы, Кострома);

– город-поэма (Верона, Венеция, Ростов Великий и другие русские города на Волге);

– город-роман (Париж, Санкт-Петербург);

– город-детектив (Лондон, Чикаго, Нью-Йорк, Палермо);

– город-фантастика («идеальные» города, существующие только в проектах; современные города Японии) и [2, с. 422].

Городское культурное пространство характеризуется количественными (величина городского населения, размеры и возраст города, число учреждений города) и качественными (статус города, развитость социальной инфраструктуры, разнообразие социального состава городского населения) показателями. Характеристиками городского культурного пространства являются:

– однообразие/разнообразие;

– интегрированность/дезинтегрированность;

– динамичность/статичность и др. [2, с. 263].

Современный город больше не представляет собой структурированное архитектурное пространство с четкой геометрией (как в древних городах – архетипы круга, квадрата, креста). Пространство современного города переполнено информацией о преходящем и сиюминутном. По мнению М.В. Пучкова, каждый крупный город существует одновременно как город воображаемый (более сложен чем его двойник). Город-текст постоянно в процессе своей жизнедеятельности творит собственную мифологию [2, с. 138].

Маркетинг территории возник в конце XX в. и получил свое развитие в работе Ф. Котлера «Маркетинг мест». *Маркетинг территории* – это инструмент социально-ориентированной экономики,

направленный на удовлетворение потребностей населения, повышение качества жизни граждан, планирование развития местности с учетом его особенностей, создавая привлекательный образ территории в глазах всех целевых аудиторий. Одним из проектов маркетинга территории является маркетинг имиджа – привлекательность городов. Исследование привлекательности российских городов показало, что на высшем уровне (максимальный потенциал, минимальный риск) находятся: Московская область, Москва, Санкт-Петербург, Краснодарский край, республика Татарстан. Свердловская область оценивается специалистами как территория с высоким потенциалом и умеренным риском [2, с. 218].

В экзистенциальном плане большой город представляет собой феномен «одинокость в толпе». Люди пытаются отгородиться от мира, уходя в виртуальный мир. Они не хотят и не могут сделать что-то, что может потребовать от них усилий или ненужных эмоций, происходит минимизация личного общения. Реальные связи заменяются слабыми социальными связями или участием в социальных контактах. В коммуникационной среде больших городов начинают возникать сообщества нового типа. Многие компании уплотняются, начинают активно пользоваться услугами фрилансеров или переводят работников на домашнюю работу.

Сложившуюся офисную субкультуру ждут серьезные изменения. Активно развиваются новые формы офисной жизни типа коворкинга, когда объединенные общей идеей люди снимают один большой офис ради общения и обмена идеями.

Вопрос о городе будущего – это вопрос не только о научно-техническом развитии, но и о социальной утопии или антиутопии. Разговор об утопии – это разговор о том, как остаться человеком в роботизированном обществе.

Идеи города будущего, идеального города, города Солнца занимала умы людей со времен Платона и Томмазо Кампанеллы. Будущее городов пытаются предугадать, спрогнозировать и спроектировать. Будет ли оно светлым, мрачным или парадоксальным? Изменится ли город до неузнаваемости, и если да, то как?

Предсказание будущего в конце XX – начале XXI вв. превратилось в массовую индустрию, имеющую научную и культурную составляющие. Вспомним произведения А. Азимова, Р. Брэдбери, М.А. Ефремова, А. и Б. Стругацких, А. Кларка, К. Саган, Хаксли «О дивный новый мир», Замятина «Мы», Оруэлла «1984» и др. В фильме «Солярис» Андрея Тарковского есть два образа города

будущего: токийская технологичная футуристическая дорожная развязка (транспортный коллапс) и деревянный домик в ретростиле (идиллия сельской жизни).

Ярким фильмом о будущем является фильм «Матрица», который дает витиеватое, примитивное построение будущего. Матрица – это ментальная модель виртуального «Я», а общество существует в виде нейроинтерактивной модели, которой и является Матрица. Матрица использует людей по одно единственной причине – как источник энергии. Поэтому она заинтересована в том, чтобы человек жил. Люди – это «батарейки» матрицы. Последний человеческий город матрицы – это Зион. Зион – мир людей, прорвавших путь иллюзии. Машины Зиона помогают выжить людям, в то время как машины матрицы уничтожают их. Такое будущее вполне реально. Человек, облегчая свою жизнь, теряет свою духовность, обретая смятение и неудовлетворенность. Мир матрицы насквозь враждебен человеку, единственное средство общения с ним – это война, поэтому герои и авторы фильма упиваются сценами «мордобоя». Если положительным героем является Нео, то отрицательный – компьютерный вирус Агент Смит. Смит искренне верит, что он является единственным спасителем планеты от людей, и поэтому направляет все свои усилия на полное уничтожение мира. Смит является противоположностью Нео, но дело в том, что эти противоположности связаны: это две стороны одного человека – Нео.

Возможен и другой сценарий, где человек будет работать над собой, а не над вещами. Этот вариант отображен на картине Николая Рериха «Град причистый», которая показывает нам Шамбалу – мир будущего. Технические достижения в Шамбале совершенны, но человек умнее техники. Жизнь без мечты невозможна и даже опасна. Каждый человек не может обойтись без цели в жизни. Утопия – это не сама цель, а движение к этой цели. «Утопии придают ценность, смысл и назначение нашему миру, который никогда не станет идеальным» [3, с. 39].

Можно выделить следующие варианты идеального общества:

1) психологическая утопия (психологи принимают участие практически во всех значимых решениях; отношения между людьми подразумевают открытость, откровенность, взаимную поддержку, непосредственное выражение любых эмоций);

2) неолиберализм (свободное предпринимательство и индивидуализм; рынок, регулируемый коммерческим интересом и жестким законодательством об авторских правах);

3) педагогическая утопия (образование и воспитание – ключевые направления для инвестиций; детей помещают в специальные интернаты);

4) информационная утопия (переустройство общества на основе информационных технологий; переход законодательной власти в руки всего населения);

5) национально-религиозная утопия (развитие за счет «консервативной модернизации»; решения остаются за «праведниками-харизматиками»);

6) трансгуманизм (главные инвестиции идут в науку, технологии и медицину, технологии улучшения человеческого тела);

7) экологические утопии (жизнь в гармонии с природой; создание новых экологически чистых средств транспорта);

8) нью-эйдж (свободный и честный обмен без денег; ключевые позиции занимают «духовные учителя»);

9) космическая утопия (главные инвестиции – в науку и космические технологии; миром управляет группа ученых – руководителей космического проекта);

10) альтерглобалистская утопия (мир разбит на множество относительно небольших общин и коммун; триумф прав человека и культурного разнообразия) и др. [3, с. 40–47].

В соответствии с вариантами идеального общества и жизни в современных городах можно вычленить следующие концепции городов будущего:

1. *Голливудский штамп* – «гигантские, в сотни и тысячи этажей высоты из стекла и металла, огромная голографическая реклама, описывающие зигзаги многоярусные дороги, развязки в 20–30 уровней. Технологический рай и ад одновременно» [4, с. 12].

Такой стандарт был задан в 1982 году в фильме «Бегущий по лезвию» Ридли Скотта. Эту тему можно было увидеть уже в 1927 году в немом фильме «Метрополис» Фрица Ланга. В российском кинематографе эта тема прослеживается в фильме «Обитаемый остров» Федора Бондарчука-младшего. В литературе эта тема появляется в романах Уильяма Гибсона и других авторов.

Теперь это антиутопия – мегаполис супернебоскребов; мир, разъедаемый экономико-социальными язвами и путами; мир транспортного коллапса и экологических катастроф; мир, перенасыщенный информацией и др.

2. *Экогорода, города-сады*. Они «будут развиваться, разнообразные природоохранные практики, связанные с потреблением

солнечной энергии или с использованием воды в системах замкнутого цикла... Еще Маяковский писал о городе-саде» [4, с. 12].

Прототипом такого экогорода будущего считают район Фрайбурга, Фаубан. «Фаубан – экологическая столица Европы. Фаубан – это на самом деле деревня. Дома невысокие, в основном в три–пять этажей. Архитектура неброская, минималистичная, местами даже скучная. Здесь полностью запрещены автомобили, горожане передвигаются на велосипедах. Вместо паркингов разбиты детские и спортивные площадки. Район на 100 % обеспечивается возобновляемыми источниками энергии. Крыши домов представляют собой солнечные батареи. В районе много экспериментируют с созданием безотходных домашних хозяйств. Фаубан с центром Фрайбурга связывает прямая трамвайная линия» [4, с. 12].

3. *Города 3D.* В отдаленной перспективе основным материалом при возведении города будут нанокompозиты, и он будет чуть ли не целиком напечатан на 3D-принтерах. Дом будет «представлять собой что-то вроде паучьей норы со стенками, которые меняют свои свойства. С виду это будет похоже на пену из пузырей с разными размерами и объемами. Возможны и многоквартирные дома такого типа. Дом – умный, практически живой, расширяющийся и сужающийся по погоде» [4, с. 13].

4. *Проект С. Непомнящего:* «город будущего – это объемный город, где все находится в пределах пешеходной доступности, все элементы среды сконцентрированы» [4, с. 14].

5. *Город-Интернет.* В Южной Корее возводится город Сонгдо, «где вся инфраструктура будет управляться через спутники и Интернет. Это концепция «умного города» – умное балансирование жизни в городе. Через устройства человек может включиться в систему «умного дома»: будет находиться на связи с городскими службами, собственным домом, отдавать распоряжения холодильнику и системам отопления, совершать платежи, пользоваться разнообразными услугами и др.» [4, с. 16].

Города будущего – это города летающих людей и товаров (летающие дроны и квадрокоптеры). Использование роботов будет массовым явлением. К 2040 году может возникнуть телепорт, людям не придется ходить по городу и соприкасаться с посторонними людьми.

Конструктивная экология (градостроительство), автономные дома. «Будут формироваться природно-экологические комплексы, находящиеся в непосредственной близости от жилья... Одним из основных принципов градостроительства будет масштабное озеленение и

появление терраформирований... Появятся новые центры кристаллизации урбанистических процессов вместо старых, которые не будут сдерживаться транспортным арканом» [4, с. 17–18].

Важнейшим фактором при проектировании городов будущего станет разнообразие. Человек сам будет выбирать подходящую ему модель взаимодействия с городом.

Библиографический список

1. Юревич А.В. Асимметричное будущее / А.В. Юревич. // Вопросы философии. – 2008. – № 7.
2. Коллизии культуры в информационном обществе (Культурологические чтения – 2014): мат-лы Международной науч.-практич. конф. – Екатеринбург: УрФУ, 2014.
3. Лейбин В. Где взять мечту? Живые утопии; 10 вариантов идеального будущего / В. Лейбин, Ф. Лобанов, Г. Тарасевич. – Русский репортер. – 2015. – № 1–3.
4. Город-сказка, город-мечта. Каким станет мегаполис будущего? / В. Бажанов, И. Кравцова, Д. Данилова, М. Трубина, Д. Майоров. – Русский репортер. – 2014. – № 45.

ГРНТИ 71.37.01
УДК 379.851

Н.Г. Фонова
УрФУ, Екатеринбург

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В 2017 ГОДУ: АНАЛИЗ РЫНКА

Дан анализ развития и предпочтений туриндустрии России в 2016 г. Отмечен позитивный спрос на турпродукт внутри страны, специфичность запросов культурно-познавательного и пляжного отдыха выездного туризма.

Ключевые слова: турпродукт, внутренний и выездной туризм, Ростуризм, турпоток.

Непростым и неоднозначным стал для туризма уходящий 2016 год. Начало года не сулило больших перспектив, особенно относительно международного туризма. Но уже очевидно, что он оказался более удачным для российского туристического бизнеса, чем предыдущий: об этом свидетельствует заметный рост бронирований в летний высокий сезон. Причем продажи активно шли как на внутренних, так и зарубежных направлениях.

По сути, высокий туристский сезон начался уже в мае, стартовала активная работа по всем летним направлениям. Бронирования в этом году шли довольно оживленно: по данным туроператоров, прирост составил 20 % по сравнению с прошлым годом. И особенностью является то, что наши крупнейшие туроператоры, которые раньше специализировались на выездном туризме, занялись и внутренним. Теперь они используют все возможности, наработки и мировой опыт для организации отдыха россиян внутри страны. Более того, в этом году Россия (среди россиян) возглавила список самых популярных направлений на майские праздники.

Среди российских регионов самыми востребованными у туристов стали Крым, Черноморское побережье Кавказа, Краснодарский край, а также столицы – Москва и Санкт-Петербург. Сильно возросла популярность Камчатки. На летний сезон она была полностью забронирована. Спрос на поездки в отдельные регионы вырос беспрецедентно.

Например, число запросов на туры в Алтайский край выросло в апреле втрое по сравнению с тем же периодом прошлого года, в Ярославскую область – в 15 раз, в Крым – в 13 раз, в Карелию – почти в 10 раз. Спрос внутри страны вырос мгновенно, но, к сожалению, предложение за ним не везде успевает: очевидна недостаточность развития туристской инфраструктуры. Но идет строительство новых отелей как на юге России, так и, например, и на Камчатке.

Выездной туризм изменил структуру. Лидерами летом 2016 стали Греция и Болгария, активно шло бронирование Испании, Черногории, Италии. Востребованность заграничного отдыха у россиян этим летом по-прежнему не очень высока из-за курса рубля и политической обстановки. Популярность Турции после снятия ограничений постепенно возвращается. Основной пик по турам в Турцию придется на сентябрь – октябрь. По прогнозам экспертов, по итогам сезона Турция войдет в пятерку самых популярных направлений, но это будет 4–5-е место, в отличие от показателей прошлых лет, когда это направление было самым популярным у россиян.

За рубежом происходит серьезное соперничество за российского туриста. Зарубежные партнеры формируют новую ценовую политику для наших путешественников, предлагают особые программы, изменяют визовые условия. Предположительно, рост турпотока за границу по сравнению с прошлым годом произойдет, но, скорее всего, он будет очень незначительным, в пределах 5–10 %. Этому будет способствовать и усиление рубля.

Практически все страны, вызывающие традиционный интерес российских путешественников, действуют в одном направлении – ослабления визового режима. Особенно преуспела в создании благоприятных условий для наших туристов Болгария, которая первая приняла решение об уменьшении стоимости виз и выдаче длительных многократных виз. В этом же направлении работает Греция. Ряд греческих туроператоров заявил о снижении стоимости отдыха для россиян на 20 %. При этом они максимально снижают срок получения визы, делают условия их оформления более комфортными.

Испания в рамках открытия перекрестного года туризма тоже основательным образом задумалась над введением различных визовых преференций для наших граждан. Они обдумывают возможность ввести безвизовый въезд для наших детей с 6 до 12 лет.

С недавнего времени в перечне направлений появилось новое – Иран. Пока это взаимодействие носит односторонний характер. Российские туристы пока достаточно осторожны. Иранцы же начиная с прошлого года довольно активны. За 2016 год турпоток превысил 40 тыс. человек, причем рост составил 111 %. Конечно, по сравнению с традиционными направлениями, это мизер, но начало положено. Иран – одна из немногих зарубежных стран, продемонстрировавших положительную динамику въездного туризма в Россию. Географический интерес иранских граждан республики внутри нашей страны таков: в основном это юг России и центральный регион – Москва, Санкт-Петербург.

Интерес иранцев к нашей стране обоснован следующими факторами:

- 1) давними историческими связями;
- 2) снятием многолетних международных санкций. Длительное время иранцы практически не имели возможности путешествовать. С этим связан неудовлетворенный спрос на поездки;
- 3) продолжительность полета не так велика, что также немало важно;
- 4) в России иранцы могут получить массу интересных впечатлений.

В Тегеране был недавно открыт на базе российского посольства национальный туристский офис VisitRussia. Партнером выступает иранская туркомпания, занимающаяся продвижением российского турпродукта.

В планах российских туроператоров – развитие этого направления, т.к., кроме культурно-познавательного туризма, страна может предложить и пляжный отдых на острове Киш. Это особая экономическая зона в Персидском заливе. Там замечательные пляжи, очень

хорошие условия для отдыха. Безусловно, в Иране есть культурные особенности, которые накладывают отпечаток на отдых туристов, в частности, необходимо знать, что Иран является исламской республикой.

Для россиян интересен предлагаемый иранской стороной продукт. В стране есть хорошие гостиницы по доступным ценам, довольно интересный шопинг – продаются товары известных брендов, изделия народного промысла, и, конечно, известные всем персидские ковры. Для Ирана очень важно получить российского туриста, для этого вводятся визовые преференции. Россияне получили возможность без визы въезжать в Иран сроком до 30 дней.

Особенностью этого сезона является востребованность российских курортов, инфраструктура которых постоянно растет и развивается. Стоит отметить, правда, что процесс этот распространяется не очень равномерно. Например, если речь идет о Краснодарском крае, то инфраструктура там выше среднего мирового уровня. В силу сезонности спроса, существует проблема неравномерной заполняемости гостиниц. Во время высокого сезона спрос значительно превышает предложение, а в не сезон обратная ситуация.

Необходимо работать над расширением пределов туристского сезона. Следует найти аргументы в пользу отдыха в низкий сезон, демонстрируя те преимущества, которые смогут получить выбравшие это время отдыха: сокращение транспортных издержек, затрат на проживание, полноценный сервис, лечение.

В Крыму, бесспорно, требуется работать над совершенствованием туристской инфраструктуры, создавать новые места размещения и обновлять старые объекты. Этот процесс идет, но небыстро. В 2015 году в регионе было сооружено несколько современных гостиниц, построен аквапарк. Но и в сложившейся ситуации у Крыма есть потенциал для увеличения турпотока: в прошлом году полуостров посетило 4,9 млн человек, в этом году (по состоянию на октябрь) в Крыму отдохнули 5 млн 14 тысяч туристов.

Кроме слабой материальной базы и низкого сервиса, проблемой Крыма является плохая транспортная доступность. Решением проблемы является строительство моста, которое закончится в 2018 году. На данный момент транспортные возможности Крыма практически исчерпаны. Рост числа отдыхающих происходит, но пропускная способность керченской паромной переправы и симферопольского аэропорта доведены до предела.

К новому сезону выстраивается логистика. Увеличивается число городов, связанных авиамаршрутами с Крымом. В Симферополе

энергично формируют инфраструктуру – решается проблема парковочных мест, терминальных зон. Расширяются возможности керченской переправы [1, 2].

Крым не исчерпал свои возможности, это значит, нужно правильно расставить приоритеты для решения насущных задач. В первую очередь это субсидирование авиаперевозок туристов в низкий сезон. Предполагался старт данной программы в России весной; но добиться этого не удалось, возможно, решение переносится на осень. Для этого создана совместная рабочая группа, состоящая из представителей Минтранса, Ростуризма и туроператоров.

Со стороны туристического рынка было предложено 24 направления для субсидирования поездок в курортные города Северного Кавказа и Краснодарского края. Минтранс принял это к рассмотрению.

Совершенно новое предложение – создание чартерных поездов – опять же, по предложению Ростуризма в партнерстве с РЖД. Железнодорожный транспорт остается для большинства жителей страны самым доступным видом транспорта, необходимо сделать его максимально комфортным способом перемещения туристов по стране. Туроператоры готовы проинвестировать этот способ перевозки пассажиров и видят в нем большое будущее. Для большей оперативности туроператоров необходимо подключить к электронной системе продаж РЖД.

Третий важный шаг – это создание достойных условий размещения. Роспотребнадзор провел тотальную проверку российских средств размещения. Итоги не порадовали: не отвечает требованиям более 70 % средств размещения.

Ростуризм озаботился этой проблемой и создал рабочую группу, задачей которой стало формирование объектов туристической индустрии, обеспечение благоприятных условий для въездного туризма. Принято решение об обязательной классификации гостиниц. Начало было положено в Сочи, затем эстафету подхватят города, где состоятся матчи Чемпионата мира по футболу 2018 г. Процедура оценки гостиниц станет обязательной для всего рынка гостиничного хозяйства страны.

Безусловно, гостиничному бизнесу необходимо время для подготовки. В России сложилась шестиуровневая классификация гостиниц – от нуля до 5 %. Каждый уровень отвечает определенным требованиям. Конечно, увеличение интереса к внутреннему туризму приводит к усилению нагрузки на инфраструктуру регионов, а приведение территории туркластеров в соответствие с мировыми стандартами заставляет регионы делать серьезные вложения из собственного бюджета

и запрашивать ассигнования из федерального бюджета. С этой целью предлагается ввести курортный сбор. Эта инициатива будет эффективной только в том случае, если практика этой фискальной процедуры будет максимально прозрачной и сбор не будет значительно влиять на стоимость пакетного тура.

Серьезной проблемой для нашей туристической отрасли является уровень кадровой подготовки. Развитие этого рынка неизбежно наталкивается на дефицит кадров с соответствующим уровнем подготовки. В стране большое количество учебных заведений, готовящих специалистов в этой сфере деятельности. Направление подготовки «Гостиничное дело» имеют только в Москве более 20 вузов, а в стране – более 198. Таким образом, кадровый потенциал целенаправленно укрепляется, накапливается опыт, поэтому есть основания смотреть с оптимизмом в будущее российского туристического сервиса.

Въездной и внутренний туризм в России имеют хорошее будущее. Они должны стать не только высокодоходной сферой народного хозяйства страны, но и благоприятной средой для долгосрочного сбалансированного развития несырьевой экономики регионов страны. Эта направленность особенно актуальна в настоящее время, когда главным трендом выступает отказ от сырьевого пути развития. Туризм, не являясь производственной сферой, становится все более значимой в силу присущих особенностей:

- экспортирует услуги;
- обеспечивает занятость;
- способствует экономическому росту;
- устраняет диспропорции в развитии территорий.

Туризм относится к несырьевому экспорту услуг, и его значение для России продолжит расти, особенно на этапах падения цен на энергоресурсы. Будучи одним из источников обеспечения занятости и экономического роста, он будет выступать катализатором социально-экономического развития территорий, в т.ч. моногородов, сельских поселений, северных территорий. Что важно, туризм внесет свой вклад в устранение диспропорций в развитии российских регионов. Ведь условия промышленного производства и добычи ресурсов есть не везде, а туристическая отрасль может успешно развиваться практически повсеместно.

Неожиданный интерес государства к продвижению внутреннего туризма позволил достичь значительных результатов в развитии инфраструктуры и сервиса.

К тому же турбизнес относится к категории малого и среднего бизнеса, который во всех странах является двигателем экономики и на который у государства есть серьезная надежда.

Библиографический список

1. Курортный сезон – 2016. – URL: <http://crimea.ria.ru/trend/sezon/>.
2. Курортный сезон – 2016: два прогноза. – URL: <http://ru.krymr.com/a/27757315.html/>.

ГРНТИ 03.09.55
УДК 094(47).083

Д.Ю. Пухов
УГЛТУ, Екатеринбург

ЛЕВОЛИБЕРАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБКУЛЬТУРА В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В ГОДЫ ДУМСКОЙ МОНАРХИИ

На материалах екатеринбургской кадетской периодической печати рассматриваются базовые политические ценности, самоидентификации и поведенческие модели, программные установки (характерные для провинциальной леволиберальной субкультуры начала XX века), ориентации левых либералов относительно органов государственной власти (требования к политической системе и политическим оппонентам). Показаны взаимоотношения уральских леволиберальных изданий с местной администрацией.

Ключевые слова: левый либерализм, политическая культура, политическая история Урала, уральская пресса начала XX века, российские политические партии начала XX в.

Леволиберальная модернизационная модель как одно из направлений отечественной политической мысли возникла в начале XX в. В отличие от российских либеральных деятелей XIX в., представители левого («нового») либерализма считали актуальным включение в политическую повестку дня конституционных и социальных требований. Реформирование монархического режима в ходе первой революции создало возможности для легализации «нового» либерализма, его партийно-организационного оформления, возникновения системы леволиберальной прессы. В 1905–1907 гг. чтение идеологически окрашенной региональной периодики становится заметной частью повседневной жизни образованного российского общества. Формируется субкультурное восприятие действительности, объединявшее публицистов и

читателей изданий той или иной идеологической направленности. Исследование дореволюционной леволиберальной субкультуры сохраняет научную значимость как в рамках изучения российской политической системы начала XX вв., так и с точки зрения анализа актуального для современной России исторического опыта.

Традиции левого либерализма на дореволюционном Урале активно изучались в постсоветский период. При этом наибольшее внимание уделялось исследованию кадетских партийных структур. Наиболее полно эта тема раскрыта в работах И.В. Нарского [1, 2]. Кадетская пресса как один из механизмов функционирования и воспроизводства либеральной субкультуры изучена в меньшей степени. Между тем в публикациях кадетских изданий нашли отражение основные ценностные и программные установки, а также поведенческие модели, характерные для левых либералов начала XX в. На страницах региональной кадетской прессы можно найти как оценки реалий дореволюционной российской модернизации (в частности – восприятие специфических региональных проблем), так и представления о перспективах модернизационных процессов в будущем.

В начале января 1906 г. в Екатеринбурге начал осуществляться выпуск ежедневной газеты «Уральский край» (1906–1911 гг.), официальными издателями которой в годы первой революции были Г.А. Олесов (с 1 по 14 января 1906 г.) и Е.Н. Коротков (с 15 января 1906 г.), а ответственными редакторами – А.М. Спасский (1 января – 5 февраля 1906 г.) и П.М. Соколов (9 мая – 19 июня 1906 г.) Фактическим издателем являлось «Товарищество газеты «Уральский край». Редактирование газеты контролировалось одним из руководителей екатеринбургского областного кадетского комитета А.М. Спасским. Он же был зарегистрирован в качестве номинального издателя и ответственного редактора ежедневной «Екатеринбургской газеты», выходившей с 14 февраля по 26 марта 1906 г., т.е. в период приостановки «Уральского края». Эти два издания представляли собой один и тот же печатный орган, выпускавшийся под разными названиями.

«Уральский край» последовательно занимал прокадетскую позицию. «Если исключить крайние партии, которые до самого последнего времени были весьма незначительны и слабоорганизованы, К.-д. партия является, в сущности, единственной представительницей истинно конституционных и демократических слоев населения», – утверждалось в одной из первых редакционных статей. Характеризуя социальный состав и стратегические ориентиры Конституционно-демократической партии, автор публикации писал, что в нее «входит

та политически зрелая интеллигенция, которая, будучи социалистически настроенной, не ждет мирового социального переворота в ближайшие годы, но желает социальной эволюции вместе с развитием культуры среди широких народных масс», а также «просвещенная буржуазия, которая не убеждена в конечном торжестве социализма, но из глубокого понимания нужд страны, из непосредственного сочувствия к культурной работе или широкого взгляда на свои личные интересы и стремления к «социальному миру» желает добиться крупных политических и экономических реформ для страны и всех трудящихся масс» («Уральский край» (далее – У.К.). 1906. 14 января).

Программы социалистических партий рассматривались публицистами «Уральского края» как утопии, попытки реализации которых приведут к разрушению национальной экономики, краху государственного и земского бюджетов, социальных учреждений (здравоохранения и народного образования) и, в конечном итоге, – к ухудшению положения трудящихся. Отмечалась неготовность России к социалистическим преобразованиям. Неприемлемыми для публицистов «Уральского края» были абсолютизация классовых интересов и «революционный бланкизм» крайне левых политических сил.

Автор редакционной статьи от 19 мая 1907 г., посвященной Лондонскому съезду РСДРП, полагал, что в случае преодоления раскола между большевиками и меньшевиками «для соотношения политических сил в стране далеко не безразлично, кто явится в роли руководителя партии – непримиримые до высшей степени фанатики-большевики или меньшевики, более склонные считаться с конкретными условиями переживаемого исторического момента».

«Союз 17 октября», партия Правового порядка, партия Мирного обновления, а также крайне правые политические силы характеризовались как «правительственные» и подвергались критике за нежелание содействовать осуществлению демократических реформ. Черносотенные организации, по мнению публицистов «Уральского края», являлись выразителями дворянских интересов. Наличие в рядах черносотенцев представителей демократических слоев города и деревни объяснялось низким уровнем политической культуры российского общества.

«Уральский край» выступал за реформирование государственного устройства России – введение ответственности исполнительной власти перед законодательной, расширение законодательных и бюджетных прав народного представительства, демократизацию избирательных законов, реформу или ликвидацию Государственного совета.

Создание демократической парламентской системы рассматривалось как необходимое условие для вывода страны из революционного кризиса и складывания стабильного общества. Существующий «бюрократический» режим, опирающийся на состоятельные слои населения, по мнению авторов публикаций «Уральского края», был не способен на проведение необходимых для этого социальных преобразований, а также законов, обеспечивающих формирование правового государства. Редакция «Уральского края» выступала за введение в полном объеме гражданских и политических свобод, отмену смертной казни, политическую амнистию, осуществление судебной реформы.

На страницах екатеринбургского издания последовательно проводился тезис о необходимости участия оппозиции в работе Государственной думы. Публицисты «Уральского края», полемизируя с социалистами, доказывали, что работа в Думе в существующих условиях является единственным эффективным способом политической борьбы, отказ от которого либо приведет к эскалации насилия, либо будет означать отступление прогрессивных сил, отказ от уже завоеванных позиций. Предвыборные кампании рассматривались, помимо этого, как дополнительная возможность для политической агитации.

В то же время «Уральский край» неоднократно подвергал критике избирательный закон 1905 г. и организацию предвыборных кампаний. Администрация обвинялась в создании препятствий для предвыборной агитации оппозиционных партий.

Авторы статей «Уральского края» осуждали насильственные действия как правых, так и левых партий, критиковали репрессивные действия властей, осуществляемые в рамках исключительных положений, полагая, что они не способствуют стабилизации ситуации в стране.

Редакция обвинила правительство в провоцировании конфликта с I Государственной думой. В передовых статьях «Уральского края» оправдывалась думская тактика партии Народной свободы, сдерживавшей, по мнению публицистов, «революционные требования народа», которые «шли дальше и были решительнее, чем требования думского большинства» (У.К., 1906. 14 июля).

В период подготовки к выборам во II Думу «Уральский край» выступал за союз всех оппозиционных сил. В то же время на страницах газеты велась критика партий, занимавших позиции левее кадетов. А.М. Спасский писал, что радикализм левых «может пробудить в стране реакцию». В одной из передовых статей утверждалось, что из-за непопулярности среди избирателей крайне левых политических

сил, они не смогут добиться успеха на выборах, и поэтому их борьба с кадетами выгодна правительству. Авторы публикаций считали, что программа и тактика левых политиков не учитывает реальное соотношение сил в стране.

Еще до начала работы II Думы «Уральский край» писал о невозможности сотрудничества думского большинства с правительством. «Возможно ли сотрудничество оппозиционной Государственной думы с Министерством роспуска первых народных представителей, Министерством тюрем, ссылки и военно-полевые суды, загнавшие в подполье мирную оппозицию и давшие полную свободу действий черной сотне? Ответ на этот вопрос ясен», – заявлялось в одной из статей. Автор публикации выражал уверенность в том, что народ – «то главное препятствие, которое помешает распустить вторую Думу так же легко и просто, как первую» (У.К., 1907. 11 февраля). Газета выступала за единство думской оппозиции, однако констатировала, что кадетский «центр и левый революционный фланг не могут идилично слиться воедино в своей парламентской работе». Весной 1907 г. «Уральский край» пропагандировал идею «органической» работы народного представительства и лозунг «беречь Думу». Редакция подвергла критике большевистскую тактику «непримиримой революционности, рассматривающей Думу как трибуну для революционной проповеди и организации» (У.К., 1907. 23 февраля). Утверждалось, что левые политики, занимая радикальную позицию, провоцируют роспуск представительного органа. С точки зрения редакции, представители правых партий препятствовали плодотворной работе Думы.

На страницах екатеринбургского издания популяризировалась программа достаточно радикальных социальных преобразований. Прежде всего, отмечалась важность решения земельного вопроса. Публицисты «Уральского края» исходили из необходимости принудительного отчуждения части помещичьих земель и с этих позиций критиковали столыпинские аграрные реформы. В сентябре 1906 г. редакция утверждала: «Говорить же серьезно об аграрной программе «конституционного министерства» не приходится, так как в лучшем случае маленькая синичка попадет в руки незначительной кучки изголодавшегося крестьянства». По мнению автора другой редакционной статьи, Крестьянский банк содействовал продаже помещичьих земель по завышенным ценам, а из-за плохой организации крестьянского переселения многие переселенцы «оказались в жалком положении» (У.К. 1907. 13 мая). Делался вывод о том, что правительство учитывает интересы помещиков, но игнорирует потребности крестьянства.

Публицисты «Уральского края» писали о необходимости урегулирования земельных отношений на Урале. По мнению редакции, при ликвидации посессионного землевладения должны быть удовлетворены надежды «той части уральского рабочего населения, которая, живя вблизи пригодных для земледельческой культуры земель, мечтает о развитии земледелия, о более или менее независимом положении от неверного заработка горнорабочего» (У.К., 1906. 28 ноября).

Отмечалась необходимость наделения горнорабочих лесными участками, достаточными для ведения мелких промыслов. При этом автор публикации полагал, что для предотвращения хищнической вырубki лесов надельные земли «должны быть общегосударственными, находиться в ведении обновленного лесного ведомства и управляться при посредстве выборных из тех поселений, из наделов которых образовалась данная дача» (У.К., 1906. 19 января).

Екатеринбургская газета выступала за введение принципа горной свободы и национализацию недр. По мнению публицистов, именно такое решение проблемы собственности на недра позволит «привлечь к горному делу свежие народные силы на смену разжиревших и бездеятельных теперешних горнопромышленников» (У.К., 1906. 9 августа). Редакция полагала, что уральские заводчики занимают эгоистическую позицию по вопросам недр и судьбы посессионных земель.

Газета писала об отсталости и неконкурентоспособности уральской горной промышленности. Авторы публикаций указывали на необходимость ликвидации посессионного права, отказа от политики «покровительства» промышленности, которая лишь способствовала повышению доходов владельцев предприятий и не стимулировала совершенствование производства. «Урал, безгранично отставший в техническом отношении, требует коренного переустройства своих заводов, перехода от почти кустарных приемов в производстве к современным, требует другой системы вознаграждения рабочих, т.е. увеличение числа сдельных расценок в ущерб поденным платам нуждается хотя бы в некоторой школьной технической подготовке рабочих, на что теперь заводчиками не обращается никакого внимания, требует самой тщательной проверки всех накладных расходов», – писал один из публицистов (У.К., 1907. 23 января).

«Уральский край» негативно отзывался о деятельности синдиката «Кровля», который, по словам одного из авторов, преследовал цель «поработить потребителя». Как считал публицист, «Кровля» – это «последнее усилие уральских горнопромышленников поправить

свои дела, которое на короткий срок отсрочит их окончательное падение» (У.К., 1907. 24 марта).

Екатеринбургская газета информировала читателей о рабочем движении в России и за рубежом. В некоторых статьях обосновывался тезис о невозможности повсеместного введения 8-часового рабочего дня. Публицист за подписью Зауральский призывал к организации рабочих союзов.

Редакция обращала внимание на необходимость совершенствования законов, регулировавших охрану труда торговых служащих. Поддерживались требования введения 8-часового рабочего дня, а также отдыха в воскресные и праздничные дни, страхования на случай смерти, инвалидности, старости, болезни, обеспечения при ликвидации дела.

Публицисты выступали за развитие производственной и потребительской кооперации, рассматривая их как одно из средств «борьбы за освобождение трудящихся и угнетенных». Утверждалось, что «кооперативы готовят материальные основы для будущего строя». Отмечалось, что «для правильного... развития кооперативного движения необходимы политическая свобода и строгий порядок в стране» (У.К., 1907. 2 февраля). Газета позитивно отзывалась о деятельности Нижне-Исетской горнозаводской артели.

«Уральский край» поддерживал требования формирования органов местного самоуправления на основе всеобщих равных прямых и тайных выборов, увеличения их независимости и расширения возможностей финансирования, переложения основного налогового бремени на более состоятельные слои населения, усиления влияния «третьего элемента» на процесс принятия решений. Газета вела активную агитацию в период проведения городских выборов в Екатеринбурге, подвергая критике местные органы самоуправления.

В публикациях уральского издания пропагандировалась идея отделения церкви от государства. Публицисты призывали старообрядцев поддерживать представителей оппозиции, поскольку только они способны обеспечить свободу совести. Подвергалось критике руководство православной церкви. Утверждалось, что только Дума может защитить белое духовенство от епископского произвола. Публицист за подписью М-н полагал, что белое духовенство и миряне должны принимать участие в работе всероссийского собора. В некоторых статьях пропагандировались идеи участия белого духовенства в выборах архипастырей и увеличения влияния мирян на жизнь церкви.

В контексте общественно-политической борьбы рассматривались перспективы реформирования средней школы. «Бесспорно, умиротворение средней школы и теперь, как и в прошлом, будет находиться в зависимости от общих условий жизни страны, – писал «Уральский край». – Но чтобы устранить, насколько это возможно, все ненормальное из обихода средней школы, повлиять на молодежь, необходимо давлению администрации с ее циркулярами противопоставить авторитет совместного союза педагогического персонала и родителей, который обязан будет прислушиваться к голосу самой молодежи. Как на высшую, так и на низшую учебную администрацию рассчитывать нечего. Это люди конченные, это слуги старого режима, враги всего живого. С ними можно только бороться» (У.К., 1906. 23 августа).

Леволлиберальная оппозиционная направленность «Уральского края» неоднократно становилась причиной различных санкций со стороны властей. Уже в начале февраля 1906 г. издание газеты было приостановлено местной администрацией на основании положения о чрезвычайной охране. Однако редакция оказалась готова и к такому повороту событий и достаточно быстро организовала выпуск «Екатеринбургской газеты» (примечательно, что разрешение на ее издание было получено А.М. Спасским еще в ноябре 1905 г.). 26 марта 1906 г. «Екатеринбургская газета» также была приостановлена решением пермского губернатора. С 9 мая того же года был возобновлен выпуск «Уральского края».

С 20 по 28 июня 1906 г. издание газеты приостанавливалось из-за того, что на основании положения об усиленной охране была закрыта типография товарищества «Уральский край». При этом 19 июля в помещении типографии был произведен обыск. Причиной подобной активности местной администрации стала публикация Выборгского воззвания. Незадолго до этих событий были конфискованы два выпуска «Уральского края». 4 сентября 1906 г. были произведены обыски в редакции и типографии газеты, а также в бюро Конституционно-демократической партии и на квартире А.М. Спасского. Весной 1907 г. был конфискован еще один номер екатеринбургского издания. Не менее четырех раз предпринимались попытки возбуждения уголовного преследования редакторов «Уральского края». В трех случаях прокуратура не обнаруживала в их действиях состава преступления, исход одного из дел неясен.

Восприятие политической позиции екатеринбургского издания представителями местной администрации отражено, в частности, в

одном из документов, который датируется июнем 1906 г. Автор документа, требуя от прокурора екатеринбургского окружного суда возбудить уголовное преследование редактора «Уральского края» за сообщения о беспорядках в войсках, писал: «Названная газета, переполняемая подобным материалом, явно служит в руку революционному движению, тем более, что в сообщениях подобного рода... открыто высказывается сочувствие последнему и враждебное настроение против правительства» (Государственный архив Свердловской области. Ф. 180. Оп. 1. Д. 501. Л. 1). В то же время издатели «Уральского края» пострадали и от действий революционных экспроприаторов. 2 декабря 1906 г. вооруженные люди похитили из конторы газеты «70 фунтов типографского шрифта».

После завершения революции 1905–1907 гг. в Екатеринбурге продолжалось издание ежедневной газеты «Уральский край». После ее закрытия по решению суда издатели «Уральского края» перешли к выпуску газеты «Голос Урала» (1912 г.), а с декабря 1912 г. – к изданию «Зауральского края» (1912–1914 гг.).

Ответственными редакторами «Уральского края» в период после Первой революции были А.М. Спасский (1907, 1909, 1911 гг.), В.М. Кичанов (1908 г.), И.П. Вогулкин (1909–1911 гг.), Ф.Н. Лебедев (1911 г.). Официальными издателями газеты являлись Г.А. Олесов (1906 г.) и Е.Н. Коротков (1906–1911 гг.). В июне 1911 г. в качестве издателя было зарегистрировано Товарищество газеты «Уральский край», в которое входили врач А.М. Спасский, действительный статский советник В.А. Поклевский-Козелл, статский советник В.П. Злоказов, потомственные почётные граждане Ф.А. Злоказов, М.П. Кирьянов и Н.Ф. Магницкий, купец З.Х. Агафуров, «купеческий сын» П.С. Первушин, инженер-механик П.В. Иванов, прапорщик запаса К.Я. Бурдаков и И.И. Ятес.

Основной капитал Товарищества, составлявший 5 тыс. рублей, был разделён на 44 пая, которые в неравных количествах распределялись между членами Товарищества. Издательницей «Голоса Урала» являлась М.А. Мамина. Она же до июня 1912 г. была ответственным редактором, затем эту должность занимал А.И. Шубин. В качестве издателя «Зауральского края» было зарегистрировано правление Товарищества газеты «Уральский край». Ответственными редакторами данного издания являлись А.И. Шубин (декабрь 1912 – февраль 1913 гг., апрель – июнь 1913 г., с октября 1913 г.) и И.П. Вогулкин (с февраля по апрель и с июня по октябрь 1913 г.). Однако фактическое редактирование на протяжении всего времени контролировалось

председателем Екатеринбургского областного кадетского комитета А.М. Спасским. Наличие единого фактического издателя и преемственность общественно-политической направленности перечисленных выше екатеринбургских газет позволяют рассматривать их как одно издание под разными названиями.

«Уральский край» осудил роспуск II Государственной думы и изменение избирательного закона. По мнению А.М. Спасского, «роспуск второй Думы сделан был ... с определённой целью, чтобы фальсифицировать народное представительство, подменить голос и волю народа фальшивым голосом кучки землевладельцев и крупной буржуазии» и «с их помощью удержать неизбежный ход событий». По мнению публициста, эта попытка «бюрократии» «вернуть Россию к печальному прошлому» «рано или поздно должна потерпеть крушение, но прежде чем это свершится, упорство бюрократии причинит кучу горя и несчастий в стране, поддерживая в ней ту тяжёлую картину анархии и произвола, которую мы теперь наблюдаем». «Единственным спасением для России в этом тяжёлом положении, – считал А.М. Спасский, – является укрепление конституционного режима и проведение широких демократических реформ» (У.К., 1907. 21 сентября). Сходные оценки политической ситуации давались и в других публикациях.

Негативно отзывалось екатеринбургское издание о правительственной внутренней политике. Автор передовой статьи от 1 января 1908 г. писал: «Прошедший год – год постепенного и неуклонного развития реакции. От предыдущего года он отличается тем, что реакция вступила на тот же путь безоглядного и лишённого критического отношения к себе движения, который привёл Россию к событиям 1905 г.»

Рассматриваемые газеты подвергали критике позицию большинства в III и IV Государственных думах. По мнению публицистов, в силу своего состава, всероссийский представительный орган был не способен провести необходимые демократические преобразования. В некоторых статьях утверждалось, что думское большинство представляет интересы помещиков и буржуазии. Газета писала, что Государственная дума занята преимущественно мелкими незначительными вопросами и не пользуется поддержкой населения.

Екатеринбургское издание подвергало критике крайне левые политические силы. В основном публикации газеты были направлены против социал-демократов, которые имели сильные позиции в Екатеринбурге. Л. Шиф обвинял большевиков в том, что, занимаясь во

II Государственной думе революционной демагогией, они помогли «реакции» найти повод для роспуска всероссийского представительства. С точки зрения Л. Шифа, социал-демократы выдвигали слишком радикальные требования, для достижения которых оппозиционное движение не обладало достаточными силами. Публицист критиковал тактику большевиков во II Государственной думе: «Применять сложные депутатские полномочия для случайной малопродуктивной агитационной деятельности – значит попусту стрелять из пушки по воробьям». Л. Кроль обвинял большевиков в утопизме. Публицисты екатеринбургского издания негативно отзывались о насильственных акциях левых радикалов.

Октябристы характеризовались авторами публикаций в 1907–1914 гг. как проправительственная партия и подвергались критике за нежелание проводить демократические реформы и сотрудничать с оппозицией. Крайне негативные характеристики давались черносотенному движению, которое, по мнению публицистов, являлось выразителем классовых интересов дворянства и буржуазии. Утверждалось, что правые партии препятствуют построению в России правового государства. Более дифференцированный подход к оценке правых политических сил был характерен для А.М. Спасского, полагавшего, что в Союзе русского народа можно выделить два течения: левое, сторонники которого не призывают к ликвидации народного представительства, и правое, выставляющее требование возврата к самодержавию.

Газета последовательно поддерживала Конституционно-демократическую партию. В статьях М.Л. Мандельштама партия народной свободы характеризовалась как «не либеральная, а демократическая», представляющая интересы трудового крестьянства, приказчиков, мелкого чиновничества и внеклассовой интеллигенции. Примечательно, что М.Л. Мандельштам, вынужденный вести во время выборов в IV Государственную думу идеологическую борьбу прежде всего с социал-демократами, не относил пролетариат к демократическим слоям общества. Признавая, что РСДРП является партией пролетариата, М.Л. Мандельштам утверждал, что пролетариат «нельзя отождествлять с демократией, их интересы не только не совпадают, но иногда прямо противоречат друг другу». Публицист призывал «демократические слои населения» не голосовать за «рабочую» партию, заявляя, что именно партия Народной свободы наиболее адекватно способна представлять их интересы в Думе. «Конституционно-демократическая партия подняла знамя демократии; социал-демократы – знамя фабричного рабочего. У каждой из них почётные

знамёна, но давайте не будем их смешивать!» – заявлял М.Л. Мандельштам («Голос Урала», 1912. 17 августа).

Рассматриваемые издания поддерживали кадетскую тактику участия в думских выборах и конструктивной работы в Государственной думе. Во время предвыборных кампаний публиковались статьи, в которых обосновывалась необходимость участия оппозиции в работе всероссийского представительства, созданного на основе избирательного закона от 3 июня 1907 г. «Пусть же и в третьей Думе, если только ей окончательно будет суждено явиться орудием реакции, будут люди, которые сумеют внести диссонанс в хор торжествующих победителей», – писал А. Кизеветтер (У.К., 1907. 26 июня). По мнению публициста, выступавшего под псевдонимом «Посторонний», бойкот Думы «является равносильным непризнанию начал лучшего государственного строя; во всяком случае и несовершенная Дума представит гораздо больше пользы, чем полное отсутствие её» (У.К., 1907. 7 июля).

Публицист за подписью Тан полагал, что «даже третья Дума является главным стержнем и руслом русской политической жизни» и «вне этого русла не будет заметных потоков до поры до времени» (У.К., 1907. 7 июля).

На страницах екатеринбургского издания подвергалась критике идея использования Государственной думы как революционной трибуны. Исключением была статья Ф.Н. Лебедева, который отстаивал иную точку зрения. В периоды выборов в III и IV Думы публицисты «Уральского края» и «Голоса Урала» призывали читателей голосовать за кандидатов партии народной свободы.

Значительное количество публикаций рассматриваемых газет было посвящено проблемам российского пролетариата. Публицисты призывали рабочих активно участвовать в профсоюзном движении и в работе политических партий. При этом в качестве приемлемого средства борьбы рассматривались забастовки. В то же время авторы статей убеждали рабочих не принимать участия в насильственных акциях. Осуждалась и практика «силового» подавления забастовок. А.М. Спасский писал, что репрессии по отношению к забастовщикам создают предпосылки для новых стачек. Более дальновидным он считал поведение предпринимателей, которые «отбросили прежние «хозяйские» чувства тщеславия и самолюбия и прибегают к совместному обсуждению договоров и считаются с требованиями рабочих» (У.К., 1907. 22 августа).

Публицисты подвергали критике существовавшее рабочее законодательство, писали о тяжёлом положении пролетариата. Издание

выступало за введение государственного страхования рабочих, создание бирж труда при участии органов местного самоуправления, а также «примирительных камер» с равным представительством рабочих и предпринимателей. С некоторыми оговорками поддерживалось требование введения 8-часового рабочего дня. Сходные меры предлагались для улучшения положения торговых служащих.

Большое внимание уделялось на страницах газеты аграрному вопросу. Продолжалась критика столыпинских аграрных преобразований. По мнению авторов статей, Крестьянский банк был не в состоянии существенно улучшить положение малоземельных крестьян, т.к., во-первых, фонд казённых, удельных и предлагаемых к продаже частновладельческих земель был для этого недостаточен, во-вторых, этот фонд был сосредоточен в губерниях «сравнительно многоземельных» и, в-третьих, банк покупал и продавал землю по завышенным ценам.

Массовое переселение в восточные районы империи, с точки зрения редакции, также не могло заметно повлиять на состояние крестьянского хозяйства из-за недостатка в Сибири земель, пригодных для заселения. Подвергалась критике непосредственная организация крестьянского переселения.

Редакция стремилась обосновать допустимость такой меры, как отчуждение частновладельческих земель. Так, В. Сумароков доказывал, что правительство, разрешив крестьянам, выходящим из общины, выкупать находящиеся в их владении излишки земли, допускает тем самым «принудительное отчуждение общинных земель», т.к. каждый член общины по российскому законодательству и неписанному крестьянскому праву мог претендовать только на ту землю, которой он пользовался в соответствии с принципами разверстки, принятыми в данной общине (У.К., 1908. 2 ноября).

Значительное количество статей 1907–1914 гг. было посвящено проблеме урегулирования земельных отношений на Урале. Публицисты «Уральского края» считали необходимым предоставление мастеровым посессионных заводов земельных наделов без выкупа. Наличие у горнозаводского населения участков земли, достаточных для ведения сельского хозяйства, рассматривалось как гарантия его экономической независимости от заводчиков и «страховка» на случай закрытия предприятий. Землеустройство на основании закона 19 мая 1893 г., по мнению авторов публикаций «Уральского края», не смогло удовлетворить потребностей местного населения (У.К., 1908 г. 20 февраля, 20, 22 мая; 1909 г., 17, 18 сентября).

После завершения первой революции редакция уральского издания продолжала популяризировать идею реформирования органов местного самоуправления. Обосновывалась необходимость демократизации земских и городских избирательных законов, расширения полномочий земств и городских дум, ослабления их зависимости от местной администрации, изменения порядка финансирования (предполагалось переложить основную тяжесть платежей на более состоятельные слои населения, предоставить органам местного самоуправления право вводить дополнительные налоги и получать кредиты), введения земских органов на всей территории империи, создания областного земства, предоставления «третьему элементу» больших возможностей для влияния на принимаемые решения. Авторы «Уральского края» возражали против выделения городов в отдельные земские единицы, полагая, что данная реформа будет соответствовать интересам лишь состоятельных горожан. Различные точки зрения высказывались по вопросу о создании поселкового волостного земства. Так, в одной из статей выражались сомнения относительно целесообразности их введения в горнозаводских районах Урала, где «мелкая земская единица» может оказаться под контролем местной заводской администрации.

В 1907–1914 гг. екатеринбургские леволиберальные газеты выступали за сохранение автономии Финляндии, против насильственной русификации национальных окраин. Отмечалась необходимость развития и реформирования системы народного образования и судебных органов.

Редакции рассматриваемых екатеринбургских изданий неоднократно подвергались различным административным санкциям, таким как: конфискация номеров, закрытие типографии, наложение штрафов. Общая сумма зафиксированных штрафов составляет 4650 рублей. В 1911 г. по решению суда была закрыта газета «Уральский край».

На основе изучения содержания, состава издателей, редакторов и сотрудников «Уральского края», «Екатеринбургской газеты», «Голоса Урала» и «Зауральского края» можно сделать вывод о том, что эти издания не являлись официальными печатными органами Конституционно-демократической партии. Их можно рассматривать как издания, имеющие кадетскую идеологическую направленность.

Анализ политически значимых материалов екатеринбургских леволиберальных газет позволяет сделать вывод о том, что политическая культура, проводником которой они являлись, основывалась на таких ценностях, как социальная эволюция и социальный мир.

Политический идеал для группировавшихся вокруг них журналистов и читателей складывался из таких принципов, как конституционное парламентское правление, демократические выборы, гражданские свободы, социальное реформаторство. Идентичность авторов публикаций определялась самоотождествлением с «политически зрелой интеллигенцией» и «просвещенной буржуазией», ориентацией на представительство интересов всех «демократических слоев населения». На страницах рассмотренных газет популяризировались такие поведенческие образцы, как участие в выборах, конструктивная законодательная работа, ориентация на союз с социалистами, участие в мирной общественной работе, определенное дистанцирование от государственной администрации. Осуждались насильственные формы политической борьбы. Восприятие думской монархии формировалось такими негативными ассоциациями, как «реакция», «печальное прошлое», «старый режим», «министерство тюрем, ссылок и военно-полевых судов».

Отрицательное отношение левых либералов к думской монархии в значительной степени было обусловлено надеждами на возможность в исторически короткий срок демократизировать политическую систему и провести социальные реформы, на которые не готовы были пойти монархические элиты. Однако события 1917 г. показали неспособность леволиберальных политических сил обеспечить политическую стабильность и создать устойчивый демократический режим в российских условиях начала XX в.

Библиографический список

1. Нарский И.В. Кадеты на Урале в революции 1905–1907 гг. / И.В. Нарский. – Свердловск: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1991.
2. Нарский И.В. Русская провинциальная партийность: политические объединения на Урале до 1917 г. / И.В. Нарский. – Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 1995. Ч. 1, 2.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

ГРНТИ 02.61.25
УДК 130.2

О.Н. Новикова
УГЛТУ, Екатеринбург

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ИГРОВЫХ ПРАКТИК В КОНТЕКСТЕ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Рассматриваются особенности деконструкции жизни человека в контексте воспитательных стратегий постмодерна, реализованные в игровых практиках. Игра трансформирует, видоизменяет бытие, подстраиваясь под запросы, ценности и чаяния данного времени.

Ключевые слова: игровые практики, деконструкция, постмодернизм, процесс воспитания.

Современная мысль, подчас оценивая предшествующий опыт, обозначает вводимые практические изменения как деконструкцию, несущую разрушения, уничтожения, замещения (Р. Барт, Ж. Лакан, Ж. Батай, Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ф. Гваттари, Ю. Кристева, Ж.-Ф. Лиотар, М. Мерло-Понти, М. Фуко и др.). Феномен деконструкции востребован гуманитарным знанием как художественный перевод, разбор и анализ позитивных и негативных последствий различных фактов и явлений жизни, представленных в культурном тексте как смысло-содержащем формате.

Деконструкция жизни – это движение вперед с принятием новых правил, ценностей, качеств и форм бытия, где результат конструирует событие, творение, изобретение, нечто отличное от традиционного, привычного, нацеленного на будущее. Подчас лишенное смысла, цели и ценности, оно создает новую аксиологию, формирует иной формат действий, нередко реализованный через игровые практики, меняющие формы, смыслы и качества жизни.

Представители постмодернизма не раз подчеркивали, что игра есть «разновидность физической и интеллектуальной деятельности, лишенная прямой практической целесообразности и представляющая индивиду возможность самореализации, выходящей за рамки его актуальных социальных ролей» [1, с. 162].

Детская игра, являясь отражением реальности бытия общества, постоянно видоизменяется. Следование установленным правилам в

игре, применение определенных предметов несет скрытую смысловую нагрузку, влияющую на развитие тех или иных необходимых социальных навыков. Традиционно все игры можно условно подразделить на игры находчивости и ловкости, игры импровизации, коммуникативные игры, игры-эксперименты, игры испытания, игры соревнования (спортивные) [2, с. 61].

Игры ловкости и находчивости, или подвижные игры, традиционно воспитывали и развивали коллективное сознание, круговую поруку, чувство локтя и сопричастности при незначительном превосходстве победителя (прятки, казаки-разбойники, классики, резиночки, чехарда, вышибалы и др.). Стремясь к победе, участники, как правило, следовали правилам и, прежде всего, соревновались в выполнении способов и приемов, дозволенных в игре, совершенствуя свое мастерство в данном деле. Но в новом столетии в социальной практике данные типы игр не популярны и мало востребованы. Как итог, современник – индивидуалист по своей сути, отстаивающий по жизни прежде всего субъективные желания, мало заботясь о благе всех и каждого.

Игры-импровизации традиционно нарабатывают выбранные социальные роли, сюжетные жизненные реалии (дочки-матери, школа, больница, индейцы, магазин, шофер, летчик и др.). Выстроенные на подражании, самом древнем механизме социальной памяти, данные игры способствуют дальнейшей моделизации социальных практик, передаче устойчивых традиционных правил и норм. Данные типы игр востребованы во все времена, но отличительная особенность современной игры базируется на наличии вещи, символа социальной среды, ситуации, обыгрываемой детьми.

Если предшествующие поколения детей, проигрывая семейный уклад (дочки-матери), профессиональную среду, довольствовались имитацией куклы-дочки, самолета, прилавка (прутиком, тряпочкой, пупсом, для которого самостоятельно шилась одежда, варилась еда из листиков, пеклись пирожки из песка, земли; а прутик мог служить прототипом машины или летательного аппарата и т.д.), то современная игровая индустрия дает готовую кукольную дочь или сыночка со всеми атрибутами, вещами, свойственными домашнему быту или средовой ориентации. Кукла говорит, ест, испражняется, требует внимания, имеет готовый гардероб, одежду, мебель, кукольный дом, парк игрушечных автомобилей, мало чем отличающихся от взрослых аналогов, профессиональный игрушечный инструментарий врача, строителя, воина и т.д.

Коммуникативные игры также подверглись деконструкции. Изначально развивающиеся в рамках деревенских посиделок, они были

социально направлены на возможность знакомства и общения молодых людей через «песенно-хороводный заигрыш». Дальнейшее развитие данные игровые практики получили в виде салонных игр, прививающих навык поведения в светском обществе, скрашивающих досуг (шашки, шахматы, карточные игры – винт, ломбер, лото, буриме и др.).

В XX столетии коммуникативные составляющие были перенастроены на игры во дворе, на лавочке для небольшой компании и применялись для выражения симпатии друг к другу – через демонстрацию смекалки, сообразительности, чувства юмора (такие игры, как: фанты, сломанный телефон, ручеек, колечко, холодно-горячо, «Паночка померла», «Море волнуется раз...», «Кандалы закованы» и др.).

XXI столетие видоизменило не только содержание и структуру игровых практик, но и предпочтение ролевых розыгрышей. Участники коммуникативных игр предпочитают вживаться в роли героев популярных фильмов, комиксов, скейч-шоу – в несуществующих, вымышленных героях: Человека-паука, Гарри Поттера, Бэтмена, Дарта Вейдера, Гэндальфа, Сарумана, зомби.

Несуществующие фантазийные герои становятся объектом для подражания, так как их сверхвозможности получены, как правило, случайно. Дети, играя, выплескивают весь негатив, полученный из реальности, ведь данные герои справляются не только со своими комплексами, но и способны преодолеть превратности судьбы, изменяя историю человечества к лучшему. Герой бинарен по своей сути и подчас из худших, слабых качеств вырастает желание изменить мир, сделать его лучше, безопаснее, комфортнее для всех. Эта же идея прослеживается в огромном количестве компьютерных игр, где ребенок, укрываясь от повседневных проблем, устанавливает свой мир, где можно делать ошибки, многократно повторяя пройденное, ведь в запасе всегда наличествует несколько жизней, и нет ответственности за неправильно совершенный ход или выбор виртуальной жизненной стратегии.

Итак, постмодернизм перенаправил коммуникативный игровой формат в виртуальную реальность, где опосредованный виртуальный контакт нацелен на самопрезентативность (чаты, медиасообщества, виртуальные миры, селфи и др.). Игра с применением современных гаджетов, осуществляемая с помощью взаимодействия играющего с программным обеспечением, выводит новый тип виртуальных игровых практик, где ребенок не может изменить ход игры, а подстраивается под имеющийся алгоритм действий, запрограммированных в медиаформате. А ведь изначально игровое пространство и было предназначено для того, чтобы ребенок самостоятельно создавал, экспериментировал и

моделировал необходимый ему мир. Так меняется как сам мир игры, так и человек. Ведь общество постмодерна нацеливает индивидов не столько на создание, моделирование необходимой ему среды, сколько на овладение навыком адаптироваться, подчиняться быстро меняющейся ситуации.

Игры-эксперименты также популярны на практике и направлены на проявление некоего открытия, проявления и предъявления новизны, помогающие понять и осознать некий сложный процесс или явление.

Нацеленные на познание окружающего мира через взаимодействие с некими природными объектами, явлениями, материалами, животными и вещами, данные игровые практики требуют серьезной подготовки, возможного участия взрослого в качестве наблюдателя или полноправного участника, наличия специальных атрибутов, предметов и веществ, способствующих созданию ноу-хау (мозаика, «Сделай мыло», «Алхимик», «Веселые кристаллы», «Парфюмер» и др.).

Традиционно игры-испытания являлись частью обряда инициации, который доказывал, что индивид может стать частью некоего сообщества, проходящего в виде преодоления себя, демонстрации своих физических и психологических черт (кто выше прыгнет, заберется куда запрещено, глубже нырнет, дольше провисит на турнике и т.д.). Современный игровой мир требует экстрима, накала эмоций и физического перенапряжения: прогулки по крышам, новые способы перемещения по городу – по стенам, перилам, парапетам и прочим урбанистическим атрибутам – стали неотъемлемым атрибутом стиля жизни подростков (руфер, паркур, фрираннер, трейсер, боулдеринг, диггер и др.).

Игры-соревнования, основываясь на стремлении к победе, изначально по правилам предполагали доказательное превосходство в физической форме и чаще всего проявлялись в спортивных играх. Но современный мир, играя как с самим собой, так и с окружающим пространством, и в социальной практике утвердил соревновательное начало даже в быту. Негласные соревнования проявляются с раннего возраста (нарисовать лучшую картинку, сделать поделку своими руками, лучше прочитать стишок, стать в любом деле первым, значимым, важным, лучшим чем другие). Это есть некий путь формирования готовности к будущей жизни, нацеленной на конкурентную борьбу.

Культура потребления развлекательных услуг, правящая современным обществом, формирует подрастающее поколение, мало интересующееся играми в общепринятом смысле. Традиционно в детском

социуме информация, в том числе и игровая, передавалась от старшего поколения младшему – через разновозрастную приверженность в дворовых компаниях.

Изменения социальной практики свидетельствует, что улица, двор для большинства современных детей под запретом (гуляют под присмотром родителей, гувернеров, тренеров или воспитателей). Они редко бывают на улице, если досуг не организован взрослыми. Они малоподвижны, не любят физический труд, зато интеллектуально опережают предшествующие поколения по наличию знаний и навыков. Практика свидетельствует, что к 9–10 годам ребята уже определяются с жизненными целями и, исходя из логики выбранного пути, создают или свой мир в виртуальной среде, или предпочитают игры-сражения с нескончаемыми врагами (прототипами реальной жизни), знания о которых получают из средств массовой информации. Игровая культура, подкрепленная массовым сознанием, нацеливает и готовит ребенка к усредненному единообразию. Гедонистические ценности, массовость и доступность досуговой отрасли свидетельствуют о том, что молодой современник не хочет и не может играть в детские игры (нет времени, желания, потребности). Ведь, как свидетельствует общество, детская игра все чаще рассматривается взрослыми как развлечение, как бесполезный досуг, которому противостоит целенаправленное обучение и овладение полезными навыками» [3, с. 110].

Принято, что освоение социальной реальности, необходимых значимых качеств, понятий и форм жизни осуществлялось подрастающим поколением через игрушки, адаптирующие индивидуальные способности под возможности и потребности мира. Формирование нравственно-этических координат жизни, образцов, идеалов, стереотипов, действующих в ту или иную эпоху развития человечества, непосредственно связано с тем предметным миром игры, в котором происходит социализация индивида.

Игрушка проявляется и осознается ребенком раньше, чем сама игровая деятельность. Она становится непосредственным средством, способом и смыслом развития индивида, опосредованно готовящим будущие коммуникативные ориентиры общества. Традиционная игрушка способствовала формированию первых представлений социальной деятельности по гендерному признаку.

Так, тряпичная кукла («стригушка») была безлика и в то же время многолика: ребенку в ходе взаимодействия с ней нужно было ее одушевлять, обозначать характер и специфичность. Появившаяся еще в древности по образу и подобию человека, она олицетворялась как

вместилище духовного, живого, обладающего энергией и самодостаточностью. Играя с игрушкой, ребенок самостоятельно наделял ее качествами, свойствами, умениями, по его мнению, так необходимыми в дальнейшей жизни, он как бы в игрушке наработывал и пробовал примерить на себя недостающие черты, формы и способы бытования.

Матрешка, олицетворяя материнскую сущность, формировала семейную преемственность, родительскую ответственность, жертвенность и чувство долга. Неваляшка настраивала подрастающее поколение на готовность принять трудности, не поддаваться унынию, противостоят тяжелым обстоятельствам, быть готовым подняться, «как бы не раскачивала жизнь».

Типичная кукла Маша (Таня, Марина, Андрюша и т.д.) применялась для выработки навыка ухода за малышами, для отработки основных обязанностей будущей хозяйственной деятельности в быту.

Игры в лошадку, шофера, доктора, продавца, «войнушку», выстроенные на подражании, позволяли примерить ребенку на себя роль взрослого, способствовали будущей социальной и профессиональной идентификации.

Игрушка постепенно утратила свое сакральное, таинственное субъективное значение, став неким символом, эталоном стереотипного мышления. Она, олицетворяя потребности человека, основанные сегодня на чувстве эскапизма, формирует тягу получать удовольствие, желание владеть большим. Ведь современная игрушка введена в систему нескончаемых дополнительных деталей, атрибутов, элементов, заставляющих индивида приобретать все новые аксессуары, меняющиеся артефакты, дополнительные символы к уже имеющимся игровым формам. Современная игрушка лишена эмоций, переживаний, преодоления чего-либо, она предсказуема, меркантильна, регламентирована изначально конкретной ролью (русалка, балерина, медсестра, няня, учительница, президент и т.д.).

Так, современная кукла интересна уже не столько сама по себе, сколько в контексте создания целого игрового мира (домик Барби, гардероб Барби, ферма Барби, Винкс, Скиппер, Френси; подружки и друзья, любимые питомцы куклы-красавицы и т.д.). Эталоном игры стал не пупс-младенец, а кукла-модель, олицетворяющая взрослую женщину, мужчину (Кент), стремящаяся достичь жизненного признания через внешнюю атрибутивность, рекламное потребительство. Современная игрушка задает ориентир будущих желаний и потребностей, олицетворяет образ жизни, «согласно которому надо жить красиво и без проблем, ориентироваться на то, что престижно и модно, и

успеть взять от жизни все» [4, с. 46]. Она задает алгоритм действий, способствующий формированию программной жизни, ведь правила современных игр задают будущую стратегию жизни: что, как, в какое время будет делать герой.

Традиционно представление о многих житейских практиках, различных поведенческих стереотипных действиях подрастающее поколение черпало из сказочных, мультипликационных образов. Ведь именно сказка в своей фантазмагории выстраивает и формирует определенный взгляд на мир, человека, социум. Достаточно вспомнить, что в традиционной русской сказке добро всегда противопоставлялось злу, а главные герои получали помощь по заслугам благодаря своим действиям и поступкам. В них герой сам выстраивает свою судьбу и отвечает за последствия.

Так, мультипликация прошлых поколений осознанно формировала гуманность, чувство коллективного начала, умение и навык жить в семье, заботиться о близких, прощать мелкие обиды и недочеты («Крошка Енот», «Кот Леопольд», «Приключения Чебурашки», «Мама для мамонтенка», «Умка» и др.). Ответственность и самостоятельность культивировались в мультфильмах «День рождения», «Цветик-семицветик», «Как стать большим» и пр. Воспитание любознательности, ценности и цельности знания формировалось благодаря мультфильмам «Ивашка из дворца пионеров», «Опять двойка», «Вовка в тридевятом царстве» и т.д. Труд как основа жизни и успеха воспевался в мультипликационных картинах «Нехочуха», «Стрекоза и муравей», «Тимка и Димка», «Баранкин, будь человеком» и др.

Именно через мультфильмы современные дети получают представления о разных способах взаимоотношений и взаимодействиях с миром, перенимая те или иные качества персонажей, они выстраивают свою модель мира.

Медиазация жизни начинается с детства через распространение гиперисторий («Лунтики», «Смешарики», «Маша и медведь», *My little Pony* и др.). Причем стоит отметить, что современные сказочные персонажи лишены нарочито положительных или отрицательных качеств. Они изначально не подразделяются на героев и злодеев. Достаточно вспомнить излюбленных героев сегодняшнего дня, таких как Шрек, Кот в сапогах, героев «Ледникового периода», «Мадагаскара» и т.д. Все они при внешней привлекательности и самобытности наделяются нарицательными чертами (хвастовство, себялюбие, невоспитанность, неэтичность поведения и т.д.). Как и в любой другой фантазмагорической истории, в современной мультипликации добро

побеждает зло, но в коммуникации героев проскальзывает ненормативная лексика, подкрепленная нестандартными поступками, а это моментально запоминается и воспроизводится ребенком в быту.

Через образы мультгероев задаются эталоны поведения, архетипы реальности. Так создается новая картина мира, где борьба добра со злом не важна, вместо нее возникает противоречие из-за недопонимания многообразия мотивов и целевых установок. Современные герои комиксов, мультфильмов, видеоигр решают «взрослые проблемы», используя приемы, технологии и коммуникацию взрослых, ведь в них раскрываются подчас недетские проблемы: гонки, разборки, долги, месть, драки, насилие, убийство, смерть. Что интересно, у большинства героев современных гиперисторий нет семьи в общепризнанном понимании ее смысла и значения. Родители или отсутствуют по определению, или где-то далеко и никак не влияют на ситуации, с которыми сталкиваются мультперсонажи.

Современные исследования Д. Гербнера, Л. Гросса, А. Бандуры, О.В. Козачка, О.А. Ворониной, М.И. Медведевой, В.И. Абраменковой и др. свидетельствуют, что сказки и мультфильмы, формируя нравственную составляющую ребенка, помогают в его становлении и идентификации, гендерной социализации. Достаточно вспомнить образы мультгероев прошлого и настоящего, где идеал женского начала, ранее представляемый как романтический, загадочный, терпеливый, заботливый и любящий, все больше подменяется рациональностью и жестокостью. И девочки замещают изначально значимые качества (целомудрие, бескорыстие, застенчивость, скромность, нацеленность на материнство) на самостоятельность и самореализацию. Сегодняшние мультгероини нивелируют желание иметь семью, родить и воспитывать потомство, заботиться о своем муже, семье, детях. А образы мужского начала трансформируются циничными поступками и надеждой на помощь свыше, извне. Мультгерои становятся значимыми не благодаря своему бесстрашию, вере в себя, упорности, а получают суперсилу, сверхвозможность, с которой они способны противостоять неприятностям и злу.

Герои современных мультфильмов в ходе поступательного развития сюжетной истории не трансформируют свои характеры и качества в более позитивные. Так, Лунтик – собирательно положительный идеальный образ, доверчивый герой, вечный малыш по возрасту и поведенческому началу, познающий окружающий мир. Паук Шнюк (Дядюшка Шнюк), несмотря на устрашающий внешний вид, сторонник красоты и гармонии. Мила, как девочка-отличница, нередко

нуждается в защите, так как владеет знаниями и умениями только в теории. Даже гусеницы Вупсень и Пупсень, известные как хулиганы, за своей невоспитанностью и избалованностью скрывают открытость и готовность прийти на помощь.

Мультсериал «Барбоскины» рассказывает о том, как пять щенят сталкиваются и преодолевают трудности, существуя в одной квартире. В каждом из щенят заложен образ, типаж то глупой старшеклассницы, то качка-спортсмена, то двоечника, то ботана, то «несмышленища» – самого младшего. Заданные персонажи, отличаясь по характеру, полу, возрасту, интересам, конфликтуя и противопоставляясь друг другу, задают разные стандарты действий. Мультфильм не дает ребенку возможность выбрать и оценить образ конкретного героя с точки зрения положительного или отрицательного имиджа. Он выдвигает: этот хороший, а этот – плохой, решай, что нужно тебе, всеобщее одобрение или порицание.

«Маша и медведь» – гиперистория о непростых взаимоотношениях разных поколений. Она о мудром, эмоционально отстраненном медведе-родителе, довольствующемся непритязательными радостями жизни (дом в лесу, пасека во дворе, самовар, статуэтки, малиновое варенье, книги, спокойствие и уют), и о Маше – ребенке-катастрофе, гиперактивной, легко манипулирующей, самостоятельно не способной создать досуг, довести какое-либо дело до финала. Она лишена способности любить, сострадать, сочувствовать, не воспринимает критику, равнодушна к чувствам и состоянию окружающих. Ее интересуется только она сама, ее чувства и эмоции. В противовес Маше присутствует сестра Даша – серьезная, не по годам взрослая девочка, интересующаяся знаниями.

Герои «Фиксиков» наставляют, как в эпоху вещизма обращаться с бытовыми приборами, вещами каждодневного потребления.

«Аркадий Паровозов» – это гиперистория, где в белых стихах детям задаются правила безопасного поведения в быту, дома, на прогулке, с незнакомыми людьми и т.д. Так, ускоренными темпами медиареальность готовит детей к быту взрослых. Современные игры, мультфильмы, прежде всего, являются тренажерами для выхода из рискованных социальных ситуаций, усвоения принятых установок (правила дорожного движения, распространения коммуникационной модели поведения, принятых стандартов и норм).

Таким образом, игра постоянно трансформируется, видоизменяется, подстраиваясь под запросы и чаяния данного времени. Являясь многогранным феноменом, игра, совмещая в себе и отдых, и забаву, и упражнение, и соревнование, и тренинг нового навыка, становится

методом, принципом, способом и средством как организации, так и познания окружающего мира. Как естественная и свободная форма проявления себя, своей самости она и учит, и одновременно демонстрирует активность, личностное «Я», адаптируя его к необходимым социальным условиям.

Применяемая в совершенствовании, постоянном самообразовании как бесконечная стратегия изменения себя, игра формирует легковесную ответственность перед обществом, ведь в игровых практиках ошибка всегда корректируется. Восприятие жизни как игры уводит от настоящего, реального, деконструируя бытие, провозглашая его эпохой тотальной игры. Ведь, как известно, игра – вид непродуктивной деятельности, мотив которой заключается не в ее результатах, а в самом процессе – деконструкции бытия.

Библиографический список

1. Постмодернизм: энциклопедия / сост. и науч. ред.: А.А. Грицанов, М.А. Можейко. – Минск: Интерпрессервис: Кн. дом, 2001. – 1038 с.
2. Выготский Л.С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка / Л.С. Выготский // Психология развития. – СПб: Питер, 2001. – С. 56–79.
3. Декларация в защиту детской игры // Психологическая наука и образование. – 2011. – № 2. – С. 110–111.
4. Тендрякова М. Новые дочери-матери / М. Тендрякова // Педагогика. Новый век. – 2000. – № 2.

ГРНТИ 02.61.25
УДК 111.6

М.Л. Куклинов
УГЛТУ, Екатеринбург

ПОТРЕБНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА В ИГРОИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ

В представленной работе даётся интерпретация игры с различных сторон ее понимания. Исследовано понятие игры, с одной стороны, как способ расслабиться и отключиться от повседневной жизни, а с другой – как некоторое средство познания действительности. Рассмотрены признаки акта игры, установлена необходимость в формировании культуры современного общества и определён характер влияния на становление личности.

Ключевые слова: феномен игры, индивид, культура, игроизация, социум.

Современная культура социума под влиянием различных стрессоров, таких как экономическая неустойчивость, давление со стороны стран Запада, распад институтов семьи и т.п., претерпевает соответствующие изменения. Такие изменения могут послужить факторами, которые как негативно, так и позитивно могут повлиять на духовно-нравственное и материальное становление индивидов. Здесь материальная составляющая находится в неразрывной связи с духовным началом. Их взаимоотношения рассматриваются в соответствующих работах [1–3]. Характер такой взаимосвязи во многом определяет пути развития культуры общества, глубокие корни которой пущены ещё в сократовские времена.

В своей работе «Евтидем» ученик Сократа Платон рассказывает Критону (также ученику Сократа) о своей встрече с софистами, которые были любителями поддержать спорные разговоры и знали толк в хитросплетениях [4]. Ещё тогда Сократ отмечал, что вместо учения действительным знаниям сущностей софисты то и делали, что потешались над своими учениками. Данная практика осуществляется проявлением человеческих духовных ценностей, хоть и несколько с негативной окраской. Кроме того, подобные проделки Сократ называл познавательной игрой, в которой молодые люди сбивались с толку псевдологическими рассуждениями софистов.

Каждый человек интуитивно знает, что есть игра, но трактует её по-своему, с учётом личного восприятия, собственного опыта, опираясь на реалии жизни [5]. По своей сущности феномен игры известен каждому субъекту общества. Ещё с раннего детства во время игры в человека закладываются знания различения объектов по их признакам, умения рационально поступать в той или иной ситуации, порой навыки критического мышления и т.п. Последние же формируют у человека его индивидуальные установки, архетипы, систему ценностей и другие психологические составляющие, которые в комплексе и определяют манеру поведения.

Эволюция феномена игры в истории культуры отражает течение многовариантных процессов, которые имеют свою принадлежность к коллективному бессознательному и архетипам. Игра по-своему моделирует и отражает коллективное сознание и самосознание общества. Так, в Древней Греции считалось, что участие человека в спортивных играх является проявлением его высоких способностей, порой оцениваемых как сакральные. Такие люди не только отстаивали честь своего города, но и были некоторым эталоном, объектом подражания. По сей день данная практика не утрачивает свой смысл: проводятся летние и

зимние Олимпийские игры, в которых участвуют сильнейшие. И каждое последующее поколение старается подражать предшественнику. С течением долгого времени спортивная игра претерпела некоторые изменения, но в целом стандарты игры не меняются.

Серьёзную реконструкцию мы можем заметить в формировании иных игр, в частности интеллектуальных. Всеми известная игра «Монополия» является тому примером. Главная ее идея состоит в том, что игроку необходимо рационально использовать свой стартовый капитал для достижения банкротства других. Игра стала настолько популярной, что в мире стали проводить коммерческое соревнование с призовым фондом в 20 580 долларов США [6]. «Монополия» и подобные ей игры позволяют индивидам познавать конкретные закономерности окружающего мира, выступая инструментом получения знания, развития научного мышления. Компьютеризация игры не ограничивает возможности участников, а наоборот предлагает новый формат участия (например, в одной игре может быть несколько людей из разных точек мира).

С одной стороны, игры облегчают познание мира, а с другой – приводят к разрушению интеллекта. Последний вид игр предназначен для проведения времени впустую, для расслабления и отключения от повседневных забот. К выбору подобных игр, приводящих в определённом ключе к повышению интеллектуального уровня, нужно относиться с осторожностью. Ведь многие из них приводят к зависимости и психическим отклонениям.

С внедрением информационных технологий, а именно: телевидения, рекламных плакатов, специальных эффектов в фильмах – люди ради удовлетворения своих потребностей становятся всё менее активными в отношении саморазвития. Для удовлетворения своих потребностей большинство индивидов желает получить материальные блага в кредит, невзирая на детали, которые не делают жизнь лучше, а наоборот усложняют. Люди больше не стремятся к тому, чтобы трудиться всю жизнь: им по душе и в работе получать удовольствие, удовлетворение. Последнее, как правило, сопровождается процессом игроизации.

Человек стремится быть похожим на того рекламного героя (например, из рекламы туалетной воды Invictus, Olympia от Paco Rabanne), который искусно внедряется в божественный образ, овладевая данным продуктом. Он стремится овладеть определёнными атрибутами (например, ювелирными изделиями от PANDORA). Обладая теми или иными вещами, человек вступает в игру, конечная цель которой – удовлетворение своих насущных потребностей.

Кроме того, как и в спортивных играх, нетрудно заметить такой феномен, как конкуренция. Именно она движет людьми, помогая им самореализоваться. Но такая конкуренция свойственна не для каждого. Она имеет место быть, когда человек осознаёт ценность той вещи, которой бы он хотел овладеть. Вещь, которая ценна именно для него, а не для кого-то другого. Безусловно, для придания продукту особой ценности люди должны умело использовать маркетинговые инструменты с целью реализации продукта с большим эффектом. Но схожие инструменты направлены и на людей раннего возраста.

Действительно, медиазация жизни начинается с детства через распространение гиперисторий («Лунтики», «Смешарики», «Маша и медведь», My little Pony и др.) [7, с. 39]. Автор полагает, что создаётся новая картина мира, в которой важно существование противоречий в виду недопонимания мотивов и установок, а не борьба добра со злом. Ведь нынешние герои мультфильмов или игр решают недетские вопросы, в которых активно используются коммуникации взрослых людей и соответствующие технологии. Таким образом, подобная реальность подготавливает детей к взрослому ведению хозяйства.

Современные исследования подтверждают, что все ныне существующие игры являются некой практикой для детей, которая формирует выбор, варианты выхода из тупиковых и рискованных ситуаций, которая способствует усвоению установленных обществом правил [5, 7, 8].

Современный акт игры многим отличается от традиционного ввиду внедрения новых форматов и модельных сред. Игры, использующие ситуативный метод вкупе с информационными технологиями, а именно кейс-задания, позволяют развивать критическое мышление, формируя социальную составляющую индивида.

Каждая игра предполагает какую-либо цель. Если существует цель, то существует и акт игры. Если же цель достигнута, то удовлетворены индивидуальные потребности. Даже если цель кем-то не была достигнута, но он получил от неё удовлетворение, то также можно сказать, что акт игры состоялся. Более того, игра подразумевает наличие хотя бы двух участников. Ну а если есть участники, то есть и конкуренция. Конкуренция встречается и в трудовой деятельности.

Игра в сущности своей противостоит трудовой деятельности. Последняя, как правило, предполагает конечный продукт и/или услугу. С одной стороны, мы можем рассмотреть трудовую деятельность как игру, а с другой – игра и есть трудовая деятельность. Ведь в первом и во втором случаях наблюдаются общие признаки: цель, задачи, средства достижения, участники, конкуренция, некоторые рейтинги,

модельная среда и т.д. В обоих случаях человек стремится достичь высших ценностей, самореализоваться. Игра и её формы тесно переплетаются с трудовой деятельностью в современном обществе, формируя культуру. Ещё в XX веке Иоганн Хейзинга в своей работе *Homo ludens* отмечал взаимосвязь сферы культуры человека и акта игры [8].

Хейзинга считает, что феномен игры появился раньше чем сформировалась культура. Ведь играть способны не только люди, но и животные. Основные черты игр были заложены как раз в играх животных, а цивилизация людей не внесла существенного вклада в развитие игровых феноменов. Игра распространилась и продолжает своё шествие на эти два мира: животный и человеческий. Она не опирается на какой-нибудь рациональный фундамент, не связана с какой-либо степенью иерархии культурных проявлений.

Хейзинга также подчёркивает, что именно культура возникла в игровой форме, а не наоборот. Культуре свойственно иметь игровые акты, она осуществляется в некоторой модельной среде и форме.

Ранее упоминалось, что трудовая деятельность связывается с игровой и грань между ними провести достаточно трудно. Стоит добавить, что труд в некоторой степени обязывает человека работать. Работать ради поддержания своего бытия, то есть удовлетворения хотя бы низших потребностей (физиологических и потребностей в безопасности), подробно рассмотренных в работе Абрахама Маслоу *Motivation and Personality*.

Игра не стремится обязать человека принять в ней участие. Также как и трудовая деятельность, игра даёт право выбора, но она является скорее добровольным действием, нежели обязательным. Подобный вопрос также рассматривается в трактате *Homo ludens*, в котором автор даёт следующее толкование термину «игра»: «Игра есть добровольное действие, либо занятие, совершаемое внутри установленных границ места и времени...» [8, с. 41]. Сходной трактовки придерживается другой исследователь культуры – К.Б. Сигов. В своей работе «Игра» Сигов рассматривает игру как форму свободного самовыявления человека, которая предполагает реальную открытость миру возможного и развёртывается в состязаниях и представлениях конкретных ситуаций, где игра экзистенциально задана.

Рациональное использование различных игровых приёмов в современной реальности побуждает индивида формировать ценностную ориентацию, активную жизненную позицию в целом. В отражении своей жизни как игры индивид формирует свое мировоззрение, внедряя

в него те установки, которые когда-то были заложены в детстве. Нет сомнений, что феномен игры эволюционировал. Но игра и по сей день нацелена на упрощение бытия, на жизнь индивида в зоне комфорта. Когда игра выступает средством понимания окружающего мира, то человек познаёт закономерности реального мира. Познав закономерности, он лучше адаптируется к конкретным условиям. А если он хорошо адаптирован, то находится в зоне комфорта. А вопросы, касающиеся комфорта индивидов, являются ведущими вопросами философии. В этом и существует дальнейшая необходимость рассмотрения вопросов игроизации современного социума, а, следовательно, игроизации самой культуры.

Библиографический список

1. Агапова Т.В. Культура как совокупность материальных и духовных ценностей / Т.В. Агапова // Вестник КрасГАУ. – 2014. – № 5. – URL: <http://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 31.10.2016).
2. Ларина А.А. Основные ценности современной молодежи / А.А. Ларина // Территория науки. – 2015. – № 5. – URL: <http://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 31.10.2016).
3. Куклинов М.Л. Мировые ценности / М.Л. Куклинов // Материалы VI Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум». – URL: <http://www.scienceforum.ru/2014/517/6143> (дата обращения: 31.10.2016).
4. Платон. Диалоги / Платон. – М.: Мысль, 1986.
5. Новикова О.Н. Игроизация современной культуры / О.Н. Новикова // Цивилизационные перемены в России: сб. науч. трудов по мат-лам научно-практической конференции / Минобрнауки РФ, Урал. гос. лесотехн. ун-т. – Екатеринбург: УГЛТУ, 2013. – С. 53–60.
6. Как устроен чемпионат мира по «Монополии», и кто принимает в нём участие? // BIT.UA: Be in trend. – 2015. – URL: <http://bit.ua/2015/10/monopoly/> (дата обращения: 30.10.2016).
7. Новикова О.Н. Игровые практики и деконструкция жизни / О.Н. Новикова // Цивилизационные перемены в России: сб. науч. трудов по мат-лам науч.-практич. конф. / Минобрнауки РФ, Урал. гос. лесотехн. ун-т. – Екатеринбург: УГЛТУ, 2016. – С. 38–41.
8. Хёйзинга Йохан. Homo ludens. Человек играющий / Йохан Хёйзинга; сост., предисл. Х 35 и пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова; коммент., указатель – Д.Э. Харитоновича. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 416 с.

ГРНТИ 13.07.25

УДК 130.2

Н.Г. Гаврилова
ЧГУ, Чебоксары

КОНФЛИКТ КУЛЬТУР В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «ВИЙ»

В повести Н.В. Гоголя «Вий» рассмотрена утрата нравственных начал жизни и цельности сознания личности, обусловленная конфликтом культур, который проявляется на разных уровнях. В результате столкновения язычества и православия произошла деформация обеих традиционных моделей мира. Это проявляется и в именах бурсаков, и в поведении семинаристов и казаков на хуторе сотника, и в миропонимании и веросознании главного героя повести. Все это делает гибель Хомя Брута неизбежной.

Ключевые слова: конфликт культур, христианство, язычество, Вий, Гоголь.

Долгое время конфликт повести «Вий», который разрешается смертью главного героя, воспринимался как конфликт социальный. Такой точки зрения придерживались, в частности, Н.Л. Степанов [1] и М.Б. Храпченко [2]. Автор книги «Художественный мир Гоголя» С.И. Машинский считал, что «социальная проблематика повести кажется несколько приглушенной. Но она тем не менее явственно проглядывает» [3, с. 82].

Исследователи повести «Вий» постепенно сместили фокус внимания с социального противостояния пана-сотника и Хомя в плоскость столкновения реального и фантастического. Б.А. Максимов, сопоставляя сюжет «Вия» с европейской романтической сказкой, утверждает, что Гоголь представляет нам «враждующих стихийных магов – один угнетенный и обессиленный, другой – средоточие торжествующей хтоники, между ними колеблется образ панночки» [4, с. 143].

В последние десятилетия творческое наследие Гоголя стало рассматриваться с позиций христианского сознания. При таком взгляде на повесть значимым становится духовное противостояние бурсака и ведьмы, которые являются представителями разных культурных миров: он – христианского, а она – языческого. Л. Барбашова и В. Гуминский отмечают, что гибель героя обусловлена его нетвердостью в вере, т. е. причинами религиозного характера [5, с. 163].

С духовной точки зрения предлагает нам взглянуть на раннее творчество писателя и В.А. Воропаев в своей работе «Николай Гоголь:

опыт духовной биографии» [6]. К вопросу о христианском сознании в повести Н.В. Гоголя «Вий» обращается также И.А. Виноградов в своей работе «Гоголь – художник и мыслитель: христианские основы мировоззрения» [7]. Исследователь высказывает предположение, что повесть «Вий» может рассматриваться как житие грешника. Р.В. Гуляев в статье «Философ перед лицом бессловесного ужаса («Вий» Н.В. Гоголя)» рассматривает столкновение реального и фантастического миров в повести, «дневной» и «ночной» реальностей и, утверждая, что общество исключает главного героя повести из своих пределов, характеризует Хому Брута как «первого христианского воина в русской литературе» [8]. Л.В. Карасев подробно останавливается на христианской трактовке мотива света, рассматривая мистику «ночного света» у Гоголя на примере повести «Вий» [9].

Столкновение христианской и языческой традиций в повести Н.В. Гоголя «Вий» происходит на самых разных уровнях. Смещение традиций отразилось и в именах бурсаков, и в поведении семинаристов и казаков на хуторе сотника, и в миропонимании и веросознании главного героя повести Хома Брута, и в деформации языческой и христианской моделей мира.

Одним из внешних проявлений столкновения различных традиций в «Вие» являются имена бурсаков. Некоторые особенности в именах персонажей Гоголя уже отмечались исследователями. Так, Ю.В. Манн в своей работе «Поэтика Гоголя» относит странное и необычное в именах и фамилиях персонажей к признакам нефантастичной фантастики, которая присуща и собственно фантастическим повестям [10]. А.М. Панченко отмечал, что человек воспринимался «как эхо, потому что считался образом и подобием прежде бывших персонажей. В средние века их круг замыкался православными ассоциациями. Барокко разомкнуло этот круг – прежде всего за счет античности» [11, с. 65]. Если прежде человек воспринимался как эхо того православного святого, чье имя он носит, то барокко расширило круг ассоциаций, обогатив круг имен. Интересно с этой точки зрения рассмотреть имена бурсаков в повести «Вий» – ритора Тиберия Горобца, философа Хома Брута и богослова Халявы.

Ритор Тиберий Горобець – обладатель латинского имени Tibegius – Тиберий (римский император, при котором был распят Иисус Христос).

Горобець – прозвище, в котором, с точки зрения Г.А. Гуковского, звучит проза быта, т.к. Горобець значит «воробей» [12, с. 19].

Философ Хома Брут – носитель старой формы имени, существовавшей до XV века. В настоящее время Хома – простонародная форма,

тогда как литературная – Фома. Заимствованное из греческого языка имя употребляется как нарицательное, образованное от имени апостола, в значении «человек, склонный к сомнению». Распространено устойчивое сочетание «Фома неверный» (или «Фома неверующий»).

С нашей точки зрения, именно отсутствием глубокой веры в Бога и вызвана гибель Хома в «Вие». Другое значение нарицательного «фома» – человек простоватый, плохой, вялый [13, с. 689].

Брут – от лат. *cognomen* (прозвище, указывавшее на какую-нибудь характерную черту, принадлежащую ветви рода, а первоначально – одному человеку), *Brutus* в роде Юниев. Прозвище образовано от латинского прилагательного *brutus*, а, um:

- 1) тяжелый, косный;
- 2) тупой, глупый, неразумный [14, с. 107].

Наиболее известны:

Marcus Yunius Brutus – организатор убийства Цезаря, покончивший самоубийством после сражения у Филиппов;

Demicus Yunius Brutus (Albinus) – участник заговора против Цезаря.

Итак, главный герой повести носит имя со значением «простоватый, плохой, вялый» и фамилию со значением «тупой, глупый, косный». Это тавтология, причем, как нам кажется, не случайная, а вполне осознанная. Возможно, Гоголь намеренно подчеркивает определенные свойства характера в отношении своего героя. Тот факт, что фамилия Хома соответствует прозвищу (*cognomen*) у римлян может быть связан с отсутствием у бурсака родителей, т.к. фамилия в привычном понимании – обозначение принадлежности к определенному роду. О своем роде Хома ничего не знает, не знает даже, кто были его родители, и, следовательно, лишен фамилии как таковой (вместо неё выступает прозвище).

Можно провести параллели между устойчивыми ассоциациями, существующими в связи с именем и прозвищем главного героя повести: Брут посягает на авторитет царя, который в Риме считался потомком Бога на земле, Фома не верит в Иисуса Христа – сына Бога на земле. У Хома нет отца земного, но нет и отца небесного.

«Халява», согласно словарю В.И. Даля, это

- 1) сапожное голенище;
- 2) рот, пасть, зев;
- 3) неряха, растрепаный, неопрятный;
- 4) вялый, сонный, ленивый и дрянной.

Сапог возникает в связи с образом богослова Халявы в самом конце повести: звонарь «не позабыл, по прежней привычке своей,

утащить старую подошву от сапога, валявшуюся на лавке». В карманах богослова Халявы, как в огромном зеве, пропадало всё, что только попадалось ему на глаза, в частности, и еда. Когда Хома Брут глянул на шаровары богослова в ночь у старухи, то «увидел, что из кармана его торчал преогромный рыбий хвост: богослов уже успел подтибрить с воза целого карася». Что касается последнего ряда определений, то и он нашел свое отражение в образе богослова Халявы, имевшего привычку прятаться в бурьяне после того, как напивался пьян. Привычка эта сохранилась за ним и по окончании семинарии, когда Халява уже работал звонарем: напившись с Тиберием Горобцом в шинке, он, «пошатываясь на обе стороны, пошел спрятаться в самое отдаленное место в бурьяне» [15, с. 180], где, очевидно, и отоспался. По всей видимости, Н.В. Гоголю хорошо были известны значения слова «халыва», т.к. автор в образе богослова обыграл их весьма искусно.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что Халява – носитель славянского имени; Тиберий Горобець – обладатель римского личного имени и неотыменной славянской фамилии; Хома Брут – носитель греческого имени в его славянском варианте и латинского прозвища, которое выступает в качестве его фамилии. Таким образом, в именах героев нашли отражение три культурные традиции: и славянская языческая, и латинская католическая, и православная греческая.

Столкновение различных культурных пластов неизбежно отражается и на цельности сознания личности, и, как следствие, на поведении и судьбе главного героя. С точки зрения Владимира Воропаева, «Вий» – одно из тех произведений, «в котором происходит борьба добра со злом и добро неизменно побеждает, а грешники наказываются» [6, с. 125]. Грешники в повести действительно наказаны, но победило ли добро? Хома погибает, но возможен ли был иной исход? И почему вера не спасает героя повести? Иисус не единожды говорит: «По вере вашей да будет вам» [Евангелие от Матфея, гл. 9, ст. 29]. Во что и насколько искренне верит бурсак?

Вспомним, каково его восприятие красоты панночки. Хома отмечает, что «никогда ещё черты лица не были образованы в такой резкой и вместе гармонической красоте» [15, с. 163], но «в них же, в тех же самых чертах, он видел что-то страшно пронзительное» [15, с. 163] – «такая страшная, сверкающая красота» [15, с. 169].

В языческой традиции красота – это прежде всего внешняя красота, красота тела. В христианской традиции куда большее значение имеет красота духовная, внутренняя. Поскольку телесная красота

панночки воспринимается Хомой как «страшная», ведьминская, дьявольская, то можно говорить о христианском сознании семинариста. Интересен также и тот факт, что этой языческой телесной красоте в повести противопоставлена красота в её христианском понимании, представленная в образе киевских золотых куполов, к которым устремляется Хома после встречи с ведьмой.

Пытаясь одолеть ведьму при первой встрече с ней, философ сначала припоминает все, какие только знает, молитвы, а потом перебирает все заклęcia против духов. В традиции житийной и аскетической литературы преодоление черта происходило с помощью крестного знамения. Семинарист не прибегает для борьбы с ведьмой к помощи крестного знамения, как не обращается к крестному знамени и во все последующие встречи с нечистью. Зато гроб ведьмы в церкви крестит воздух, когда она пытается добраться до защищённого магическим кругом бурсака.

В повести Гоголя мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией, когда православный верующий прибегает к языческим способам одоления нечистой силы, а нечистая сила пытается одолеть бурсака при помощи традиционного в христианстве крестного знамения.

На хуторе в церкви Хома пытается громким голосом читать Псалтырь, но затем в страхе инстинктивно очерчивает около себя магический круг. Раз за разом, сначала применив методы традиционно христианские, бурсак обращается к языческим способам борьбы с нечистой силой, почему-то больше доверяя им в критические моменты, словно не веря в то, что одних молитв достаточно для спасения от ведьмы. И вместе с тем, после произнесенных заклęcia, он дочитывает быстрее «листы, которые должен был прочесть прежде» [15, с. 171].

Мы видим, что Хома, обращаясь то к одной, то к другой культурной традиции, ни в одну из них не верит безоговорочно, безоглядно и целиком. Чтобы понять, чем обусловлены особенности поведения и сознания героя, следует привести небольшую историческую справку.

В своей работе «История Русской Церкви» А.В. Карташев отмечает, что в первое время после принятия христианства на Руси народные массы не отказались от почитания своих национальных богов. Согласно письменным источникам, период чистого и сознательного двоеверия охватывал XI, XII, отчасти даже XIII вв. С течением времени под влиянием бесхитростной проповеди о том, что боги языческие – это злые демоны, отчетливая вера в старые божества померкла в сознании народном. Но после утраты особых языческих богов

оставалась еще нетронутой целая обширная область язычества – весь тесно сросшийся с народным бытом языческий культ со множеством поэтически-символических обрядов. Таким образом, двоеверие сознательное сменялось бессознательным. При этом народное язычество как бы только возглавлялось христианскими верованиями и осложнялось христианскими таинствами и обрядами. В то же время суеверные обряды старого языческого богослужения сохранялись в семьях во всей целостности. Духовенство нередко само не возвышалось над двоеверием народной веры. Вообще же, с точки зрения А.В. Карташева, период бессознательного двоеверия продолжает существовать в ослабленной форме [16]. Примером такого бессознательного двоеверия и представляется нам поведение Хомы Брута и других героев повести. Борьба со злом требует апелляции к противоположно направленной силе, и по причине своего двоеверия философ обращается то к языческим обрядам, то к христианскому Богу.

Языческий мир, где боги не делятся на добрых и злых, а одновременно являются и теми, и другими, под влиянием христианских проповедей о том, что языческие боги – это злые демоны, утратил одно из основных своих свойств – амбивалентность. Можно говорить о разрушении гармонии языческого мира и смещении центра в сторону отрицательно маркированного полюса бинарной оппозиции «силы добра – силы зла». Под влиянием христианской культуры происходит деформация семантической наполненности многих языческих образов. Причем этот процесс происходит на всех уровнях. На уровне отдельно взятых образов (образы волка, медведя, коня) и на уровне магических действий («дурной глаз», оберегающий и всё-таки преодоленный круг); на уровне образов, воплощающих тот или иной космос («дом», «хутор сотника»); на уровне частей трихотомического деления мира (вершина горы никем не занята) и даже на уровне восприятия эстетических категорий (отношение к красоте). В то же время в повести Н.В. Гоголя «Вий» представлены образы, в полной мере соответствующие народной славянской языческой традиции (образ печи и образ ведьмы). Наличие таких языческих образов свидетельствует о том, что мир традиционного язычества не разрушен еще до своего основания.

Сосуществование в национальном культурном сознании языческого и христианского пластов привело к конфликту между ними и к искажению дохристианских представлений славян о мире, хотя и не к полной утрате языческой традиции (философ очерчивает около себя круг, поскольку этот обряд сохранен народной памятью с дохристианских времен). Но все языческие боги-защитники, боги-помощники

христианизированным сознанием Хома воспринимаются как боги враждебные по отношению к человеку, и потому ему не к кому обратиться, так как в душе героя повести «Вий» нет и не может быть искренней веры в добрых языческих богов, которые помогли бы ему в борьбе с ведьмой. И потому магические манипуляции – это дань сохранившейся обрядовой традиции и апелляция к языческим хтоническим богам.

Но обращение к языческим способам борьбы с нечистой силой не могло принести Хоме положительного результата, поскольку невозможно (для христианина) изгонять бесов силою бесовскою. С точки же зрения христианства, как мы уже говорили, все, что относится к сфере языческого, принадлежит демонологии. Вспомним, что и фарисеи обвиняли Иисуса в том, что он изгоняет бесов силою князя бесовского, на что «Иисус, зная помышления их, сказал им: всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит. И если сатана сатану изгоняет, то он разделится сам с собою: как же устоит царство его?» (Евангелие от Матфея, гл. 12, ст. 25–26). Итак, языческие магические действия с точки зрения христианского мировоззрения, в контексте которого изгнание бесов возможно только силою Божиею, не могли принести Хоме избавления от нечистой силы.

Но с другой стороны, исходя из приведенной цитаты из Евангелия, можно сделать вывод и о том, почему молитва, обращенная ко Всевышнему, не помогает семинаристу в борьбе с Виём. Дело не в шаткости веры Хома. Нетвердость бурсака в вере лишь следствие того, что и христианский мир – «царство, разделившееся само в себе» на православных и католиков. А лишенное внутреннего единства царство будет разрушено. Именно это в какой-то мере и происходит в душе Хома: будучи православным, он не очень-то верит в своего Бога.

Истово верующие православные должны были воспринимать притеснения со стороны католиков как одно из испытаний, посланное им свыше и призванное укрепить их в вере. Но с точки зрения язычника (а мы не раз говорили, что языческое начало очень сильно в сознании Хома) бог, который не защищает человека, теряет свой авторитет в глазах поклоняющегося ему. И тогда человек находит более могущественное божество, к которому и начинает обращаться за помощью. Этим и обусловлено обращение бурсака не только к молитве, но и к заклинаниям. Причина гибели семинариста кроется в его сознании. Христос не единожды повторяет: «По вере вашей да будет вам» (Евангелие от Матфея, гл. 9, ст. 29). А Хома не верит в возможность

своего спасения ни при помощи языческих магических манипуляций, ни при помощи молитвы, а верит только в силу Вия, который может лишить его жизни, и погибает.

Но сознание Хомы есть отражение культурного сознания украинского народа и бурсацкой среды. И не только он верит во всевозможную нечисть. С нашей точки зрения, сложно согласиться с мнением Р.В. Гуляева, утверждающим, что сверхъестественное настолько противоречит картине мира Хомы, что он «до последнего пытается сам в него не верить и поэтому не может убедить в нем окружающих» [8]. Верят в то, что ведьмы действительно существуют, и православные казаки на хуторе сотника, и семинаристы в Киеве. Более того, казаки верят и в то, что ведьма способна погубить человека, о чем свидетельствует история псаря Микиты, от которого осталась лишь куча золы. И казаки сотника, и учащиеся семинарии знают, что существует способ одолеть ведьму – «нужно только, перекрестившись, плюнуть на самый хвост ей» [15, с. 180].

В самом способе борьбы с ведьмой сталкиваются два культурных пласта, поскольку плевков – языческий знак одоления нечистой силы, а крестное знамение – часть христианской культурной традиции. Помимо того, все казаки на хуторе сотника прикладывают руки к печке после того, как отнесли гроб с панночкой в церковь, т.е. соблюдают и православный и языческий погребальные обряды. Таким образом, можно заключить, что двоеверие было повсеместно распространено на территории Украины. Но следует отметить, что оно не было исключительной чертой мироощущения украинцев, а являлось особенностью веросознания всех восточнославянских народов.

Конфликт культур в повести проявляется и на уровне трансформации традиционных моделей мира, присущих язычеству и православию. Как мы уже отмечали, В. Воропаев считает, что повесть Н.В. Гоголя «Вий» относится к группе произведений, в которых добро побеждает, а грешники наказываются. С нашей точки зрения, можно было бы говорить о победе добра, если бы в финале повести перед нами предстала церковь, очищенная от злых духов, отреставрированная и освященная присутствием Божьей благодати. Но мы видим совсем иную картину. В результате столкновения двух культур деформировались обе, и следствием изменений стала потеря богов.

Мир традиционного православия разрушен. Церковь на хуторе сотника претерпевает разрушительные изменения. Сначала она с высоким старинным иконостасом, покрытым золотом, была архитектурным знаком того, что на хуторе живет богатый православный пан.

К моменту действия повести она обросла мхом и стала наглядным воплощением того, насколько мало владелец поместья заботится о Боге и душе. Позже с завязнувшими в окнах и дверях чудовищами церковь на хуторе была внутренне соотнесена с готическими храмами с их химерами (т.е. с католической традицией). А в финале повести сказано, что она перестала существовать вовсе: «обросла лесом, корнями, бурьяном, диким терновником». Итак, мы можем говорить не просто о трансформации образа церкви: очевидно, что проходит длительный последовательный процесс разрушения православного храма, к которому «никто не найдет теперь <...> дороги». Дом Божий на этом хуторе перестал существовать. Остается только упоминание о самой большой колокольне в Киеве, где служит Халява. Киевские соборы – это некий христианский идеал, архитектурное воплощение истинной веры. Но и эта колокольня имеет изъян.

Языческая модель мира также деформируется. В повести Н.В. Гоголя гора, являющаяся воплощением языческого космоса, описана следующим образом: «на высокой вершукке ее торчали кое-где неправильные стебли тощего бурьяна и чернели на светлом небе. Обнаженный глинистый вид ее навевал какое-то уныние» [15, с.160]. Такая гора напоминает нам скорее Лысую гору, на которой, согласно верованиям славян, собирались ведьмы. В повести мы не находим упоминаний о добрых в отношении к человеку богах, которые должны были населять вершину модели мира, а вот с ведьмой, занимающей, кстати, промежуточное положение между миром людей и миром демонов, действительно встречаемся. Обратим также внимание на то, что эта обнаженная глинистая гора располагается «с северной стороны хутора». Север (в отношении к югу) маркируется в оппозиции отрицательно, так же как смерть в отношении к жизни, тьма в отношении к свету, левая сторона в отношении к правой. Эти противопоставления и маркировка устойчивы в славянской традиции.

Храм на хуторе сотника не дом божий, здесь не ощущается присутствия Святого Духа, а властвуют демоны. Дом не выполняет функцию защиты – основную свою функцию. Модель застройки городов и сел была общей, и хутор сотника вследствие этого может рассматриваться нами как образец древнерусской градостроительной традиции. Но хутор – это не подобие града божьего на земле, а расположенное на Лысой горе обморочное место, из которого нельзя сбежать. В то же время известно, что «храм, дом и город имели некое внутреннее родство, общую универсальную символическую основу. Это были не столько взаимодополняющие части одного целого (они

могли существовать и независимо друг от друга), сколько разные формы воплощения Макрокосма в Микрокосме» [17, с. 99]. Макрокосм повести – результат взаимовлияния языческой и христианской моделей мира, вследствие которого мир утрачивает богов.

В «Вие» следствием столкновения различных культурных традиций стала деформация каждой из них. Христианство постепенно вытеснило всех языческих богов в область демонологии. Но Христос не смог занять места богов-помощников, богов-защитников. Произошло это по причине отсутствия единства внутри самой христианской Церкви. Таким образом, можно говорить о том, что в результате взаимовлияния трансформировались и языческий, и христианский культурные пласты. Столкновение двух культур привело к тому, что в сознании героев повести старые боги повержены, но на смену им не пришел Господь.

Однако по-прежнему сильной осталась вера в хтонических демонов. Нечистая сила властвует не только в потустороннем мире, но и в пространстве «средней земли», и имеет возможность погубить Хому именно потому, что семинаристу нечего противопоставить ей. История жизни и смерти Хомы Брута, с нашей точки зрения, не может быть рассмотрена ни как житие грешника, ни как история первого христианского воина в русской литературе. Одоление «несметной силы чудовищ» возможно только при апелляции к противоположно направленной высшей силе. В повести мы видим отсутствие веры героя в добрых языческих богов или христианского Бога, которые могли бы спасти его от гибели. Трагическая развязка в противостоянии Хомы Брута и Вия является следствием утраты цельности сознания личности и нравственных начал жизни.

Библиографический список

1. Степанов Н.Л. Н.В. Гоголь. Творческий путь / Н.Л. Степанов – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955.
2. Храпченко М.Б. Творчество Гоголя / М.Б. Храпченко. – М.: Сов. писатель, 1959.
3. Машинский С.И. Художественный мир Гоголя / С.И. Машинский. – М.: Просвещение, 1979.
4. Максимов Б.А. Загадки «Вия» и сюжетная традиция «Вечеров» / Б.А. Максимов // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – 2010. – № 6. – С. 129–144.

5. Барбашова Л. Гоголь и четыре урока «Миргорода» / Л. Барбашова, В. Гуминский // Лит. учеба. – 1983. – № 2. – С. 158–166.
6. Воропаев В.А. Николай Гоголь: опыт духовной биографии / В.А. Воропаев // Литературная учеба. – 2002. – № 1. – С. 118–179.
7. Виноградов И.А. Гоголь – художник и мыслитель: христианские основы мировоззрения / И.А. Виноградов. – М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000.
8. Гуляев Р.В. Философ перед лицом бессловесного ужаса («Вий» Н.В. Гоголя)» / Р.В. Гуляев // Вопросы философии. – 2015. – № 9.
9. Карасев Л.В. Чтобы видно было, как днем: Мистика «ночного света» у Гоголя / Л.В. Карасев // Вопросы философии. – 2011. – № 6. – С. 40–54.
10. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя / Ю.В. Манн. – М.: Худож. лит, 1978.
11. Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ / А.М. Панченко // Из истории русской культуры. Т. III (XVII – начало XVIII в.). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
12. Гуковский Г.А. Реализм Гоголя / Г.А. Гуковский. – М., Л.: Гослитиздат, 1959.
13. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия / В.И. Даль. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
14. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь / И.Х. Дворецкий. – М.: Рус. яз., 2000.
15. Гоголь Н.В. Вий / Н.В. Гоголь // Собр. соч. Н.В. Гоголь в 7 т. / под общ. ред. С.И. Машинского и М.Б. Храпченко. – М.: Худож. лит. – 1976. Т. 2. Миргород.
16. Карташев А.В. История Русской Церкви / А.В. Карташев. – М.: Эксмо, 2004.
17. Художественно-эстетическая культура Древней Руси. XI–XVII вв. / под. ред. В.В. Бычкова. – М.: Ладомир, 1996.

ГРНТИ 13.11.47

УДК 008

Т.Н. Помазуева
УГЛТУ, Екатеринбург

ЭВОЛЮЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТИЛЯ АРТ-ФОТОГРАФА А. АБАЛИХИНА

Рассмотрено творчество современного арт-фотографа А. Абалихина. Особое внимание уделено логике развития художественного стиля.

Ключевые слова: эстетическая теория, художественный стиль, творческая манера, ценностные смыслы, реализм, символизм, постмодернизм.

Эстетическое и художественное развитие человечества не останавливается ни на миг, а логика развития художественного мастерства наших современников подчиняется философско-онтологическим законам эстетической теории. Ярким тому примером служит творческий путь А.В. Абалихина – маститого московского арт-фотографа, члена Творческого союза художников России и Российского фотосоюза.

При взгляде на работы А.В. Абалихина пронзает мысль, что этот человек за двадцать лет активной творческой деятельности пережил цепь чудесных превращений: он начал творческий путь художником-реалистом, а сейчас мы видим постмодерниста.

Эту эволюцию индивидуального художественного стиля можно сравнить с теорией рекапитуляции известного американского психолога Стенли Холла, который полагал, что ребенок в своем развитии кратко повторяет развитие человеческого рода.

Художественный стиль – это важнейшая эстетическая категория, которая определяет и содержание, и форму произведения искусства. Отличительной особенностью стиля является относительно устойчивая общность основных идейно-художественных признаков творчества, обусловленная эстетическими принципами. Когда речь идет о стиле, то подразумевается, что форма является средством художественного выражения содержания. Стиль – это более широкое понятие, чем творческая манера, которая означает совокупность приемов, характеризующих стилистические и технические особенности творчества живописца, графика, арт-фотографа.

Свой творческий путь в фотоискусстве А.В. Абалихин начал с работ, реалистичных и по содержанию, и по форме, при взгляде на которые вспоминается призыв Рембрандта, обращенный к его ученику Хоохстатену: «Учись прежде всего следовать богатой природе и отображать то, что найдёшь в ней. Небо, земля, море, животные, добрые и злые люди – всё служит для нашего упражнения. Равнины, холмы, ручьи и деревья дают достаточно работы художнику» [1, с. 58].

Фотографии Абалихина, выполненные в реалистической манере, отличает глубина и щемящая поэтика. Таковы, например, «Абрамцево. Перед дождем» или работы из серии «Путешествия по родному краю» (34 фотографии).

Автор наделяет ценностными смыслами пространство природы. В его фотографиях обретает зримый образ мысль М. Дюффрена о том, что природа «изначально и фундаментально поэтична» [2, с. 165].

В работах Абалихина столь же поэтична и городская среда. Архитектура поднимается до уровня художественного обобщения и выражения представлений человека о пространстве, времени и своем

месте в зыбком и преходящем материальном мире. Зритель явственно ощущает то, что Гастон Башляр, эстетик, исследователь психологии художественного творчества, назвал «топофилией».

Рассматривая альбом «Архитектурная Москва», мы убеждаемся в правоте великого французского философа, который отмечал, что «пространство, пропущенное через воображение, не может остаться безличным пространством, всецело во власти геометра с его подсчетами и вычислениями; отныне оно стало обжитым. И оно обжито не в своей реальной идентичности, а в причудливой интерпретации воображения. В частности, оно почти всегда становится притягательным» [3, с. 57].

Отдельного упоминания заслуживает серия фотографий «Мосты». Перед нами не просто «пассивная техника», которую можно легко описать с помощью витрувианского принципа «польза, прочность, красота». Эти работы пробуждают мощные эстетические переживания. Здесь и горизонталь – символ земной жизни с ее страстями, и вертикаль – знак устремленности ввысь, к вершинам духа, и пересечение этих линий как отражение сосуществования противоположных интенций.

Глядя на эти работы, не скажешь: «Красиво!» Эстетический смысл этих изображений способен передать только понятие «возвышенного», ибо здесь «противопоставлены друг другу человеческий и сверхчеловеческий масштабы» [4, с. 156].

Эти фотографии отчасти сродни искусству Древнего Египта, Древней Индии или средневековой Европы с их «культом размера, пафосом количества, эстетизацией величины» [4, с. 157].

Каждый настоящий художник переживает время от времени редукцию профессиональных достижений. Ему становится мучительно тесно в рамках одного стиля.

Для выявления глубинного содержания жизни требуются порой резкая гиперболизация, заострение, гротескное утрирование форм самой жизни, а иногда и условно-метафорическая форма художественного мышления.

Фоторабота «Последняя капля» заставляет вспомнить о диалектике великого и малого. Здесь тот же контраст, что и во фразе, которая высечена на надгробном камне Александра Македонского: «Этого лоскутка земли оказалось достаточно для того, кому не хватило Вселенной».

Логическим продолжением условно-метафоричной творческой манеры явился переход к символизму, поскольку создатели и адепты

этого стиля провозгласили, что искусство должно выражать абсолютные истины, используя метафорические образы и аллегории, содержащие символическое значение.

Стоит признать, что К. Бальмонт и А. Блок считали символизм, прежде всего, поэтической школой. Есть и другая точка зрения, которую сформулировал А. Белый: «Отправляясь от символической школы, я неизменно прихожу к символизму как зрению на мир, (мировоззрению)» [5, с. 19].

В ряде работ Абалихина мы видим символы, в которых отражается связь между двумя мирами: реальным и трансцендентным, чувственным и воображаемым, видимым и невидимым.

Вот, например, фоторабота, которую автор скромно назвал «Деколь для кофейного сервиза» (2015). Она напоминает картины В.Э. Борисова-Мусатова, где образы оторваны от реального мира и лишены бытовых подробностей. Пейзаж становится условным и подергивается легкой дымкой меланхолии, пребывает вне времени и пространства.

Подобная отстраненность от повседневного практического бытия характерна для работы «Киевский вокзал» (2010). При всей кажущейся простоте этот снимок заставляет вглядываться в темное зыбкое отражение, напоминая слова Ролана Барта о том, что «символ – это не образ, это сама множественность смыслов».

Изменения художественного стиля касаются всех жанров, в том числе и портрета. Взгляните на *Under a carnival mask hidden passion* (2015). Это похоже на живописные работы художника-символиста М. Врубеля: своеобразный колорит, сверкающая мозаичность цвета, прихотливая изогнутость линий, загадочность, сказочность, томность.

Серия *Afro* (2015) напоминает об одном из важнейших принципов символизма: отказ от обыденности и обращенность к образам прайскуства, архетипам древних культур и погибших цивилизаций, к «веселым сказкам таинственных стран» [5, с. 451].

Завершить разговор о символах хотелось бы альбомом *Mysterious St. Petersburg*, который объединяет разные фотографии. Исключительно сильное впечатление оставляют «Пятый сон Родиона Раскольникова» и «Петербург Достоевского». Перед нами город, рожденный муками отщепенцев и скитальцев, город как момент трагической судьбы человека.

В своей книге «Мирозерцание Достоевского» Н.А. Бердяев отмечал, что «у Достоевского нет ничего кроме человека, нет природы, нет мира вещей» [6, с. 137].

Здесь жизнь предстает в смятенном и трагическом свете. От города веет «необъяснимым холодом» и «духом немым и глухим».

Усиливает впечатление «говорящая» вывеска «Люди дождя». Так называют больных с синдромом Каннера и синдромом Аспергера. Для них характерна предельная отгороженность от внешнего мира, эмоциональная холодность, отсутствие эмпатии. Эти черты мы встречаем у многих героев Ф.М. Достоевского. В центре художественного мира писателя находится человек, замкнутый в собственном существовании. Человек враждебен миру, а мир – человеку. И эта горькая мысль ясно читается в фотоработах Александра Абалихина.

Индивидуальный художественный стиль обусловлен в значительной степени мировоззрением автора. Глядя на последние работы Абалихина, ловишь себя на мысли, что его увлечение символизмом осталось в прошлом, и перед нами человек постмодерна: философия активно перетекает в музыку, кинематограф, литературу, живопись. Философы-постмодернисты не претендуют на открытие истины, а находят удовольствие в процессе, когда претензия на поиск истины просто отвергается и осмеивается. Остается блуждание, бесконечное размышление и форма, в которую обличена мысль, она постоянно меняется...

И в арт-фотографиях Абалихина прослеживается попытка показать, объективировать мысль, находящуюся в становлении. Оттого все видят разное.

Вот «Мельница» (2015). Кого-то пленяет непередаваемое очарование зыбкости. На ум приходят слова Василия Кандинского из его знаменитой работы «Ступени»: «Все стало ненадежным, шатким и мягким... Я бы не удивился, если бы камень растаял предо мною в воздухе...» [7, с. 37].

Перед мысленным взором другого мелькают трагические сцены гибели «Титаника», когда смешались снег, огонь вечерних фонарей и смерть. А третий радостно восклицает: «Мать Сва на землю пришла!»

Подобно тому, как философы постмодерна (М. Фуко, Ж. Деррида, Т. Адорно) пустились на поиски нового категориального языка, который сумел бы передать мысль в ее изменчивости, так Александр Абалихин пытается обрести новый художественный стиль. Именно стиль, а не манеру, поскольку меняется не чисто внешнее своеобразие его выразительного языка, а сама художественная структура, которая вырастает из художественного содержания.

Эти поиски отчетливо видны в серии работ «Град небесный», куда вошли *The road to the citadel*, *The Universe for Stephen Hawking*, *Architecture in the style of hi-tech*, *Space.Matrix.Silence*. В них автор предстает создателем всех вещей чувственно воспринимаемого космоса, демиургом.

The road to the citadel вызывает из недр памяти «Марсианские хроники» Р. Бредбери: «Позади остались звезды, умопомрачительные скорости, сверкающее движение и немые космические бездны» [8, с. 189]. И в конце пути человек встречает недоступный человеческому пониманию артефакт, в котором слились два диаметрально противоположных пути развития цивилизации. В основе первого лежит логическое мышление, в основе второго – образное интуитивное постижение действительности. Людвиг Витгенштейн, этот признанный сверхрационалист, мудро заметил, что «склонность к мистическому следует из того, что наука оставляет наши желания невыполненными».

The Universe for Stephen Hawking и Architecture in the style of hi-tech пришли к нам из миров киберпанка, из безысходного будущего, в котором повседневная жизнь подверглась стремительным техническим изменениям, где существует вездесущая цифровая инфосфера.

И вместе с тем мы видим в этих работах воплощение основных положений синергетики. Перед нами сложноорганизованные системы, которым невозможно навязать извне пути их развития. Здесь хаос выступает в качестве созидающего начала, здесь угадывается несколько альтернативных путей развития, и будущее состояние этих сложных систем определяет и формирует их текущее состояние.

С мирами киберпанка мирно соседствуют орнаментальные работы арт-фотографа, в которых также отчетливо видна эволюция творческой манеры и художественного стиля. Кажется, что перед нами игра символами зримых форм, превращение восприятия, мысли, эмоций в форму и цвет, попытку отделить друг от друга изображенную действительность и действительность живописи, уход в мир абстрактного искусства, где ценны свет и прозрачность, гармония красок и линий.

Вглядываясь в орнаменты Александра Абалихина, невольно вспоминаешь идеи об орнаменте как проводнике стилевых особенностей определенного периода, связи его образности с основополагающими проблемами современной ему художественной культуры и возможности разработки типологии культур, на основе отличительных особенностей орнамента.

Помнится, Освальд Шпенглер в работе «Закат Европы» рассматривал орнамент как выражение «духа времени», как основу возникновения и развития стиля.

Видный историк, искусствовед, представитель так называемой венской школы искусствознания Алоиз Ригль устанавливал связь

между типами формообразования в орнаменте и «способами созерцания природы», основами мировоззрения определенного исторического периода.

Полагаем, что новые орнаментальные фотоработы художника вызовут живой интерес: одних привлечет система выразительных средств орнамента, а других – его поэтическая сторона.

Уместно вспомнить слова исследователя В.Я. Герчука: «Сами по себе ни изображения, ни магические символы, ни математические законы меня интересовать не будут. Моя тема – эстетический смысл орнамента и его художественное своеобразие» [9, с. 127].

В творчестве Александра Абалихина намечился еще один поворот: автор обратился к миру техники.

Невольно вспоминаешь древних греков, которые не разделяли искусство и ремесло. Для них прекрасное являлось ценностным свойством всех плодов предметной деятельности людей. Язык античной эпохи зафиксировал в слове «техне» способность создавать нечто из естественного материала, умение преобразовать «природное» в «человеческое».

В работах этой серии видна зримая согласованность деталей и узлов, пропорциональность, формальная организованность – словом, все то, что лежит в основании гармонии. Высокое мастерство рождает красоту – красоту вещей, которые создает человек.

Завершая разговор про Александра Абалихина, хочется назвать его фотографом «тысячи стилей», подобно тому, так в свое время И. Стравинского окрестили «композитором тысячи стилей». Хочется выразить уверенность в том, что за этим стоит не эстетический релятивизм, а страстный поиск своего пути.

Библиографический список

1. Геташвили Н.В. Рембрандт / Н.В. Геташвили. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011.
2. Каган М.С. Эстетика как философская наука / М.С. Каган. – СПб: ТОО ТК Петрополис, 1997.
3. Гастон Башляр. Поэтика пространства / Башляр Гастон. – М.: Ad Marginem, 2014.
4. Каган М.С. Эстетика как философская наука / М.С. Каган. – СПб: ОО ТК Петрополис, 1997.
5. Рапацкая Л.А. Искусство серебряного века / Л.А. Рапацкая. – М.: Просвещение, Владос, 1996.

6. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского / Н.А. Бердяев // Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. – М., 1992. Т. 2.

7. Мишель Лакост. Кандинский / Лакост Мишель. – М.: Слово/Slovo, 1995.

8. Бредбери Р. О скитаньях вечных и о Земле / Р. Бредбери; пер. с англ., сот. и посл. В.И. Скурлатова. – М.: Правда, 1987.

9. Герчук Ю.Я. Что такое орнамент? Структура и смысл орнаментального образа / Ю.Я. Герчук. – М.: Галарт, 1998.

ГРНТИ 03.01.06

УДК 930.1

А.Г. Степанов
С.И. Арсентьева
Н.Г. Гаврилова
ЧГУ, Чебоксары

МИФОЛОГЕМНО-УТОПИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ ОРГАНИЗАЦИИ КАРТИНЫ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Рассмотрена специфика производства картины социально-исторической реальности. Содержание картины истории определённо детерминировано значениями общественного идеала. Картина социально-исторической реальности возможна как реализация утопического проекта по конструированию востребованного социумом ракурса исторического явления.

Ключевые слова: картина социально-исторической реальности, образ истории, социокультурная детерминация, общественный идеал, утопия.

Начало XXI века в общественных дисциплинах стало периодом очередного пересмотра взглядов на ход и содержание социальной истории, что не могло не затронуть вопросы о научной состоятельности исторического знания, значение которого в гуманистике является во многом определяющим, «никакое анализируемое гуманитарными науками содержание не может оставаться замкнутым в себе, избегая движение истории...» [1, с. 376].

Актуальность осмысления специфических оснований картины социально-исторической реальности обусловлена тем, что существенные стороны человеческого существования проявляются через те представления об историческом прошлом, которые складываются на различных этапах развития человека и общества. В. Дильтей отмечает: «Человек познаёт себя только в истории» [2, с. 123]. Становление картины социально-исторической реальности является важнейшей

предпосылкой формирования общественного организма. Обращение к прошлому социальной общности позволяет сформировать представления о необходимой организации настоящего и определить перспективы будущего. Организация картины социально-исторической реальности базируется на конкретном материале, связанном с условиями субъектно-объектного взаимодействия в контексте определённой социокультурной парадигмы, обуславливающей практическое применение систем восприятия, интерпретации, стилей абстрактно-логической деятельности, которые в качестве условий формирования образа исторического процесса детерминируют систему её конструирования и вносят в её содержание аспекты иллюзии.

Соотношение объективного и субъективного аспектов социально-исторического знания всегда осуществлялось через комплекс дополнения известного предполагаемым, что позволяло, с одной стороны, создать целостный, непротиворечивый образ реальности, а с другой стороны – создавало предпосылки для характеристики содержания создаваемой картины реальности как относительной, включающей в себя как информационные блоки, соответствующие свойствам реальности, так и знания, которые соответствуют свойствам исследуемого только в представлениях их создателей. На этой основе возникает мифологемная составляющая картины социально-исторической реальности как выражение специфической духовно-практической связи между человеком, его внутренним миром и содержанием исследуемого фрагмента социально-исторической реальности.

Мифологема – это результат становления определенного видения исторической реальности в контексте детерминирующего влияния социокультурных структур, опосредующих содержание картины отражаемого процесса.

События, составляющие содержание прошедшего этапа социальной организации, существуют в нас как следствия реальности, нашедшие отражение и зафиксированные в рамках организационных структур общественного сознания. То, что не существует в настоящем времени в объективной действительности, существует в субъективных формах структур социальной памяти. «История есть коллективная память людей, память о прошлом. Но память о прошлом – это уже не прошлое в собственном смысле слова. Это прошлое восстановленное и восстанавливаемое по нормам современности, с ориентацией на ценности и идеалы жизни людей в настоящем» [3]. Ценности представляют собой форму выражения сущности человека. «Дело в том, что отнюдь не все изменения, приносимые человеком в реальный мир, одинаково приемлемы для человеческой природы. Ценности и

выступают в качестве социокультурных средств соотнесения событий и изменений, происходящих во внешнем мире, с миром человека» [4, с. 123]. Высшие ценности, овладевая сознанием людей, коллектива, национальной группы, становятся объединяющим фактором, базой формирования национальной идеи. Эталоны открывают человеку перспективу его существования, обеспечивают ему осмысленную жизнь.

В комплексе ценностей социальной экзистенции история предстаёт в качестве инструмента социокультурного определения общественного организма, осознающего себя в качестве особой отличной от других сообществ целостности, преследующей определённые цели, смыслы которых аккумулированы в содержании общественного идеала. Традиционно в категории «идеал» обобщаются представления о «высшей цели деятельности, стремлении, совершенном воплощении чего-нибудь» [5, с. 349]. И. Кант, определяя идеал как образ достигнутого совершенства, которое не может быть реализовано в реальной действительности, рассматривает его в качестве априорно понимаемого «регулятивного принципа» социального действия.

С онтологической точки зрения, идеал есть форма небытия, создаваемая для того, чтобы превратиться в бытие, и именно в такое бытие, которое отвечает развивающимся интересам человека» [6]. Следовательно, под общественным идеалом понимается представление о совершенном способе существования социума, возникшем вследствие проекции содержания общественных потребностей в содержание общественного сознания. Выступая следствием социально-исторического развития социума, общественный идеал является опосредующим звеном между комплексом социально-антропологических потребностей в определённом способе бытия и технологиями их удовлетворения.

Идеалы – это устойчивые единицы социального целеполагания, утверждающиеся в процессе освоения человеком социальной практики в качестве парадигм социальной активности, и становящиеся таким образом источником саморазвития человека и общества. Идеал привносит необходимый смысл в процесс социального развития и предоставляет возможность восприятия и оценки социально-экономических ресурсов с позиций их соответствия представлениям о социально должном. Заключенные в идеалах социальные установки восходят к групповым представлениям о ценностях и нормах. Подобные идеальные типы М. Вебер называл утопиями, так как данные феномены не столько отражают реальность, сколько выражают отношение к ней.

Утопии являются порождениями глубокой антиномичности социальной экзистенции: с одной стороны, укоренённость социума в объективной реальности как атрибутивном условии существования, с другой стороны – преодоление данности бытия посредством его целенаправленного изменения. Утопия преподносится в качестве идеального проекта конструирования практических способов освоения реальности. В утилитарном смысле утопия представляет собой ориентир социальной активности, включающий ценностные значения социокультурного идеала, непосредственно воздействующего на сознание социума. Усвоенная массовым сознанием утопия, становится реальной силой социальной экзистенции, становясь имманентным компонентом умонастроения общества, формой социального целеполагания. Утопизм в этом случае проявляет себя как следствие выхода человека за пределы наличного бытия и перехода в реальность идей. «Ведь назначение идей состоит в том, чтобы заменить нестабильный двусмысленный мир на мир, в котором нет места двусмысленности» [7, с. 5]. В этом смысле утопическую рефлексию можно характеризовать как процесс мысленного исправления объективной реальности. Утопия является креацией реальности, отсутствующей в непосредственном бытии, создавая воображаемый мир, являющийся ответом на вызовы современности.

Утопический идеал – это превращённый образ реальности, выражающий одновременно смысл социальной экзистенции и форму её реализации.

Категория «утопия» была введена в социокультурный оборот Т. Мором, употребившим данный термин в двойном смысле:

- а) благодатное место,
- б) место, которого нет.

В. Даль, рассматривая эту проблему, предлагал ориентироваться на следующие определения:

- 1) «небывалая, блаженная страна»;
- 2) «всё мечтательное, несбыточное, грёзы о счастье» [8].

Предложенные дефиниции, очевидно, детерминированы классическим пониманием утопии как «описания воображаемого, но локализованного во времени и пространстве общества... организованного совершеннее, чем то, в котором живет автор» [9, с. 7]. Вместе с тем определение утопического в контексте его проявления в социокультурном формате имеет более широкие возможности. В частности, характеристика утопии – как состояния «в опыте, мышлении, практике, которое ориентировано на объекты, не существующие в данной

ситуации» [10, с. 502]. Это опрежеление, сформулированное К. Мангеймом, положило начало пониманию утопии как идеальной формы выражения социальных отношений, не данных в непосредственном восприятии.

Заявленная тенденция была отражена, например, в исследованиях Э.Я. Баталова, рассматривающего утопию как «образ идеального... выступающего в качестве объекта созерцания или материального воздействия в различных сферах человеческой деятельности» [11, с. 52]. Утопия, следовательно, предстает как идеальный проект явления, не существующего в реальности, но отражающего её фундаментальные характеристики. Подобное определение позволяет характеризовать утопию не только как совершенный образ идеального общества, но и как образ социальных явлений, не существующих в наличном бытии, но имеющих к нему непосредственное отношение (и к историческим явлениям в частности).

В таком же контексте предлагает трактовать утопию Г.М. Понамарёва, определяющая данный феномен в качестве результата специфического отношения «...к действительности, связанного с созданием определённой картины мира и определённой социокультурной концепции бытия» [12, с. 9]. Д. Шклар рассматривала утопию в качестве вневременного образа совершенного, лишённого какой-либо возможности быть осуществлённым в объективной реальности [9, с.7]. Совершенство, абсолютность и непротиворечивость были отмечены и И.Н. Нимановым в качестве атрибутов утопии, определяемой как умозрительная модель, «...которая с точки зрения её создателя, в силу абсолютной истинности или ложности и универсальности, заложенной в этом устройстве абсолютизируемой идеи (сама эта идея может отражать ту или иную грань, сторону, стадию, закономерность развития объективной действительности или человеческого сознания), должна по замыслу обеспечить «идеальное», «совершенное», т.е. внутренне не противоречивое, бесконфликтное состояние человека и человечества...» [13, с. 108].

Мы предлагаем рассматривать категорию «утопия» в рамках её определения – как идеальную форму выражения отдельных аспектов социальной жизни, которые отсутствуют в наличном бытии, но присутствие которых является необходимым условием определения перспектив экзистенции социального организма и форм их реализации. Следовательно, *утопия* – это образ социальных связей и отношений, культивируемых обществом в качестве должных характеристик общественного бытия, возведённых в качественном отношении до

уровня предельного совершенства. Возникновение утопических представлений вызвано определёнными социокультурными основаниями, которые возможно дифференцировать на ментально-экзистенциальные, воплощающие стремление человека к конструированию идеального мира, где возможности удовлетворения социально-значимых потребностей безграничны (утопия Т. Мора); и концептуально-теоретические, инициированные потребностью в конструировании непротиворечивой идеальной модели социальной реальности, где все сферы общественной жизни предельно сбалансированы, а их КПД совершенен (идеальное государство Платона).

Утопия конструирует новую модель реальности, в основе которой находится воспроизведение общественных представлений о должной организации социальной жизни.

«Под *утопизмом* мы разумеем не общую мечту об осуществлении совершенной жизни на земле, свободной от зла и страданий, а более специфический замысел, согласно которому совершенство жизни может – а потому и должно быть – как бы автоматически обеспечено неким общественным порядком или организационным устройством» [14, с. 86].

Утопия в общественном сознании выделяется в различных формах. *Антиутопия или дистопия* – идеальная модель несовершенного общества, не приемлющего традиционные ценности, по смыслу противоположного системе отношений утопического идеала.

Полиутопия – изображение идеального мира, состоящего из разных по уровню развития, но одинаково жизнеспособных обществ, вынужденно взаимодействующих друг с другом.

Энтопия – в буквальном переводе «место, которое есть», реализованный в локальном масштабе утопический проект.

Практопия – утопия, претендующая на идеальное отражение определённого социального проекта, имеющего широкое социальное звучание, «контратопия» «экоутопия», «моноутопия» и др. [3].

Картина социально-исторической реальности является своеобразной моделью практопии, так как сама история, являясь имманентным компонентом общественного сознания в преобразованной идеальной форме отражает комплекс ценностей социальной практики, имеющих непреходящее социальное значение.

В историческом повествовании формы социальной активности предстают как проект выражения интегрального синтеза потребностей общества в определенном образе истории, представлений о социальном должном и действительных параметров исторического явления.

Специфика истории заключается в выстраивании особенного, отличного от реальности, мира идеальных образов, находящихся в определённых отношениях друг с другом, обусловленных необходимостью создания целостного представления о существовании исторической реальности. Конструирование идеальных по сути и «совершенных» по форме образов истории является одним из вариантов утопического изобретательства. История порождает утопию как идеальный образ деятельности людей, представленной в совершенной степени. Образ исторической реальности содержит в себе значения, актуальные для современного общества, и главной задачей картины социально-исторической реальности становится отражение ценностных параметров исторического явления. Картина социально-исторической реальности изначально призвана аккумулировать ценностные значения социального прошлого, удовлетворяющие общественные потребности настоящего. Отсюда наделяются исторические события и действующие лица качествами, составляющими общественную ценность. Образ истории, неравнозначен объективной реальности, но определяется субъектом как её объективная данность. Имеет место не только реализация процесса проецирования свойств реальности в сознание человека, но и субъективная форма проекции идеальных представлений из сознания творца картины социально-исторической реальности во внешний по отношению к нему мир социально-исторических связей и отношений.

Естественное и смысловое состояние исторического события не тождественны по своему содержанию. Предмет сам по себе может иметь отличную от определённого для него смысла функциональную нагрузку, его место в системе бытия определяется мировоззрением субъекта, устанавливающего положение предмета в иерархии собственных ценностей. Неизбежное в исторической рефлексии установление определённости соотношения ценностного и действительного, объективного и субъективного, реальности и идеала конституирует образ исторической практики в качестве мифологемно-утопического.

Таким образом, образ истории в контексте организации картины социально-исторической реальности является выражением утопического проекта, актуализирующего отдельные аспекты исторической реальности в контексте социально желаемого. Исторический образ является следствием проекции содержания общественного идеала на социальное прошлое общества, вследствие чего образ прошлого реализуется как утопическая форма реальности, сочетающая в себе объективное содержание исторического явления и социально востребованный вариант его прочтения.

Библиографический список

1. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко – СПб: А-сad, 1994.
2. Дильтей В. Собрание сочинений: в 6 т. / В. Дильтей – М.: Три квадрата. Т. 3. 2004.
3. Гречко П.К. Концептуальные модели истории / П.К. Гречко. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Grech/index.php.
4. Антипов Г.А. Историческое прошлое и пути его познания / Г.А. Антипов. – Новосибирск: Наука, 1987.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И Ожегов – М.: Сов. энцикл., 1964.
6. Каган М.С. Лекция / М.С. Каган. – URL: Refdb.ru.
7. Ортега и Гассет Х. Идеи и верования: избранные труды / Х. Ортега и Гассет – М.: Весь Мир, 2000.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великого русского языка: Современное написание: в 4 т. / В.И. Даль – М.: Астрель. АСТ, 2003.
9. Утопия и утопическое мышление: сб. статей / сост. В.А. Чаликова. – М.: Прогресс, 1991.
10. Манхейм К. Диагноз нашего времени / К. Манхейм. – М.: Юрист, 1994.
11. Баталов Э.Я. В мире утопии: пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических / Э.Я. Баталов. – М.: Политиздат, 1989.
12. Понамарёва Г.М. Утопия и утопическое сознание в контексте русской культуры XIX – начала XX вв. / Г.М. Понамарёв.
13. Ниманов И.Н. Социальный утопизм и общественная мысль / И.Н. Ниманов // Методологические проблемы истории философии и общественной мысли. – М.: Наука, 1977.
14. Франк С.Л. Ересь утопизма / С.Л. Франк // По ту сторону правого и левого. – Paris: YMCA-Press, 1972.

ГРНТИ 02.41.51

УДК 008

С.Н. Каташинских
УГЛТУ, Екатеринбург

ПРОБЛЕМЫ АКТИВИЗАЦИИ ЧТЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Современные приемы мотивации к чтению разнообразны: государственная программа развития и поддержки чтения, массовое публичное чтение классики, креативные стимулы.

Ключевые слова: литературная карта, читательский рейтинг, проект «Л. Толстой – читаем вместе».

Существуют различные критерии цивилизации: высокий уровень экономического развития, демократический плюрализм, эффективное гражданское общество. Среди неформальных критериев на первое место мы бы поставили уровень чтения в обществе, так как в основе вышеперечисленных критериев находится основной фактор цивилизованности – высокоразвитая личность, формирование которой невозможно без целенаправленного чтения. Осознание этой проблемы как актуальной социальной задачи сформулировано на государственном уровне: 2015 год был объявлен президентом РФ В.В. Путиным Годом литературы. В соответствии с инициативой президента комитетом Государственной думы по культуре была составлена Литературная карта России, предполагающая качественно изменить отношение к чтению в целом и к преподаванию литературы в школе в частности [1].

Одним из ключевых моментов действия Литературной карты являлось предложение включить в критерии оценки деятельности губернаторов количество книжных магазинов в регионе. Таким образом, полагают, что количественный показатель станет основным параметром развития российской культуры и это позволит вернуть книге статус, который она имела на советском социокультурном пространстве.

Количественная характеристика чтения в России на самом деле не так уж плоха: по количеству выпускаемых наименований (более 120 тыс. и 540 млн экземпляров в 2015 году) наша страна уверенно входит в пятёрку развитых стран.

Изменения коснулись качественной стороны чтения: «Молодые россияне читают всё меньше, а те, кто всё ещё проявляет интерес к чтению, отдают предпочтение массовой литературе, которая структурируется темами, а не именами. Фамилии авторов и названия книг редко остаются в памяти читателей, потому что установка на развлечение не ориентирует на запоминание. Книга, которую читают по дороге на работу, не откладывается в долговременную память. Поэтому большинство опрошенных россиян (58 %) не смогли назвать книги, которые произвели на них сильное впечатление или открыли что-то новое» [1]. Тем не менее Россия в рейтинге читающих стран мира занимает седьмое место. Первое место по чтению у Индии (10,7 часа в неделю), на втором месте Таиланд, затем – Китай, Филиппины, Египет и Чехия [1].

Год литературы закончился грандиозным проектом «Анна Каренина», в течение 36 часов 700 человек в прямом эфире от Владивостока до Москвы читали роман Л. Толстого.

Прошлый 2016 год закончился подобным проектом «Война и мир. Читаем вместе», когда с 8 по 11 декабря по одному тому в день в Интернете и на государственных каналах в течение 60 часов транслировалось чтение романа. В проекте участвовали 1300 человек – от простого школьника до известного политика. И нет лучшего примера популяризации отечественной классики и воспитания любви к родному языку!

Россиянам есть чем гордиться, например, американский общественно-политический журнал Newsweek представил рейтинг самых читаемых книг всех времен и народов. Список, состоящий из 100 книг, отобранных по определенной компьютерной технологии, учитывающий их интеллектуальный вклад в мировую культуру и популярность у современного читателя, возглавляет роман Л.Н. Толстого «Война и мир». Великий русский писатель единственный в этом списке, если не считать В. Набокова с романом «Лолита», повторяется дважды: на 48 месте его роман «Анна Каренина» [2].

В ноябре 2016 года турецкий писатель Орхан Памук, став лауреатом литературной российской премии «Ясная поляна», сказал: «Я восхищаюсь Толстым, читая Толстого, наслаждаешься не только точными и красивыми предложениями, но и его глубоким пониманием психологии людей, знанием человеческой природы. Темп повествования, то, как он развивает события, – все кажется очень естественным» [3]. На вопрос, «Есть ли книга, которая вызывает у вас чувство сожаления о том, что не вы ее написали», О. Памук ответил: «Да. Это, собственно, «Анна Каренина». Затем, говоря о роли литературы в его жизни, заметил: «Я познал мир и воспитал себя с помощью книг» [3].

Функции познания и воспитания, присущие литературной природе, оказываются эффективными только при систематическом чтении. Любопытный пример поощрения к чтению продемонстрировал мэр румынского города Клуж-Напока, который гарантировал бесплатный проезд в автобусе пассажирам, читающим книги. Он считает, что лучше поощрять тех, кто читает, чем критиковать нечитающих [4].

Позитивным аспектом современных приемов и способов поощрения к чтению является всеобщее желание преодолеть то отчуждение от классической литературы, сложившееся за последние два десятилетия. Пришло осознание масштабности проблемы и катастрофических последствий как для индивида, так и для цивилизации, а также

понимание того, что без государственной поддержки и использования зарубежного опыта данную проблему не решить.

Библиографический список

1. Книга и чтение в культурном пространстве России // Университетская книга: информационно-аналитический журнал. – URL: <http://www.unkniga.ru/ostraya-tema/2759-kniga-i-chtenie-v-kulturnom-prostranstve-rossii.html>.

2. Журнал Newsweek представил список из 100 лучших книг всех времён // Гуманитарные технологии: информационно-аналитический портал. – URL: <http://gtmarket.ru/news/culture/2009/07/09/2093>.

3. Орхан Памук: «Когда голос писателя перестанут слышать, я все равно продолжу писать» // РБК. – URL: <http://style.rbc.ru/view/books/581b35a59a79470deaaf6fa0>.

4. В Румынии можно не платить за проезд, если всю дорогу читаешь книгу // Joinfo.ua: независимое новостное интернет-издание. – URL: http://joinfo.ua/sociaty/1114515_V-Ruminii-platit-proezd-dorogu-chitaesh-knigu.html.

ТЕНДЕНЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ГРНТИ 14.35.01

УДК 159.947.5 + 378.12

Е.С. Щепин
И.А. Петрикеева
УГЛТУ, Екатеринбург

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ УГЛТУ

Представлены результаты исследования мотивации труда преподавателей ФСПО «УГЛТУ» в 2016 году. Проведен сравнительный анализ результатов данного исследования с результатами исследований мотивации труда преподавателей УГЛТУ в 2007 и 2014 годах.

Ключевые слова: мотивация педагогической деятельности, удовлетворенность трудом, внутренняя и внешняя мотивация.

В 2016 году на факультете среднего профессионального образования Уральского государственного лесотехнического университета (ФСПО «УГЛТУ») было проведено исследование мотивации труда преподавательского состава. В качестве инструментов исследования использовались тестовая методика К. Замфир на определение структуры мотивации и опросник, составленный Т.Б. Голубевой. В исследовании приняли участие все преподаватели ФСПО «УГЛТУ» (14 человек). Характеристики выборки приведены в таблице 1.

В основу методики К. Замфир положена концепция внутренней и внешней мотивации. Внутренняя мотивация предполагает, что профессиональная деятельность значима для личности сама по себе. Если же в основе мотивации профессиональной деятельности лежит стремление к удовлетворению иных потребностей, выходящих за рамки самой деятельности (мотивы социального престижа, зарплаты и т.д.), то в данном случае проявляется внешняя мотивация. Внешние мотивы подразделяются на внешние положительные и внешние отрицательные мотивы.

Таблица 1

Характеристика выборки, в %

Критерии	%
Возраст:	
до 45 лет	21
после 45 лет	79
Пол:	
мужчины	35
женщины	65
Квалификация (наличие ученой степени):	
кандидат наук	21
доктор наук	0
Общий стаж педагогической работы:	
менее 10 лет	7
более 10 лет	93
Стаж работы в УГЛТУ:	
менее 5 лет	28
более 5 лет	72

После проведения методики среди преподавателей ФСПО «УГЛТУ» проводим обработку полученных данных.

1. Подсчитываются показатели внутренней мотивации (ВМ), внешней положительной (ВПМ) и внешней отрицательной (ВОМ)

в соответствии со следующими ключами (выводится среднее арифметическое):

- 1) $BM = (\text{оценка п. 6} + \text{оценка п. 7})/2$;
- 2) $BPM = (\text{оценка п. 1} + \text{оценка п. 2} + \text{оценка п. 5})/3$;
- 3) $BOM = (\text{оценка п. 3} + \text{оценка п. 4})/2$.

Показателем выраженности каждого типа мотивации будет число, заключенное в пределах от 1 до 5 (возможно и дробное).

2. На основе полученных данных определяется мотивационный комплекс личности. Мотивационный комплекс представляет собой соотношение трех видов мотивации: BM, BPM и BOM.

К оптимальным следует отнести следующие два типа мотивационных комплексов:

- 1) мотивационный комплекс № 1: $BM > BPM > BOM$;
- 2) мотивационный комплекс № 2: $BM = BPM > BOM$;
- 3) наименее оптимальным является мотивационный комплекс № 3: $BOM > BPM > BM$.

При интерпретации учитывается не только тип мотивационного комплекса, но и то, насколько сильно один вид мотивации превосходит другой по степени выраженности.

Например, нельзя считать абсолютно одинаковыми два ниже приведенных мотивационных комплекса $BOM > BPM > BM$:

- 1) вариант 1 : $5 > 2 > 1$;
- 2) вариант 2 : $4 > 3 > 2$.

И первый, и второй комплексы относятся к одному неоптимальному типу мотивации. Но в первом случае мотивационный комплекс личности значительно негативнее чем во втором. Во втором случае, по сравнению с первым, имеет место снижение показателя отрицательной мотивации и повышение показателей внешней положительной и внутренней мотивации.

Следовательно, второй вариант предпочтительнее, и он, оставаясь неоптимальным, показывает, что при принятии необходимых мер респонденты имеют больше возможностей для выхода на оптимальный тип мотивационного комплекса.

Применительно к нашему исследованию получились следующие результаты:

- 1) $BM = 4,3$ балла;
- 2) $BPM = 4$ балла;
- 3) $BOM = 4,5$ балла.

Для более полной и точной картины среди 14 респондентов – преподавателей ФСПО «УГЛТУ» – выделим подгруппы тех, кто по

всем трем типам мотивации (ВМ, ВПМ и ВОМ) ответил сходным образом, и подсчитаем процент каждой подгруппы в общем количестве опрошенных.

Таблица 2

Сравнительный анализ мотивационных комплексов преподавателей ФСПО «УГЛТУ»

Мотивационный комплекс	% от общего числа респондентов
ВОМ = ВПМ < ВМ (4,2 = 4,2 < 4,7)	43
ВОМ > ВПМ < ВМ (4,7 > 4,1 < 4,8)	36
ВОМ > ВПМ > ВМ (4,5 > 3,9 > 3,7)	21

Из таблицы 2 видно, что ни один из полученных мотивационных комплексов не является оптимальным. Но первый и второй мотивационные комплексы имеют сильную внутреннюю мотивацию. Вместе они формируют прочную мотивационную основу (79 %): внутренняя мотивация превалирует над остальными, а внешняя положительная мотивация лишь незначительно уступает внешней отрицательной мотивации. Третий комплекс является неоптимальным, но число респондентов этого мотивационного типа составляют меньшинство (21 %).

Для всех трех групп респондентов получается следующий обобщенный мотивационный комплекс: ВОМ > ВПМ < ВМ.

В баллах: 4,5 > 4 < 4,3

Внутренняя мотивация больше внешней положительной мотивации, но меньше чем внешняя отрицательная мотивация. В результате обнаруженный в ходе исследования мотивационный комплекс тяготеет к наименее оптимальному мотивационному комплексу № 3.

Правда, здесь есть и положительные моменты. Во-первых, внутренняя мотивация приблизительно равна внешней положительной мотивации. Во-вторых, внешняя отрицательная мотивация ненамного превосходит внешнюю положительную и внутреннюю мотивацию.

Низкий показатель внешней положительной мотивации обусловлен низким баллом по п. 1: «Денежный заработок» – около 3 баллов. Кроме того, было выявлено стремление избежать наказания и

неприятностей не от непосредственного руководства факультета или вуза, а от вышестоящих инстанций (сокращение ставок, снижение заработной платы). При изменении ситуации «наверху» можно рассчитывать на оптимальный мотивационный комплекс, когда внутренняя и внешняя положительные мотивации превысят внешнюю отрицательную мотивацию.

Проведенный среди респондентов опрос с использованием опросника Т.Б. Голубевой позволил не только уточнить и дополнить результаты, полученные с использованием методики К. Замфир, но и сравнить результаты опроса 2016 года с опросами преподавателей УГЛТУ в 2007 и 2014 годах [1, 2], выявить динамику привлекательности преподавательского труда, степень удовлетворенности трудом и другие важные показатели мотивации труда преподавателей УГЛТУ.

Представим сравнительную характеристику отдельных показателей мотивации труда преподавателей УГЛТУ в 2007, 2014 и 2016 годах.

Таблица 3 демонстрирует катастрофическое падение реальных возможностей повышения квалификации преподавателями с 65 % (в 2007 году) до 21 % (в 2016 году). Меньше четверти респондентов в 2016 году оценило возможность повышения квалификации как реальную. В качестве причин многие указали, что квалификация не даст им ощутимых результатов (продвижения по карьере, существенной прибавки к зарплате, высокой востребованности в научной среде), отметили отсутствие достаточного количества времени и материальной базы. Один человек (7 %) отметил, что в силу пенсионного возраста его все устраивает, и он хотел бы свое свободное время посвятить семье.

Таблица 3

Перспективы повышения квалификации:
получение ученых степеней, званий (указать только одну позицию)

Характеристика	2007 год, %	2014 год, %	2016 год, %
Не хочу повышать квалификацию	0	0	7
Хочу повысить квалификацию, но не имею такой возможности (указать причины)	Нет данных	Нет данных	29
Хочу повысить квалификацию, но не уверен в реальности своих планов (указать причины)	Нет данных	Нет данных	43
Хочу повысить квалификацию и имею реальную возможность сделать это	65	58	21

В целом, это коррелирует с результатами 2007 и 2014 гг., когда в качестве причин, которые мешают достичь желаемого, респонденты отмечали большую учебную нагрузку, бюрократию, финансовые проблемы, отсутствие денежных средств у вуза, сужение круга возможностей повышения квалификации [1].

Обобщенная характеристика привлекательных для респондентов особенностей преподавательского труда представлена в таблице 4.

Таблица 4

Наиболее привлекательные для респондентов
характеристики работы, в %

Характеристика	2007 год, %	2014 год, %	2016 год, %
Творческий характер работы	78	79	93
Работа с молодежью	68	58	57
Возможность реализации своих способностей	57	61	36
Возможность работать по гибкому графику	51	63	50
Длительный отпуск в летнее время	49	45	36
Работа в хорошем коллективе	46	71	79
Встречи с интересными людьми	38	37	50
Близость работы к месту жительства	14	34	36
Перспективность профессии	8	13	21
Продолжение семейных традиций	8	11	29
Возможность получать устраивающий вас доход	0	13	0
Престижность профессии в современном российском обществе	3	8	29
Меньшая ответственность перед администрацией по сравнению с работой на производстве	3	5	0
Меньшая ответственность перед обществом по сравнению с работой на производстве	0	3	0

Представленные в таблице данные относятся к трем группам характеристик труда: его содержанию, условиям и прочим характеристикам.

Рисунки 1–3 представляют вклад каждой группы характеристик в степень удовлетворенности респондентами трудом.

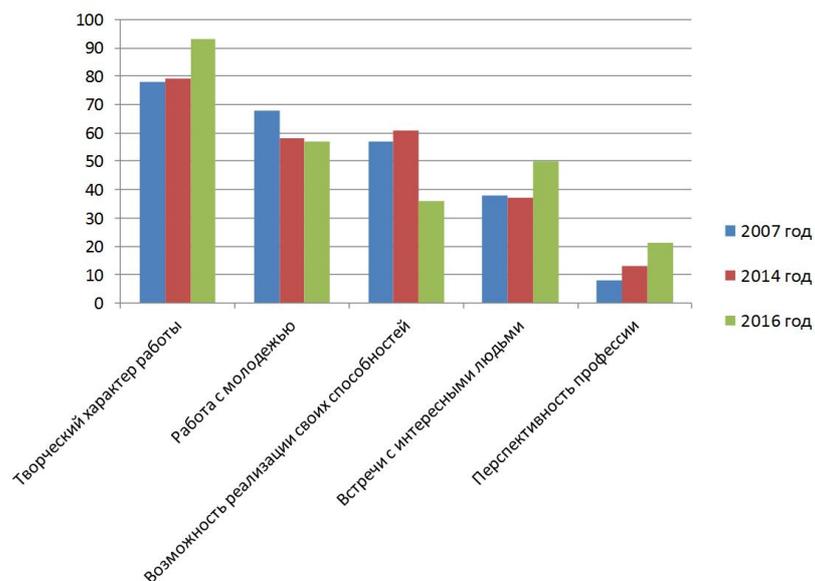

Рис. 1. Оценка респондентами отдельных показателей содержания преподавательского труда, в %

Мы видим, что самый высокий показатель во всех трех выборках – «творческий характер работы» (особенно он высок в 2016 году), что коррелирует с высоким уровнем внутренней мотивации, полученным по методике К. Замфир. Стабильно высокой является характеристика «работа с молодежью», занимающая в рейтинге 2007 года 2-е место, 5-е место в 2014 году и 3-е место в 2016 году.

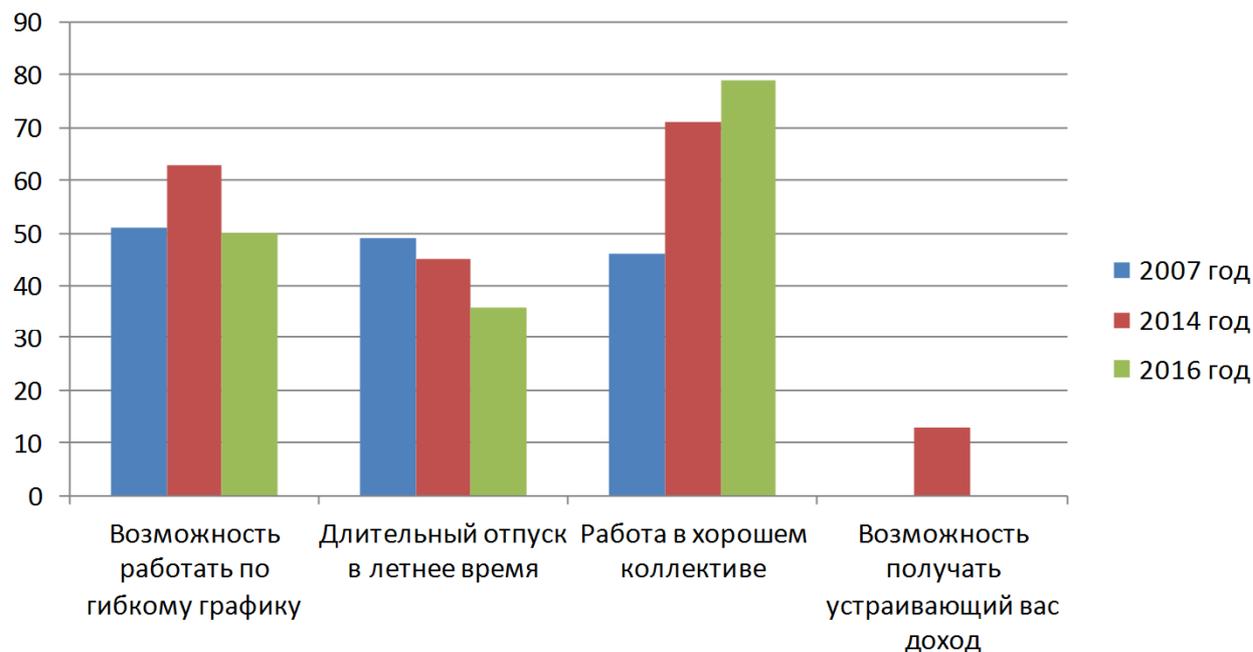

Рис. 2. Оценка респондентами условий труда, в %

В 2016 году самый высокий показатель «творческого характера работы» (93 % респондентов) дополняется высоким показателем «работы в хорошем коллективе» (79 %) и «работой с молодежью» (57 %). Но менее половины респондентов указали на возможность реализации способностей (36 %), престижность профессии (29 %) и перспективность профессии (21 %). Хотя последний показатель и показывает существенный рост в 2016 году.

Мы видим высокие показатели «работы в хорошем коллективе» и «возможности работать по гибкому графику» на фоне «невозможности получать устраивающий респондентов доход» (только в 2014 году 13 % выборки отмечало такую возможность). Последний показатель составляет самый существенный фактор неудовлетворенности трудом преподавателей УГЛТУ и определяет высокий уровень ВОМ по методике К. Замфир.

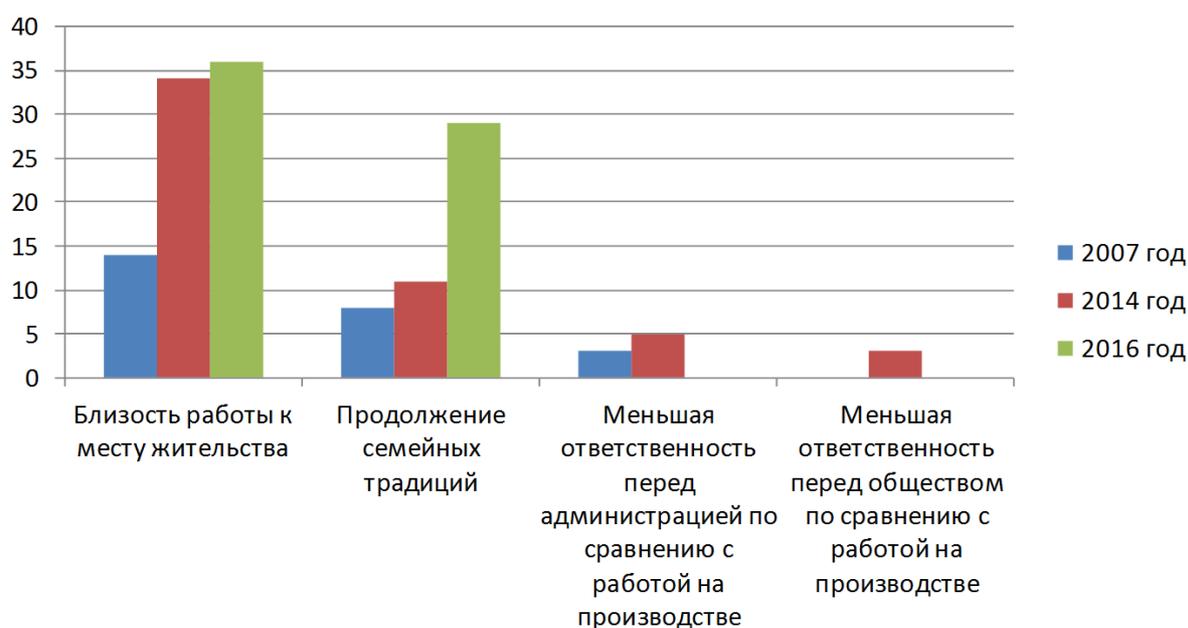

Рис. 3. Оценка респондентами других характеристик преподавательского труда, в %

Среди прочих привлекательных характеристик труда существенную роль играют «близость работы к месту жительства» и «продолжение семейных традиций» (оба показателя существенно возрастают к 2016 году).

В целом, высокие показатели удовлетворенности трудом респондентов определяются отдельными факторами содержания труда и его условий – топ-факторами (мотиваторами):

- творческий характер работы (83 % респондентов);
- работа с молодежью (61 %);
- возможность реализации своих способностей (51 %);
- встречи с интересными людьми (41 %).

Им явно уступают по значимости гигиенические факторы (факторы условий труда):

- работа в хорошем коллективе (65 % респондентов);
- возможность работать по гибкому графику (55 %);
- длительный отпуск в летнее время (43 %).

В таблице 5 представлены причины неудовлетворенности респондентов трудом (по трем выборкам).

В 2016 году самым высоким показателем неудовлетворенности трудом остается низкий заработок (71 %), втрое в сравнении с 2014 годом возрастает показатель «отсутствие льгот для сотрудников» (64 %). Показатели «большая загруженность в учебном процессе» и «большая бюрократическая работа» показывают тенденцию стабильного роста (в 3,57 раза и почти вдвое в сравнении с 2007 годом).

Таблица 5

Причины неудовлетворенности респондентов трудом, в %

Характеристика	2007 год, %	2014 год, %	2016 год, %
Низкий заработок	70	79	71
Отсутствие льгот для сотрудников	35	21	64
Транспортные проблемы	24	13	0
Большая бюрократическая работа	24	39	43
Непрестижность профессии в обществе	19	18	36
Большая загруженность в учебном процессе	14	29	50
Неритмичность учебной нагрузки	14	18	21
Отсутствие понимания в службах и отделах УГЛТУ	11	29	0
Отпуск только в летнее время, часто с разрывами	5	8	0
Не имею возможности реализовать свои способности	3	5	0
Большая ответственность перед обществом по сравнению с работой на производстве	3	11	0
Отсутствие поддержки в семье	0	3	36
Неинтересная работа	0	5	0
Бесперспективность	0	5	29
Не устраивает коллектив	0	1	0
Не сложились отношения с администрацией	0	8	0
Не складываются отношения с обучающимися	0	3	0

Таким образом, к общим тенденциям демотивации труда в высшей школе в последнее 10-летие следует отнести: стабильно низкий заработок преподавателей, слабую социальную защищенность, стабильно растущие показатели большой бюрократической работы (вдвое!) и большой загруженности в учебном процессе (втрое!), – что и объясняет высокий показатель внешней отрицательной мотивации в исследовании 2016 года. Всё это дополняется растущим «отсутствием поддержки в семье» (0 % – 3 % – 36 %), «непрестижностью профессии в обществе» (19 % – 18 % – 36 %) и «бесперспективностью» (0 % – 5 % – 29 %).

Можно сделать следующие выводы.

Профессиональный выбор педагогов УГЛТУ обусловлен, прежде всего, творческим характером работы, возможностью реализовать свои способности, работой в хорошем коллективе и с молодежью, общением и встречами с интересными людьми. В центре профессиональной мотивации преподавателей стоят мотивы, связанные с содержанием труда (стремление реализовать свое педагогическое призвание, передавать знания и опыт, самореализация в научно-педагогической деятельности) и условиями труда, специфичными для высшей школы (желание находиться в интеллектуальной среде, иметь возможность карьерного продвижения).

Однако низкий престиж преподавательского труда и другие причины неудовлетворенности преподавателей своей работой могут расцениваться как признаки кризиса мотивации профессиональной педагогической деятельности. Высока доля преподавателей, недовольных заработком и уровнем жизни, отсутствием должного взаимопонимания с управленческими структурами (особенно, федерального уровня), большим объемом бюрократической работы.

Резюмируя полученные данные, можно предложить следующие рекомендации по усилению мотивации профессиональной педагогической деятельности преподавателей УГЛТУ.

Рекомендации разделены на две категории – на те, которые относятся к российским органам государственной власти на местном, региональном и федеральном уровне, и на относящиеся к руководству российских вузов, в частности, руководству УГЛТУ.

К первой группе рекомендаций относятся:

1) повышение заработной платы, льготы для работников образования, увеличение финансирования вузов для создания прочной материальной базы, в том числе, закупка нового оборудования на образовательные и исследовательские цели;

2) снижение бюрократической нагрузки в виде отчетностей и излишних мер контроля со стороны государственных структур;

3) введение прогрессивной шкалы материальных вознаграждений преподавателей за педагогическую, методическую и научно-исследовательскую работу.

Выполнение этих рекомендаций будет способствовать повышению престижа профессии преподавателя и улучшению морального состояния педагогов.

Ко второй группе рекомендаций относятся:

1. Повышение материального положения преподавателей за счет регулярного материального вознаграждения. Дополнительным мотивом к профессиональному росту может служить восприятие обучения и повышения квалификации как перспективного способа повышения доходов.

2. Улучшение условий труда. Оно усиливает внешнюю положительную мотивацию преподавателей. Изучение условий труда на рабочем месте может проходить через беседы и опросы преподавателей. Это может позволить выявить более глубокие проблемы, связанные с мотивацией (человеческие взаимоотношения в коллективе, культуру организации, психологический климат и др.).

3. Различные формы морального поощрения. Следует предоставлять преподавателям возможность выполнения таких задач, которые помогут завоевать одобрение и признание (участие в научных конференциях, семинарах, симпозиумах, круглых столах, различных общественных мероприятиях).

Необходимо создать обстановку, в которой преподаватели высшей школы могли бы ощутить, что вуз ценит их вклад в рабочий процесс (периодически вручать грамоты, благодарности, награды).

При несовпадении взглядов преподавателей и руководства по вопросам организации труда важно проводить регулярные обсуждения и находить общее мнение.

4. Стимулирование познавательной мотивации преподавателей как стремления к творчеству и самосовершенствованию.

Необходимо предоставить преподавателям свободу в методах и средствах организации преподавательской и научно-исследовательской работы. Регулярно проводить тренинги и приветствовать обучение преподавателей с целью личного самосовершенствования.

5. Систематический мониторинг мотивационного климата вуза, разработка и осуществление стратегии управления мотивацией профессиональной деятельности преподавателей.

Мотивационный мониторинг позволит отслеживать мотивационные тенденции, оценить эффективность проводимых в вузе изменений, устранять непонимание между профессорско-преподавательским составом и руководством вуза, проводить реформы, максимально учитывая интересы преподавателей.

Можно надеяться, что исследования мотивации профессиональной педагогической деятельности примут систематический характер, будут способствовать выработке эффективных мер по повышению мотивации преподавателей и позволят улучшить мотивационный климат российского высшего образования в целом.

Библиографический список

1. Скоморохова Г.В. Исследование мотивации преподавательского труда профессорско-преподавательского состава УГЛТУ в 2007 и 2014 годах / Г.В. Скоморохова, И.А. Петрикеева // Лесотехнические университеты в реализации концепции возрождения инженерного образования: социально-экономические и экологические проблемы лесного комплекса: мат-лы X Междунар. науч.-техн. конф. – Екатеринбург: Урал. гос. лесотехн. ун-т, 2015. – С. 382–385.

2. Скоморохова Г.В. Особенности мотивационного ядра профессиональной деятельности преподавателей высшей школы УГЛТУ / Г.В. Скоморохова, И.А. Петрикеева // Лесотехнические университеты в реализации концепции возрождения инженерного образования: социально-экономические и экологические проблемы лесного комплекса: мат-лы X Междунар. науч.-техн. конф. – Екатеринбург: Урал. гос. лесотехн. ун-т, 2015. – С. 385–387.

ГРНТИ 14.3.07+04

УДК 378.147+316

И.А. Здорнов
Е.А. Калистратова
УГЛТУ, Екатеринбург

АКТИВИЗАЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ В УГЛТУ

Приведены результаты исследования эффективности организации научно-исследовательской работы, проанализированы пути ее развития для обучающихся, в том числе аспирантов, УГЛТУ.

Ключевые слова: научно-исследовательская деятельность, активизация научно-исследовательской работы (НИР), вовлеченность в НИР, образовательный процесс, эффективность организации НИР.

Современное развитие России невозможно без внедрения научных достижений, технологий и инноваций. Развитие науки традиционно было связано с развитием университетской науки и становлением научных школ. Во все времена важнейшими задачами высшей школы России были выявление и обучение, поощрение и поддержка способной к научной работе молодежи с целью сохранения интеллектуального потенциала страны. Однако адаптация системы научной деятельности обучающихся в вузах к условиям современного состояния общества и экономики в настоящее время еще не завершилась, что порождает определенные законодательные, материальные и методические проблемы:

1) ухудшение экономического положения образовательных и научных учреждений способствовало оттоку молодых, перспективных с точки зрения научной деятельности кадров в коммерческие организации, их отъезду на временную и постоянную работу за рубеж;

2) характерное для многих вузов страны старение научно-педагогических кадров, уменьшение контингента исследователей создали реальную угрозу деградации существующих научных школ, сокращения количества и снижения уровня научных разработок по приоритетным направлениям науки и техники.

В этих условиях становятся особенно актуальными проблемы воспроизводства научных и научно-педагогических кадров, разработка новых механизмов стимулирования научных исследований обучающихся и молодых ученых, дальнейшей оптимизации системы непрерывного образования: школа – вуз – аспирантура – докторантура^{*}. Вовлечение представителей молодого поколения в научные исследования и особенно закрепление молодежи в российской науке становятся в XXI веке важнейшей государственной задачей.

Подготовка будущих научных кадров напрямую связана с созданием творческой образовательной среды в вузах, с привлечением новых организационных форм и методов обучения, в основе которых должны быть методы и приемы научно-исследовательской деятельности.

Научно-исследовательская работа – одна из форм учебного процесса, в которой наиболее удачно сочетаются обучение и практика. В рамках научной работы обучающийся сначала приобретает первые

^{*} Миронов В.А., Майкова Э.Ю. Социальные аспекты активизации научно-исследовательской деятельности обучающихся вузов: монография. Тверь: ТГТУ, 2004. 100 с.

навыки исследовательской работы, затем начинает воплощать приобретенные теоретические знания в исследованиях, так или иначе связанных с практикой, а в конце этого длительного процесса возможно участие в научных конференциях и симпозиумах разного уровня, вплоть до международных.

Весной 2016 года нами было проведено исследование, связанное с анализом состояния и поиском путей активизации научно-исследовательской работы в УГЛТУ. Данное исследование затронуло многие аспекты организации научной работы обучающихся и преподавателей университета. В процессе исследования был выявлен комплекс социальных факторов, определяющих развитие научно-исследовательской работы как обучающихся, так и преподавателей и оказывающих влияние на их участие в научной деятельности.

Для реализации цели нашей работы нами были проанализированы состояние науки и особенности организации системы научного образования в России; изучены факторы, влияющие на развитие молодежной науки в вузе, такие как: развитие интернет-технологий, развитие мотивации научного творчества, особенности организации и стимулирования научно-исследовательской работы в вузе. Но цель нашего исследования не смогла бы быть достигнута без анализа состояния НИР в УГЛТУ. Эту задачу мы попытались решить с помощью изучения результатов, полученных в ходе опроса, проведенного среди обучающихся, в том числе и аспирантов, УГЛТУ.

Респондентами в нашем исследовании были обучающиеся (2, 3 и 4 курсов бакалавриата, магистранты 1 и 2 курсов) и аспиранты, обучающиеся по различным специальностям и на разных факультетах. Распределение респондентов по курсам обучения представлено на рисунке 1.

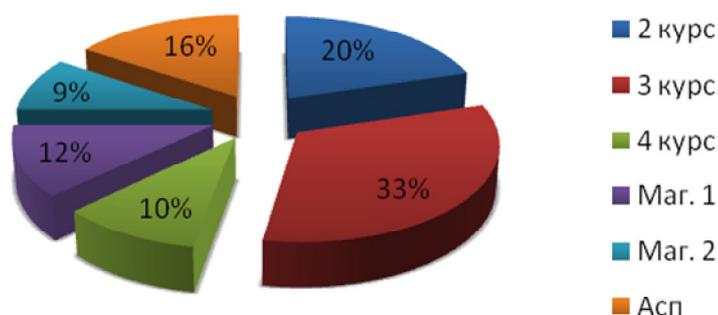

Рис. 1. Распределение обучающихся по курсам обучения

Общий объем выборочной совокупности составил 108 человек (бакалавриат: 2 курс – 22 человека, 3 курс – 35 человек, 4 курс – 11 человек; магистратура: 1 курс – 13 человек, 2 курс – 10 человек; аспирантура – 17 человек).

В общей сложности респондентам было предложено ответить на 20 вопросов анкеты, касающихся их вовлеченности и участия в исследовательской работе в рамках вуза. В данной статье мы представим наиболее актуальные и «проблемные», требующие внимания вопросы.

С целью выявления активности участия обучающихся в НИР респондентам был задан вопрос: «Участвуете ли вы в научно-исследовательской работе?»

Полученные данные свидетельствуют о неблагоприятном положении в этой сфере: научно-исследовательской деятельностью не занимается 86 % респондентов на 2 курсе, 74 % на 3 курсе, 55 % на 4 курсе, 46 % на 1 курсе магистратуры и 20 % на 2 курсе магистратуры. При анализе распределения обучающихся, занимающихся научно-исследовательской работой, в соответствии с курсом обучения, прослеживается явная тенденция резкого увеличения числа вовлеченных в НИР к старшим курсам (с 14 % «занимающихся иногда» на втором курсе до 76 % «постоянно занимающихся научной работой» в аспирантуре).

В ходе исследования были выявлены представления обучающихся о том, какие возможности предоставляет научная деятельность. Был задан вопрос: «*Что, на ваш взгляд, может дать занятие наукой?*»

Линейное распределение ответов показало ярко выраженное преобладание у обучающихся 2 и 3 курсов бакалавриата следующих позиций: «приобрести опыт, знания», «самореализация», в то время как на старших курсах и в аспирантуре респонденты выделяли «сделать вклад в развитие науки» и «самореализоваться». В интервале от 5 до 12 % распределились ответы, указывающие на то, что научная деятельность дает человеку возможность получения стабильного дохода, сделать карьеру, расширения круга общения. В меньшей степени, по мнению респондентов, занятия научно-исследовательской работой способствуют получению должности во властных структурах, отсрочку от армии и возможности обеспечить достойную жизнь (рис. 2).

В результате проведенного анализа были выявлены представления обучающихся, не занимающихся научными исследованиями, о причинах их неучастия в данном виде деятельности.

Ответы на вопрос: «*Укажите причины вашего неучастия в научных исследованиях*» – распределились следующим образом: большая часть респондентов в качестве основной причины указывают

отсутствие времени, интереса. Далее по мере убывания количества упоминаний следуют отсутствие желания, материального стимула, информации о НИР. Весьма незначительная часть ответов отражает такие причины, как отсутствие необходимой материально-технической базы в вузе, морального поощрения (грамот, благодарностей и т.д.), интересных тем и др. Также стоит упомянуть тот факт, что по каким-либо причинам часть магистрантов 1 и 2 курсов просто воздержалась от ответа (рис. 3).

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос среди аспирантов

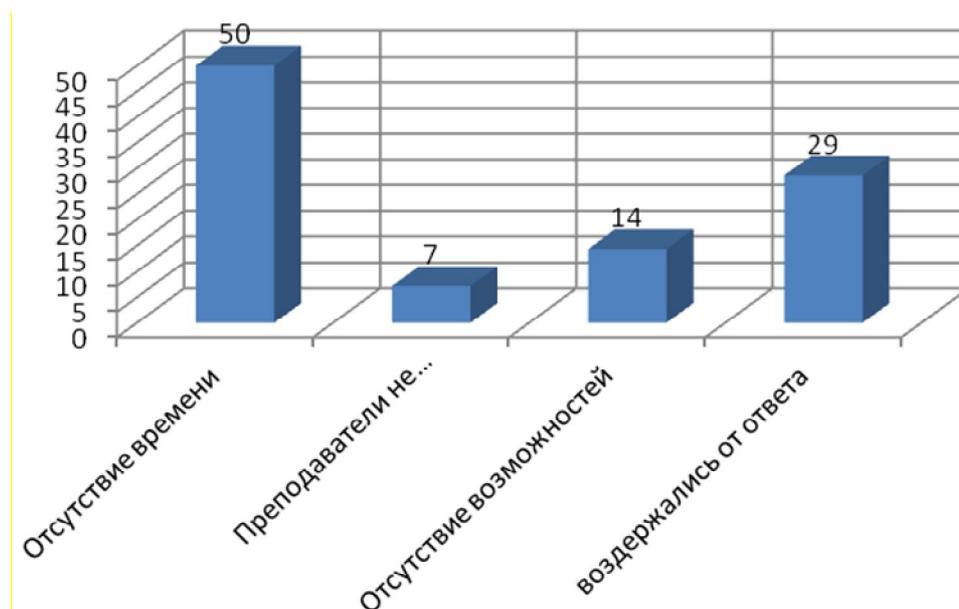

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос среди магистрантов 1 курса

Таким образом, среди наиболее часто встречающихся ответов большая часть связана с субъективными причинами (отсутствие интереса, времени), тогда как основная масса упоминаний свидетельствует о наличии объективных причин отказа от занятий научной работой.

В ходе исследования была также проанализирована роль преподавателей в распространении информации о научных мероприятиях. При ответе на вопрос анкеты «Получаете ли вы информацию от преподавателей о научных мероприятиях?» от 37 до 59 % респондентов на разных курсах обучения отметили, что информацию о различных научных мероприятиях, конкурсах (внутривузовских, межвузовских, общероссийских) «иногда» получают от преподавателей своей или других кафедр; затруднились ответить на данный вопрос от 6 до 18 % респондентов 2, 3 и 4 курсов бакалавриата (рис. 4).

■ да ■ иногда ■ нет ■ затрудняюсь ответить

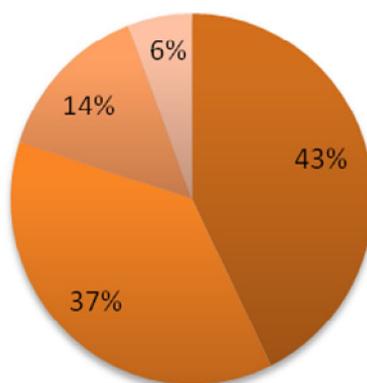

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос среди учащихся 3 курса

Высокий процент ответов «иногда» на вопросы о привлечении к НИР и предоставлении о ней информации указывает на довольно формальное отношение преподавателей к работе с обучающимися, о недостаточной их заинтересованности (в силу разных причин) в развитии научно-исследовательской деятельности обучающихся.

Одной из основных задач исследования являлся анализ условий, созданных в вузе для научно-исследовательской работы.

С целью конкретизации условий, созданных для занятий научными исследованиями, обучающимся был задан вопрос, касающийся их возможностей использовать лаборатории, а также необходимое для исследований оборудование.

Отвечая на вопрос, «Имеете ли доступ при занятии НИР к лабораторному оборудованию», всего от 27 до 50 % опрошенных рассматривают его как полностью доступное для использования; в

пределах от 32 до 61 % обучающихся (на разных курсах) зафиксировали ограниченный к нему доступ, а полностью недоступным его считают 18 % (2-й, 4-й курс бакалавриата и аспиранты). Такие показатели особенно негативно сказываются на занятиях научной деятельностью обучающихся на естественно-научных и технических специальностях, где отсутствие или ограничение доступа к лабораторному оборудованию делают практически невозможным проведение научных исследований (рис. 5).

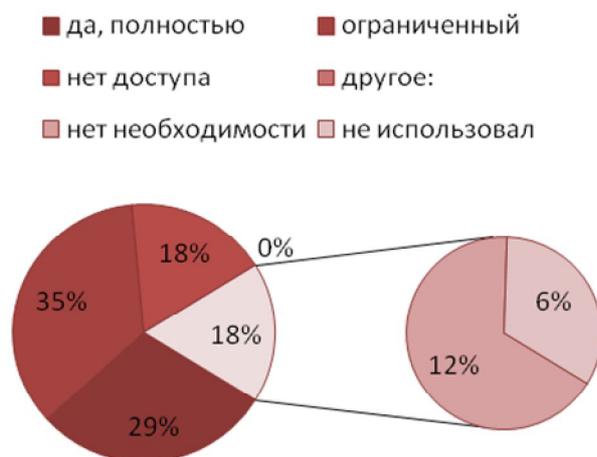

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос среди аспирантов

Между тем, в настоящее время, именно доступность информационно-технического обеспечения является определяющей при проведении научных исследований. Невозможность привлечения современных информационных ресурсов и использования материально-технической базы приведут не только к снижению количества НИР, но и к снижению их качества.

Успешные занятия научной работой предполагают также овладение соответствующими приемами, навыками исследовательской деятельности. В связи с этим в задачи исследования входило выявление того, обучают ли в вузе навыкам проведения научных исследований. Респондентам был задан вопрос: «Обучают ли вас в вузе навыкам проведения научных исследований?». 38 % респондентов на 1 курсе магистратуры, 70 % на 2 курсе магистратуры, а также 76 % аспирантов отмечают, что на занятиях им прививают навыки проведения научных исследований в рамках получаемой специальности. Около половины опрошенных 2, 3, 4-го курсов бакалавриата и 1 курса магистратуры не могут дать утвердительного ответа на рассматриваемый вопрос, что свидетельствует о низком качестве преподавания методики

научного познания и недостаточном внимании со стороны профессорско-преподавательского состава к усвоению обучающимися такого рода умений и навыков (рис. 6).

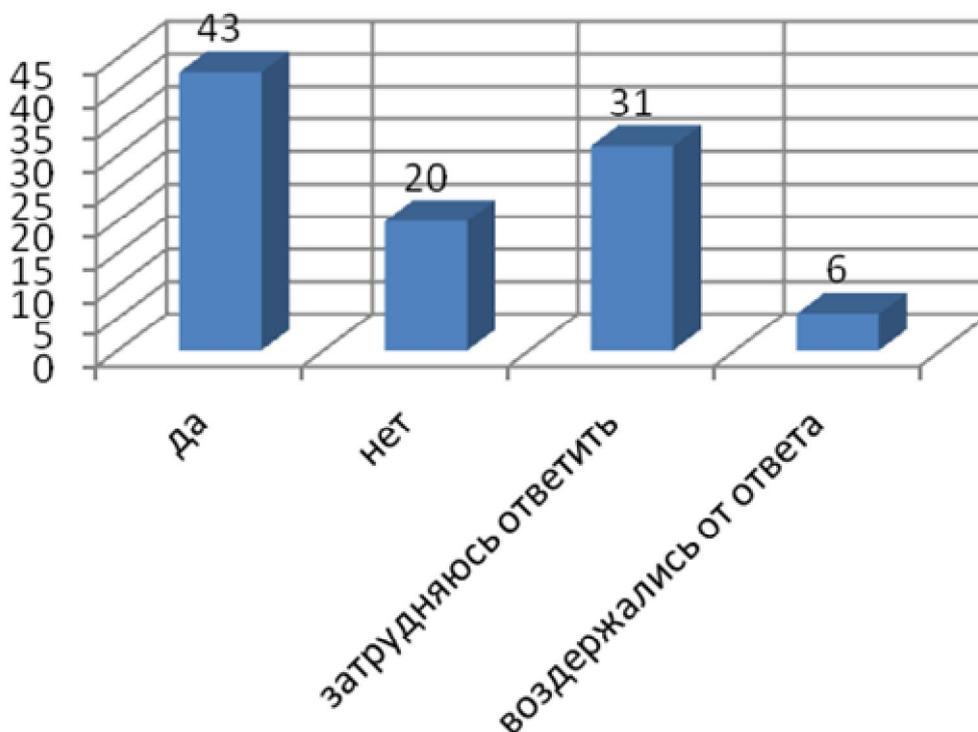

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос среди учащихся 3 курса

Проведенный нами анализ показал, что в целом обучающиеся удовлетворены организацией своей научно-исследовательской работы в вузе и высоко оценивают влияние НИР на формирование их интеллектуально-личностных качеств, в особенности, ту роль, которую НИР играет в развитии интеллектуальных способностей и в освоении учебного материала. Вместе с тем, принимая во внимание недостаточную включенность в НИР (по оценке самих же обучающихся), можно полагать, что они скорее осознают то, что НИР может положительно повлиять на развитие их интеллекта и интеллектуально-познавательные функций; на становление таких личностных качеств, как целенаправленность, целеустремленность, самостоятельность, креативность мышления; на развитие корпоративности, взаимодействия с другими людьми. Предполагается, что по мере большего включения обучающихся в научно-исследовательскую работу с точным определением ее целей и результатов удовлетворенность организацией НИР может возрастать, что будет свидетельствовать о повышении качества организации НИР в вузе.

По результатам проведенного анкетирования и обработки данных опроса респондентов можно выделить и такой положительный фактор: большинство преподавателей УГЛТУ добросовестно и с энтузиазмом относятся к занятиям научной деятельностью, в полной мере являются успешными и состоявшимися как в процессе преподавания, так и в проведении научных исследований. Не стоит забывать и о том, что обучающиеся более свободны в своих идеях и взглядах, у них «глаз новичка», он не «замылен», что позволяет совершать открытия. Они также успешно владеют новыми информационными технологиями; они смелы и иногда склонны к риску. Вполне возможно, это именно то, чего иногда не хватает «умудренному опыту» преподавателю. Совместная научно-исследовательская деятельность обучающихся и преподавателей, несмотря на сложность ее организации, может быть интересной и продуктивной. Преподавателям необходимо об этом помнить.

Нами также были сформулированы рекомендации, основанные на анализе результатов проведенного исследования, целью которого стал поиск путей активизации научно-исследовательской работы в УГЛТУ:

1. Органам и отделам университета, курирующим НИР в УГЛТУ, следует участвовать в организации и проведении собраний информационно-просветительского характера, направленных на информирование обучающихся на темы научно-исследовательской деятельности в вузе.

2. Преподавателям и руководителям научных направлений УГЛТУ следует выявлять одаренных, предрасположенных к занятиям научной деятельностью, начиная с младших курсов бакалавриата, и вести активную работу по их вовлечению в научно-исследовательскую сферу вуза; способствовать развитию у обучающихся аналитических способностей и нестандартного мышления (реферативная работа, научные исследования в рамках лабораторных работ и т.д.).

3. Институты и кафедры УГЛТУ могут и обязаны обеспечивать возможность последовательного (от курса к курсу) развития каждого обучающегося в рамках соответствующего научного направления (научной школы) с целью восполнения и наращивания научного потенциала вуза.

ГРНТИ 14.35.07
УДК 376.3

А.П. Попович
УГЛТУ, Екатеринбург

ПРОБЛЕМАТИКА ПОДГОТОВКИ СОВРЕМЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ТРАДИЦИИ, СОВРЕМЕННОСТЬ, БУДУЩЕЕ

Рассматриваются вопросы профессиональной подготовки специалистов физической культуры. Показана необходимость получения ими не только теоретических и прикладных знаний и умений, но также знаний в сфере здоровьесбережения. Специалисты должны обладать знаниями медико-биологического цикла и владеть специальными коррекционными методиками.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, гармонично развитая личность, физические способности, здоровьесбережение, коррекция отклонений, состояние здоровья.

Проводя даже беглый анализ состояния здоровья жителей нашей планеты, по данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), можно прийти к выводу, что сфера профессиональной подготовки специалистов физической культуры преобразуется и выходит на более высокий уровень знаний, умений и навыков в отличие от традиционного. Совершив экскурс в прошлое (середины XX века), мы видим, что работая с учащимися, преподаватель физической культуры в первую очередь должен был «развивать» различного рода физические способности и качества своих подопечных [1]. Работа общеобразовательной системы государства была направлена на гармоничное развитие своих граждан, подготовку их к профессиональной трудовой деятельности, на решение тех проблем, с которыми мы сталкиваемся сегодня.

По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), только от ишемической болезни сердца в мире ежегодно умирает до 3,5 млн человек, из них 58 % – в возрасте до 55 лет. А число с очень обтекаемой формулировкой «слабовидящий» только в России достигает 7 млн человек [2]. Но слабовидящему человеку приходится не только постоянно посещать офтальмолога, его жизнедеятельность в целом изменена.

В качестве сопутствующих заболеваний в детском возрасте около 40 % населения имеет негрубые нарушения центральной нервной системы, 30 % – соматические проблемы, 80 % – неврозы. Как правило, вторичный побочный эффект для слабовидящих – это низкая

развитость мышечной структуры, в том числе дыхательной, нарушение осанки и искривление позвоночника, деформация стоп, что в целом отрицательно сказывается на их работоспособности [3].

После вышеуказанных примеров приходит понимание того, что профессиональная подготовка специалиста в сфере физической культуры намного шире получения им теоретических и прикладных знаний и умений, связанных с теорией и практикой физической культуры и спорта.

В данной публикации хочется выйти за рамки профессиональной подготовки современного специалиста по физической культуре и спорту. Уверен, обучающийся университета – будущий специалист или руководитель, будущий родитель – должен обладать знаниями в сфере здоровьесбережения.

Учитывая значение сохранения и укрепления здоровья людей, крайне необходимы широкое информационное поле и развитая диагностика отклонений в состоянии здоровья. Именно овладение технологиями коррекций отклонений в человеческом организме повышает степень ответственности и успешность деятельности работников физической культуры и современного человека в целом.

Заболевания, типичные для сегодняшнего дня, можно разделить на следующие группы:

- опорно-двигательного аппарата;
- сердечно-сосудистой, дыхательной, пищеварительной систем;
- центральной нервной системы;
- зрения, слуха, речевые заболевания.

К сожалению, нельзя рассматривать наличие какой-либо проблемы со здоровьем без понимания и прогнозирования того заболевания, которое проявится в будущем, так как одно заболевание влечет за собой другое.

Выбор содержания, форм и методов обучения и воспитания лиц с нарушением зрения должен быть сфокусирован на развитии компенсаторных анализаторов, таких как слуховые и обонятельные. Грамотно подобранные упражнения будут способствовать этому [2].

Филология, знание языка, ораторское искусство имеют большое значение для будущих специалистов и руководителей, менеджеров, в подчинении которых есть работники с отклонениями в состоянии здоровья. Улучшить взаимопонимание с людьми с недостатками здоровья помогают красота речи, чистота речевых функций, живая мимика (с помощью развития мимических мышц, с применением даже ароматизированного инвентаря) [3].

В работе со слабовидящим контингентом большая нагрузка ложится на память, способность к запоминанию, что требует дополнительных и узкоспециализированных физических упражнений на позитивно-эмоциональном фоне. Современный преподаватель физической культуры обязан обладать знаниями медико-биологического цикла, то есть быть компетентным в следующем:

- 1) знать последствия имеющейся проблемы со здоровьем (вторичные отклонения);
- 2) владеть методиками купирования заболевания и улучшения состояния здоровья в процессе занятий;
- 3) формировать и повышать интерес к занятиям;
- 4) развивать компенсаторные функции иных систем человеческого организма;
- 5) развивать пространственно-временную ориентацию на основе физических упражнений,
- 6) посредством физических упражнений способствовать развитию коммуникативных и коммуникабельных качеств;
- 7) проводить любые занятия с соблюдением санитарно-гигиенических норм и требований норм безопасности;
- 8) использовать инвентарь, способствующий развитию иных физических качеств и функций организма;
- 9) владеть четкой речью, тембром голоса в соответствии с упражнениями, последовательностью их выполнения, качеством выполненного задания;
- 10) создавать во время занятий атмосферу позитива, творчества.

При этом никто не отменял такого требования к воспитателю и учителю, как глубина профессиональных знаний, умение продемонстрировать и методически грамотно объяснить задание с применением современных мультимедийных технологий, а также наличие у педагога морально-этических норм и принципов.

Наряду с глубокими знаниями специфической и профессиональной сферы компетенции современные педагоги сегодня выходят за рамки функциональных обязанностей.

Мир меняется, человек идет по пути прагматичности и практицизма, но почему-то все больше мы возвращаемся к наследию великих педагогов-новаторов периода XIX–XX вв., таких как К.Д. Ушинский. Почему же в России стали отходить от постулатов и сущности процесса обучения, заложенных Ушинским в таких его работах, как учебники «Родное слово» и «Детский мир», его психологическом трактате «Человек как предмет воспитания»?

Учение его базируется на сохранении национальной культуры с учетом своей ментальности, изучении, воспитании, образовании на своем родном языке. Это и есть духовно-патриотическое воспитание, государственная политика страны и сохранение народностей, проживающих на территории России. В период социалистического развития патриотическое воспитание являлось основополагающим фактором советской педагогики. Когда начинается поиск идеологии, духовности, заимствование иных педагогических систем, попытки их слияния вызывают недоумение и внутренний протест всей педагогической общественности. На этом широком педагогическом поле в деле подготовки специалистов высокого уровня, настоящих патриотов своего народа большую роль должны играть представители культурной сферы, включая преподавателей физической культуры и спорта, преподаватели-новаторы, преподаватели-идеологи, преподаватели-профессионалы.

Именно таковым мне представляется специалист и уровень его компетенции, позволяющий воспитывать и готовить выпускников не только вузов, но и современных молодых людей, преодолевающих трудности на пути к счастливой жизни и миру на нашей планете.

Библиографический список

1. Евсеев Ю.И. Физическая культура / Ю.И. Евсеев. – Изд. 5-е. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2008.
2. Балашова В.Ф. Компетентность специалиста по адаптивной физической культуре: монография / В.Ф. Балашова. – М.: Физическая культура, 2008.
3. Самсонова А.В. Гипертрофия скелетных мышц человека: монография / А.В. Самсонова. – СПб, 2012.

ГРНТИ 14.35.07
УДК 371.7

О.Ю. Малозёмов
УГЛТУ, Екатеринбург

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ВАЛЕОУСТАНОВОК УЧАЩИХСЯ

Рассмотрены результаты социологического исследования в сфере здорового образа жизни; опрос прошли различные категории учащейся молодежи.

Показаны отличия некоторых компонентов валеоустановок (в зависимости от степени включённости учащихся в физкультурно-спортивную деятельность). Отмечены различия в ответах девушек и молодых людей. Выявлена ориентация на дефицитарный тип валеоустановки, констатируется, что физкультурно-спортивная деятельность является одним из важных факторов, мотивирующих молодёжь к здоровьесохранной самодостаточности.

Ключевые слова: валеоустановка, двигательная деятельность, социокультурное оздоровление.

На сегодняшний день проблема несформированности у молодёжи потребности в здоровом образе жизни (ЗОЖ), сохранении и укреплении потенциала индивидуального здоровья видится в том, что многие социокультурные компоненты жизни существенно изменились. Способы социального выживания в современном обществе приводят к потере у многих молодых людей стимулов к поддержанию здоровья за счёт собственных личностных ресурсов. В обществе, судя по многочисленным публикациям, наблюдается не только дефицит здоровых людей, но и дефицитарность по отношению к самой установке быть здоровым.

Валеоустановки – это группа феноменов, обеспечивающих регуляцию здоровья на индивидуально-личностном уровне. Структурной характеристикой валеоустановок являются три взаимосвязанных составляющих, относящихся к когнитивной, эмоционально-оценочной и поведенческой сферам личности. Структура валеоустановки аналогична структуре социальной установки: она не только трёхкомпонентна, но и биполярна, так как включает два аспекта – установку по отношению к здоровью и болезни.

Связующим звеном образования и здоровья является культура, а в базовое понятие «гармонично и всесторонне развитая личность» всё чаще включается личность здоровая, ориентированная на здоровье [1]. Культура здоровья как важнейшая составляющая общей человеческой культуры – одна из основных форм освоения человеком внешней и внутренней природы, способ создания гармонии своего существования в самом широком смысле [2]. Исходя из структуры личности по К.К. Платонову [3], можно выделить следующие *компоненты культуры здоровья личности*:

1) когнитивный компонент представляет собой целостную практико-ориентированную систему валеологических знаний и умений физического и психического саморазвития, совокупность норм и ценностей, обеспечивающих представление о роли и месте культуры здоровья в системе общественных отношений;

2) мотивационно-личностный компонент включает в себя развитие потребности в повышении уровня здоровья, мотивов здорового стиля жизни, совершенствование свойств и качеств личности, обеспечивающих процесс саморазвития, самовоспитания, самосовершенствования;

3) деятельностный компонент обеспечивает достижение определённого уровня здоровья через личностно значимый и индивидуально ориентированный ЗОЖ.

Поскольку категория здоровья полярная (от полного, абсолютного здоровья до полного нездоровья, болезни), то и культура здоровья, валеоустановка, по нашему мнению, может дифференцироваться от наивысшей до самой низкой. Более того, один и тот же человек (особенно молодой) в различных ситуациях склонен проявлять и различную степень культуры здоровья. Не всегда ситуативно, «тактически» можно отказаться от достижения близких значимых целей, даже если они и противоречат сохранению здоровья, то есть биполярность в категории «культура здоровья» также присутствует.

Таким образом, можно считать, что культура здоровья личности семантически близка валеоустановке, поскольку характеризуется теми же атрибутами: жизненными позициями человека (наличием позитивных целей и ценностей); грамотным отношением к своему здоровью, природе и обществу; организацией ЗОЖ, позволяющего активно регулировать состояние человека с учётом индивидуальных особенностей и уровня здоровья, реализовывать программы самосохранения, самореализации, саморазвития, приводящие к гармонизации компонентов здоровья и целостному развитию личности.

У детей младшего школьного возраста выделены следующие четыре (разумеется, условно) типа первичных валеоустановок: самодостаточный (ресурсный), поддерживающий, дефицитарный и манипулятивный. В нашем случае для анализа валеоустановок старших школьников и обучающихся вузов наиболее целесообразен дихотомный подход, предполагающий выделение ресурсного и дефицитарного типов валеоустановок.

В данном исследовании валеоустановок приняли участие следующие категории учащейся молодёжи (старшие школьники и обучающиеся вузов):

1) имеющие прямое отношение к физкультурно-спортивной деятельности (училище олимпийского резерва (УОР), Институт физической культуры (ИФК УрГПУ), Институт государственной противопожарной службы (УрИ ГПС);

2) не связанные профессионально с физкультурно-спортивной деятельностью (Институт педагогики и психологии детства Уральского госпедуниверситета (ИППД УрГПУ), гимназия № 40);

3) старшие школьники двух сменных (вечерних) общеобразовательных школ, где занятия по физической культуре не предусмотрены учебным планом. Особенно акцентируем внимание на категорию учащихся сменных школ в плане их предрасположенности к различным поведенческим девиациям. Многие из них имеют судимости и находятся на специальном учёте. У них также наблюдаются различия со старшими школьниками массовой школы в тревожной сфере [4]. Для них в целом характерна не школьная тревожность, а самооценочная и межличностная, важнейшей психологической причиной которых является устойчивый внутриличностный конфликт.

Основу данного анкетирования составили вопросы, касающиеся отношения и понимания учащимися категории «здоровый образ жизни». Учащиеся ранжировали представленные в анкете варианты ответов на вопросы.

Первый вопрос анкеты – *«С чем больше всего вы связываете понятие здорового образа жизни (ЗОЖ)?»* Судя по обобщённым результатам, на понятийном уровне существенных различий в восприятии ЗОЖ у учащихся не наблюдается. Основу ЗОЖ, по их мнению, составляют:

- 1) занятия спортом и физической культурой;
- 2) отсутствие вредных для здоровья привычек;
- 3) правильное, сбалансированное питание.

«Общение с природой», «закаливание природными факторами» занимает промежуточное положение в системе ЗОЖ. В этом, по-видимому, сказывается воздействие на учащихся общекультурных стереотипов здоровьесбережения и то, что все исследованные выборки являются живущими в сугубо городских условиях, продуцирующих «вредные» привычки.

«Обращение за помощью к медицине» даже по вопросам консультирования о ЗОЖ и такой поведенческий феномен, как дружелюбие, миролюбие находят меньше всего сторонников среди учащихся. По-видимому, медицина более связывается учащимися с больными людьми, с лечением заболеваний, нежели со здоровым времяпрепровождением. Здесь, возможно, «работает» стереотип: врач для больного человека, пациента, а здоровый не нуждается в больницах, врачах.

Учащимися, таким образом, чётко определена сфера взаимовлияния – ЗОЖ зависит в основном от повседневных привычек,

повышающих потенциал здоровья. Таким образом, в данном вопросе учащиеся приближаются к полюсу самодостаточности в собственных валеоустановках.

Во втором вопросе («*Какие факторы, по вашему мнению, больше всего способствуют ведению ЗОЖ?*») заложено получение информации о наиболее приемлемых и востребуемых учащимися воспитательных воздействий, формирующих самодостаточность их валеоустановок. По данному вопросу наблюдается значительные различия во мнениях.

У спортивно ориентированных категорий учащихся и учащихся вечерних школ определяющим фактором, способствующим ведению ЗОЖ, явилось отсутствие проблем со здоровьем. У обучающихся ИППД УрГПУ этот ответ лишь на седьмом по значимости месте, у учащихся гимназии – на третьем. Такое разделение во взглядах произошло, по-видимому, в результате того, что те учащиеся, кто более категоричен в идентификации ЗОЖ со спортом, с двигательной деятельностью, связывают осуществление данного образа жизни с уже имеющимися предпосылками, возможностями людей. Те же категории, кто не настроен на физкультурно-спортивную сторону обеспечения здоровья, не связывают столь однозначно факторы, способствующие ведению ЗОЖ, с изначальным уровнем здоровья. Так, у обучающихся молодых людей ИППД УрГПУ и учащихся гимназии мотив «быть сильным, красивым, молодым» превалирует, а у обучающихся девушек добавляется ещё и такой мотив, как «желание долго жить».

Учебные занятия по физической культуре как фактор, способствующий ведению ЗОЖ, наиболее характерен для спортивно ориентированных категорий и учащихся сменных школ (у которых, напомним, в учебном плане нет уроков физической культуры).

«Самовоспитание» как элемент стимулирования ЗОЖ характерно для всех категорий, кроме девиантных учащихся (7-й ранг у юношей, 10-й у девушек). Формирование себя через самовоспитание у таких учащихся, по-видимому, находится на низком уровне, возможно также отставание и недооценка конативно-волевой сферы в целом.

«Пример родителей, семьи» как фактор стимулирования ЗОЖ занимает среднее положение в данной ценностной иерархии (4–8 места значимости), кроме обучающихся дошкольного факультета УрГПУ (третье место). Особенности образовательного процесса у них (в аспекте профессиональной направленности), по-видимому, накладывают отпечаток на когнитивную составляющую в данном вопросе

(значимую роль семьи и родителей на формирование установок у детей обучающейся дошкольного факультета воспроизводят и в нашем случае).

К влиянию материального фактора на осознание проблем ЗОЖ учащиеся в целом относятся индифферентно, за исключением юношей сменных школ, у которых этот фактор на третьем (!) месте.

Наименее значимыми факторами, способствующими ведению ЗОЖ у всех учащихся, явились: «пропаганда в СМИ», «хорошее образование», «медицинское консультирование» (у юношей) и «материальная обеспеченность» (у девушек).

Наибольшие гендерные различия в выборах учащихся наблюдаются в следующем. Для юношей по данному вопросу в целом более значимы «материальная обеспеченность», «пример друзей, своя компания». Девушки явные приоритеты отдают «консультированию, советам врачей» и «желанию долго жить».

Третьим вопросом анкеты (*«Какие факторы, по вашему мнению, более всего осложняют ведение ЗОЖ?»*) мы хотели дополнить сведения, полученные в ответах на второй вопрос. Наиболее значимыми причинами, препятствующими ведению ЗОЖ, в целом по выборке можно считать следующие: «усталость на работе, учёбе», «трудности в преодолении лени», «нехватка свободного времени» и «сложность в выдерживании регулярности, режима». Нетрудно заметить, что все доминирующие причины носят социально-психологический характер. Отсутствие времени для себя является одним из существенных факторов, приводящих к невротизации личности. Наличие свободного времени – одна из важнейших предпосылок развития человека, созидания человеком самого себя. Поэтому на данный фактор, на рационализацию жизнедеятельности учащихся следует обратить особое внимание.

У спортивно ориентированных категорий учащихся фактор усталости, занятости на учёбе, работе является доминирующим, у остальных категорий перевешивают трудности в преодолении лени, ограничении себя. В этом отличии, по нашему мнению, проявляются особенности мотивационно-потребностной сферы учащихся относительно их включённости в двигательную деятельность. Имеются данные, что обучающихся, состояние здоровья которых требует бóльших затрат времени на коррекцию, прилагают для этого меньше усилий, так как у них не сформирована потребность в этой сфере деятельности. У спортсменов эта потребность развита лучше и затраты времени на реализацию спортивной деятельности выше.

Достаточно спокойно учащиеся относятся к «отсутствию поддержки, компании», «другим интересным делам в жизни», «отсутствию денег на оздоровительные мероприятия». Они попадают в число менее значимых причин. Наименьшую же значимость в вопросе ведения учащимися ЗОЖ, имеет застенчивость, возможность показаться неадекватным в своих физкультурно-оздоровительных предпочтениях. В целом, каких-либо существенных гендерных отличий в ответах на данный вопрос не наблюдается.

Таким образом, видно, что основные препятствия к ведению ЗОЖ носят как субъективный, так и объективный характер и относятся к сфере планирования времени, расстановке жизненных приоритетов. Однако дефицитарность валеоустановок по данному вопросу в суждениях учащихся всё же просматривается.

Четвёртый вопрос (*«Что, по вашему мнению, необходимо сделать, чтобы человек начал вести ЗОЖ?»*) ориентирован на уточнение позиций учащихся относительно ЗОЖ не только в когнитивной сфере, но и в мотивационно-деятельностной. Выяснение этих мнений учащихся важно, поскольку без внедрения в сознание общества мысли о необходимости повседневной физкультурной деятельности в оздоровительном аспекте мало что изменится. Осознать эту необходимость можно только в том случае, если человек чётко будет уверен, что от этого зависит его здоровье сегодня, а в недалёком будущем – карьера, материальное положение, возможно, и судьба в целом.

В нашем случае варианты ответов представляют достаточно широкий диапазон мнений, в том числе и противоречащих друг другу, но по обобщённым результатам гендерных различий по вопросу мотивации ЗОЖ у учащихся не наблюдается. Наиболее действенными мероприятиями со стороны общества учащиеся считают «усиление обучению ЗОЖ в школе, вузе» и «усиление семейного воспитания в стиле ЗОЖ». Однако относительно семейного воспитания мнения учащихся сменных школ несколько иное (особенно у юношей). Вполне возможно, что на базе собственного жизненного опыта они не видят в семейном воспитании реальной способности по вовлечению в здоровьесформирующую среду.

По мнению учащихся, мотивационно значимы также мероприятия, связанные с такими социальными воздействиями, как рекламирование ЗОЖ в СМИ, улучшение материального положения и материальное поощрение людей, ведущих ЗОЖ.

Для современной российской действительности повышение уровня жизни населения – проблема актуальная и напрямую входящая

в категорию «образ жизни». Реализация здоровьесобразных массмедиа-проектов также не вызывает каких-либо возражений, особенно на фоне многочисленных рекламируемых (ориентированных в основном на молодёжь) здоровьезатратных форм поведения и деятельности. Поощрение же (в том числе и материальное) здоровьесохранных форм и способов жизнедеятельности в современном обществе, имеющем явную прагматическую направленность, также, по мнению учащихся, должно обладать реальной способностью, мотивирующей к самостоятельной здоровьесберегающей деятельности. Это факторы, усиливающие внешнюю мотивацию ЗОЖ.

Факторы, выступающие незначимыми, можно условно считать отвергаемыми учащимися на эмоциональном и рациональном уровнях. Таковыми оказались: «ухудшение материального положения и возможность заболеть» (самые отвергаемые), а также «дифференциация при приёме на работу, учёбу по принципу активности проведения самооздоровительных мероприятий».

Если сопоставить ответы на второй и четвёртый вопросы, то сразу же отмечается несколько противоречивый характер ответов. С одной стороны, по мнению учащихся, материальное положение, СМИ и влияние семьи на ведение ЗОЖ не оказывают значимого влияния (второй вопрос), с другой стороны, наблюдается усиление значимости этих же факторов в четвёртом вопросе. Это, возможно, говорит о *несформированности адекватных валеоустановок* учащихся, их противоречивый, несбалансированный характер.

Анализируя ответы на пятый вопрос («*Что, по вашему мнению, важнее для здоровья?*»), мы желали соотнести существующую концепцию факторной зависимости здоровья человека с восприятием значимости данных факторов учащимися. Согласно данной модели индивидуальное здоровье в среднем зависит: в 50–55 % от образа жизни, в 20–25 % от генетики, в 18–20 % приходится на экологическую обстановку и 8–10 % – на медицинскую помощь. Фактически наше исследование лишний раз подтвердило такое распределение факторов, только уже на уровне восприятия здоровья учащимися. Так, на первом месте в выборах учащихся присутствует «ведение ЗОЖ, постоянная работа над собой», 2 и 3 места заняли ответы «здоровье от природы» и «жизнь на природе, в хорошей экологической обстановке», а на последнем месте оказался фактор «пользование всеми достижениями медицины». Однако мнение учащихся вечерних школ резко контрастирует с ответами других категорий. Так, юноши этих школ собственный поведенческий аспект в здоровьесохранении ставят на

последнее (!) место, девушки – на третье (предпоследнее) место по значимости. Это говорит о том, что валеоустановки данной категории учащихся имеют максимальное отклонение в сторону их дефицитарности, игнорирования собственных усилий в сохранении здоровья, наибольший потребительский подход к проблеме здоровьесбережения.

Если сравнить категории спортивно-ориентированных учащихся и остальных, то снова просматривается роль двигательной деятельности в формировании валеоустановок ресурсного типа. Так, у большинства спортивно-ориентированных учащихся фактор «иметь здоровье от природы» стоит на третьем месте, после «хорошей экологической обстановки». Остальные категории учащихся, наоборот, придают большее значение генетическому фактору. Это фактически означает, что они ощущают бóльшую степень зависимости, неизбежности их собственного здоровья от генетического фактора, который невозможно изменить – родителей не выбирают, а поменять место жительства, регион, климатическую зону в соответствие со своим самочувствием, предрасположенности к заболеваниям можно. По нашему мнению, усиленное внимание спортивно-ориентированных учащихся к двигательной деятельности приводит их к лучшему пониманию своего соматического состояния, а главное, что *ставит его улучшение в бóльшую зависимость от собственных усилий*.

Шестой вопрос («*Каких людей, по вашему мнению, больше?*») позволял оценить (по восприятию учащихся) структуру общества с позиций ведения ЗОЖ, отношения к оздоровлению. Все категории учащихся едины во мнении, что людей, ведущих ЗОЖ, мало (!), а людей, ведущих нездоровую жизнь, имеющих вредные привычки, много. В данном факте мы усматриваем *слабую педагогическую валеологизирующую роль современного общества*, в котором, собственно, и происходит социализация молодёжи, усвоение жизненных норм, поведенческих стереотипов.

Возникает закономерный вопрос: каким образом современное общество, которое, по мнениям учащихся, ориентировано на здоровьезатратные формы поведения, может воспроизвести здоровых личностей, если современный социокультурный эталон здоровья в основном приближен к адаптационному его варианту. Ответов может быть как минимум два. В одном случае общество должно измениться в лучшую (с позиций здоровьесбережения) сторону, и тогда трансляция социального опыта (социализация) молодёжи будет проходить в соответствии с повышением потенциала здоровья. Второй возможный

вариант – должно что-то измениться в социокультурном эталоне здоровья (например, таковой может приблизиться к варианту антропоцентрическому или античному, в которых личность имеет бóльшую социальную независимость индивидуального выбора бытия в мире. Однако эталонные основания изменяются медленно, зависят от многочисленных факторов (не всегда предсказуемых и подлежащих учёту). Для некоторых молодых людей возможен, конечно, ещё и третий путь – не трансляции, а трансформации сложившегося в целом в обществе индифферентного отношения к ЗОЖ. Однако надежды на «молодёжный бунт», «революцию» относительно качественного улучшения самосохранительного поведения общества представляются весьма слабыми со многих позиций.

По нашему мнению, гораздо эффективнее создавать средствами образования среду, в которой будет происходить личностный рост учащегося, а последний будет связываться учащимся со спортивной, физкультурно-оздоровительной деятельностью. Такие социальные эксперименты апробируются. Более того, в настоящее время уже известны высокие наукоёмкие технологии стимулируемого развития физического потенциала человека, отработанные в спорте. Их эффективность значительно превосходит результативность традиционного школьного физического воспитания.

На седьмой вопрос («*Способствует ли ваша работа, учёба ведению ЗОЖ?*») спортивно ориентированные категории учащихся отвечают положительно, в отличие от других категорий обследованных. У «неспортивных» категорий учащихся учебная деятельность не влияет или препятствует ведению ЗОЖ. Данный факт отражает сложившиеся тенденции в образовательной сфере. Интересно, что учащиеся сменных школ, где нет занятий по физической культуре, индифферентно относятся к этим занятиям и чаще выбирают вариант ответа «не влияет на ЗОЖ». Проанализировав ответы на данный и предыдущий вопросы, убеждаемся в том, что: 1) одним из результатов физкультурно-спортивной деятельности является бóльшая сформированность валеонаправленности личности учащегося (независимо от половой принадлежности) и 2) спортизация школьной физкультурной деятельности социально и психологически обоснована.

Восьмой вопрос анкеты («*Кто более, по вашему мнению, придерживается принципов ЗОЖ?*») позволял выяснить половозрастные особенности в отношении к ЗОЖ. В ответах наблюдается ярко выраженная гендерная специфика: девушки говорят, что вести ЗОЖ более склонны женщины, юноши выбирают мужчин. У обучающихся девочек дошкольного факультета (будущих методистов и руководителей

ДОУ!) и юношей сменных школ мнение о молодёжи в данном вопросе самое критическое – молодёжь наименее ориентирована на ЗОЖ. Девушки в целом также более критичны в отношении здоровьесберегающих тенденций у молодёжи и считают, что старшее поколение больше ориентировано на ЗОЖ. Обучающиеся ИФК и курсанты УрИ ГПС отдают предпочтение в данном вопросе, наоборот, молодёжи. По-видимому, и в этом проявляется специфика общения в референтных группах, имеющих/не имеющих отношение к спортивной деятельности.

По девятому вопросу («Трудно ли придерживаться принципов ЗОЖ?») все категории учащихся единодушно (!) говорят, что нетрудно. Это положительный и оптимистичный факт. Однако наибольшее количество придерживающихся этого мнения находится среди спортивно ориентированных учащихся. Наибольшие затруднения с ответом на этот вопрос у учащихся сменных школ, то есть они не вполне уверены относительно простоты здоровьесберегающего поведения, имеют меньший опыт и менее сформированное самостоятельное отношение к данной проблеме.

Десятый вопрос был: «Что важнее, по вашему мнению, в реальной жизни?». В гендерном аспекте имеются отличия в ответах: ценность физического здоровья у девушек в целом ниже (2–3-й ранг значимости), чем у юношей (1-й ранг). У спортивно ориентированных категорий учащихся физическое и психическое здоровье на первых местах. Учащиеся, склонные к поведенческим девиациям, физически и социально ориентированы в плане здоровьесформирования. Отметим, что нравственный компонент здоровья у всех категорий учащихся занимает в данной иерархии последние места. Данный факт лишним раз подтверждает результаты аналогичных исследований восприятия молодёжью феномена здоровья.

Наконец, по ответам на одиннадцатый вопрос («Что больше влияет на ваше ощущение благополучия в жизни?») ранжирование показало следующее. Физическое благополучие наиболее значимо для всех «физкультурно-спортивных» категорий учащихся. Материально ориентированы (случайно ли это?) учащиеся со склонностью к девиациям. Духовному благополучию практически все категории учащихся отводят наименьшую значимость. Совмещая ответы на данный и предыдущий вопрос можно констатировать, что нравственный и духовный компоненты здоровья и жизнедеятельности слабее всего отражены в представлениях учащейся молодёжи. Ориентирами являются материальное, социальное и физическое благополучие. Однако без духовно-нравственного компонента (или его слабости) жизнь любого

человека невозможно признать полноценной, а общество, бóльшую часть которого составляют люди с утилитарно-прагматической направленностью, не может быть надолго востребовано современным человечеством. Это сродни однонаправленной акцентированной активности, снижающей саногенный потенциал человека и являющейся патогенным фактором. История цивилизаций, их динамика и взаимодействие говорят об обратном. Наиболее долговечны миролюбивые, творчески развивающиеся человеческие сообщества.

Обобщённый вывод проделанного исследования в рамках рассматриваемых проблем сформулируем следующим образом. Ответы учащихся на поставленные вопросы по проблеме ЗОЖ более ориентированы на дефицитарный тип валеоустановок. Тем не менее, специфика организованной и усиленной физкультурно-спортивной деятельности влияет положительным образом на гармоничность восприятия учащимися принципов ЗОЖ. Иными словами, учащиеся, активнее включённые в образовательном процессе в данную деятельность, имеют более сбалансированные, гармоничные взгляды на проблемы сохранения здоровья в когнитивной, эмоциональной и поведенческой сферах. В их валеоустановках меньше противоречий, они более ориентированы на собственные усилия в вопросах здоровьесбережения.

Таким образом, сама *физкультурно-спортивная деятельность в молодёжной среде является одним из важных факторов, формирующих валеоустановки ресурсного типа, мотивирующих к здоровьесохранной самодостаточности учащихся.* Следовательно, системе образования, государству и обществу при воспитании личности учащихся «выгодна» бóльшая ориентированность на активное привлечение средств физической культуры.

Библиографический список

1. Шилова Л.С. Трансформация самосохранительного поведения / Л.С. Шилова // Социологические исследования. – 1999. – № 5.
2. Пономарёв Н.И. Социальные функции физической культуры и спорта / Н.И. Пономарёв. – М.: ФиС, 1974.
3. Реан А.А. Психология личности. Социализация, поведение, общение / А.А. Реан. – СПб: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004.
4. Клепач Ю.В. Психологическая природа и психокоррекция тревожности у старшеклассников: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Ю.В. Клепач. – М., 2002.

ГРНТИ 15.41.39
УДК 159.9 + 378

А.Е. Осипенко
И.А. Петрикеева
УГЛТУ, Екатеринбург

СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ УЧАСТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА УГЛТУ

На основе опросника К. Томаса «Определение способов регулирования конфликтов» проведен анализ стратегий поведения в педагогических конфликтах обучающихся и преподавателей УГЛТУ. Выявлено, что наиболее частыми стратегиями выхода из педагогических конфликтов являются компромисс, избегание и приспособление. У бакалавров, магистрантов и аспирантов преобладающей стратегией поведения является избегание, у преподавателей со стажем работы менее 20 лет – приспособление, а у преподавателей со стажем работы более 20 лет – компромисс. При этом стратегия избегания характерна в большей степени для обучающихся и преподавателей женского пола. На основании проведенного исследования составлены рекомендации по предотвращению и разрешению педагогических конфликтов в УГЛТУ.

Ключевые слова: педагогический конфликт, стратегии поведения в конфликте, образовательный процесс, бакалавры, магистранты, аспиранты, преподаватели, избегание, приспособление, компромисс, соперничество, сотрудничество.

Современная наука рассматривает конфликты как неизбежное явление общественной жизни, вытекающее из свойств человеческой природы. Конфликты свойственны всем областям жизнедеятельности человека, включая педагогический процесс.

Современная конфликтологическая парадигма ориентирует массовое сознание людей на понимание неизбежности конфликтов в различных сферах человеческой деятельности. Однако слабая конфликтологическая подготовка педагогов и руководителей образовательных организаций, неумение на практике управлять конфликтами, находить оптимальные способы их предупреждения и разрешения, как правило, негативно сказываются на организации образовательного процесса.

Целью проведенного в УГЛТУ исследования был анализ стратегий поведения обучающихся и преподавателей УГЛТУ в педагогических конфликтах, разработка на этой основе рекомендаций по разрешению и преодолению педагогических конфликтов.

В основе исследования – результаты тестирования по методике Кеннета Томаса «Определение способов регулирования конфликтов» [1].

В исследовании приняли участие 25 преподавателей и 40 обучающихся УГЛТУ различного возраста и пола, в том числе: преподаватели со стажем работы до 20 лет – 12 чел.; преподаватели со стажем работы более 20 лет – 13 чел.; магистранты и аспиранты – 22 чел.; бакалавры – 18 чел.

По итогам тестирования проводилась интерпретация индивидуальных профилей. Для этого сначала определяются стратегии, расположенные на высоком уровне. Они являются доминирующими и, как правило, применяются первыми, без учета адекватности возникшей ситуации. После этого определяются стратегии, расположенные на среднем уровне. Они применяются после доминирующих, если те оказываются мало результативными. Средне выраженные стратегии в большей степени адекватны ситуации, нежели доминирующие или отвергаемые. Выбор стратегии такого рода зависит от степени значимости проблемы для человека. Затем определяются стратегии, расположенные на нижнем уровне. Данными стратегиями обычно пренебрегают и практически не применяют в конфликтах [2, 3].

Наиболее оптимальной стратегией в конфликте считается сотрудничество [4, 5], или сочетание всех пяти стратегий, каждая из которых имеет значение в интервале от 5 до 7 баллов [6, 7].

На рисунке 1 отображено распределение баллов, набранных исследуемыми группами, по тесту К. Томаса.

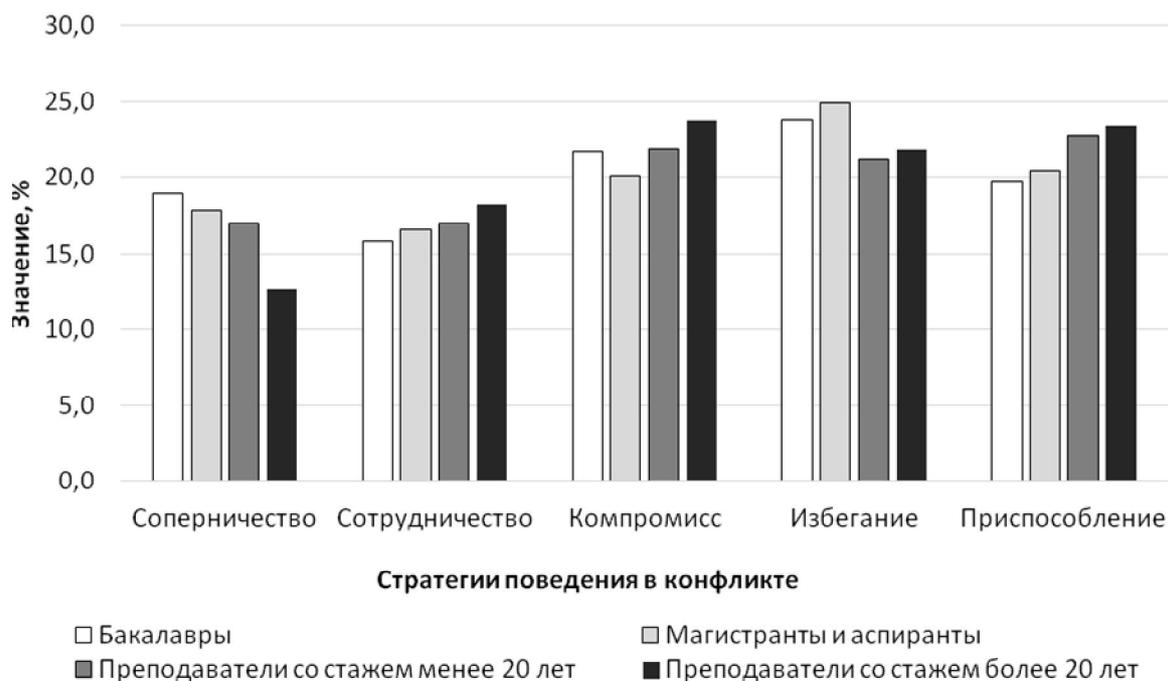

Рис. 1. Распределение баллов по опроснику К. Томаса, набранных каждой исследуемой группой, в %

Данный график отражает общие тенденции поведения участников образовательного процесса в УГЛТУ. Наименьшее количество баллов во всех четырех исследуемых группах набрано в стратегиях поведения *соперничество* и *сотрудничество*, то есть в тех стратегиях, которые ориентированы на активную защиту своих интересов. Примечательно, что отстаивание своих интересов в форме соперничества наиболее характерно для бакалавров, но с увеличением уровня образования и жизненного опыта эта стратегия поведения применяется все реже.

Совершенно противоположная тенденция наблюдается в динамике *сотрудничества* (самой продуктивной стратегии поведения) и *приспособления*. С увеличением уровня образования и накоплением педагогического опыта данные стратегии поведения встречаются все чаще. По стратегиям поведения *компромисс* и *избегание* четкую зависимость проследить сложно.

Если произвести выборку преобладающих стратегий поведения, устанавливаемых для каждого опрошенного по максимальному значению его графического профиля, можно проследить, какие стратегии поведения применяются участниками образовательного процесса УГЛТУ в первую очередь (рис. 2).

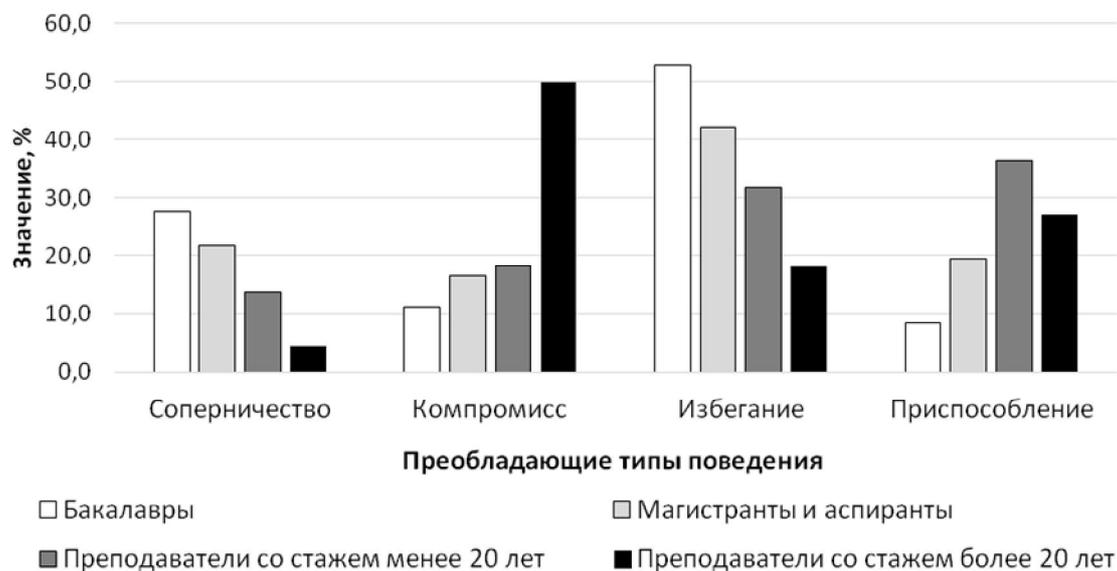

Рис. 2. Преобладающие стратегии поведения преподавателей и обучающихся, в %

На рисунке 2, как и в предыдущем графике, сохраняется динамика к уменьшению доли соперничества при повышении уровня образования и накоплении опыта преподавания.

Такая стратегия поведения, как сотрудничество, на графике отсутствует, так как данная стратегия поведения ни у одного из опрошенных не является преобладающей. Вероятно, причиной этого является высокая трудозатратность данной стратегии, ведь чтобы разработать схему разрешения конфликта, которая принесет пользу обеим сторонам, необходимо потратить время, изучить возможности обеих сторон и т.д. Это значительно сложнее, чем договориться об уступках, или, например, попытаться избежать решения вопроса.

Применение стратегии *компромисса* у преподавателей со стажем работы более 20 лет более чем в 2 раза превышает этот же показатель у трех других исследуемых групп. Наименее часто компромисс стараются найти бакалавры. Для последних, как и для магистрантов и аспирантов, более характерно *избегание* конфликтов. С ростом уровня образования и накоплением педагогического опыта участники образовательного процесса начинают реже избегать спорных вопросов.

Для преподавателей с опытом работы менее 20 лет *приспособление* – наиболее частая стратегия поведения. У более опытных преподавателей эта стратегия применяется реже. Возможно, это объясняется тем, что последние чаще находятся на руководящих должностях, а молодые преподаватели находятся у них в подчинении и вынуждены уступать в конфликтах. Для бакалавров приспособление наименее характерно в сравнении с другими исследуемыми группами.

На рисунке 3 отображено распределение общего количества баллов теста К. Томаса по гендерному признаку.

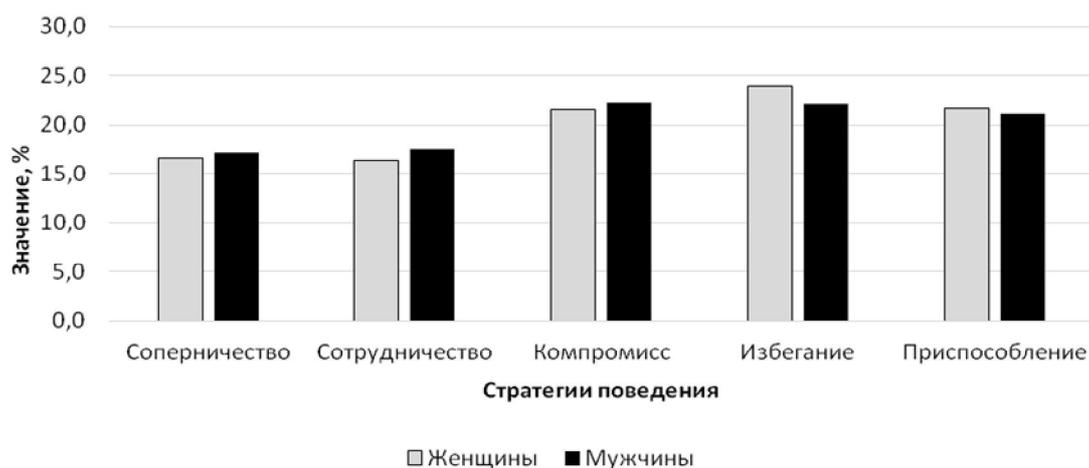

Рис. 3. Распределение набранных баллов по опроснику К. Томаса мужчинами и женщинами, в %

Потенциальный уровень применения стратегии поведения *избегание* характерен для женщин, а для мужчин – *компромисс* и *избегание*.

По сравнению с женщинами, мужчины более склонны к *соперничеству* и *сотрудничеству*, то есть к стратегиям поведения, основанным на отстаивании своих интересов. В то время как женщины чаще чем мужчины склонны к *избеганию*. Похожие тенденции наблюдаются на графике распределения преобладающих стратегий поведения (рис. 4).

Приспособление у женщин потенциально больше чем у мужчин (рис. 3), однако на практике мужчины чаще прибегают к этой стратегии поведения (рис. 4).

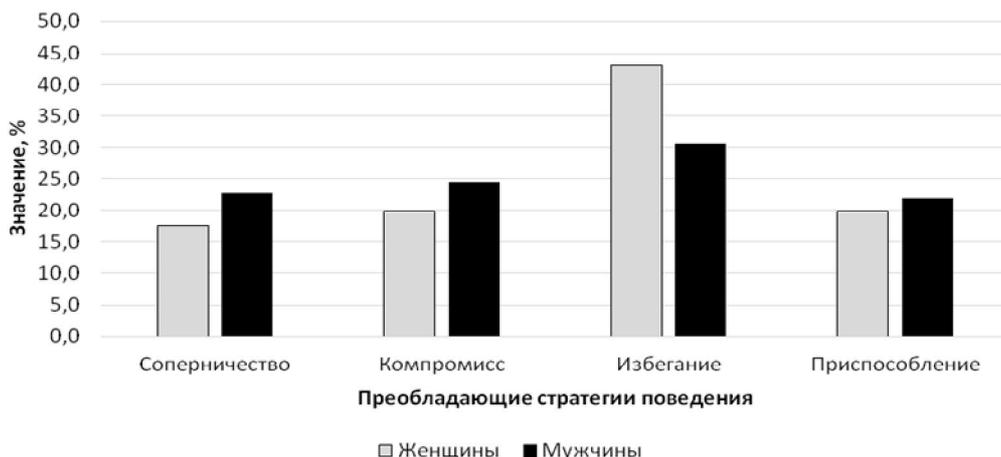

Рис. 4. Процентное соотношение преобладающих стратегий поведения среди мужчин и женщин

Преобладающей стратегией поведения как у мужчин, так и у женщин является *избегание*, но женщины пользуются ей в 43 % случаев, а мужчины – в 31 %. При этом *соперничество* и *компромисс* мужчины используют чаще на 5,4 и 4,7 % соответственно.

На рисунке 5 представлено распределение преобладающих и отвергаемых стратегий среди всех респондентов.

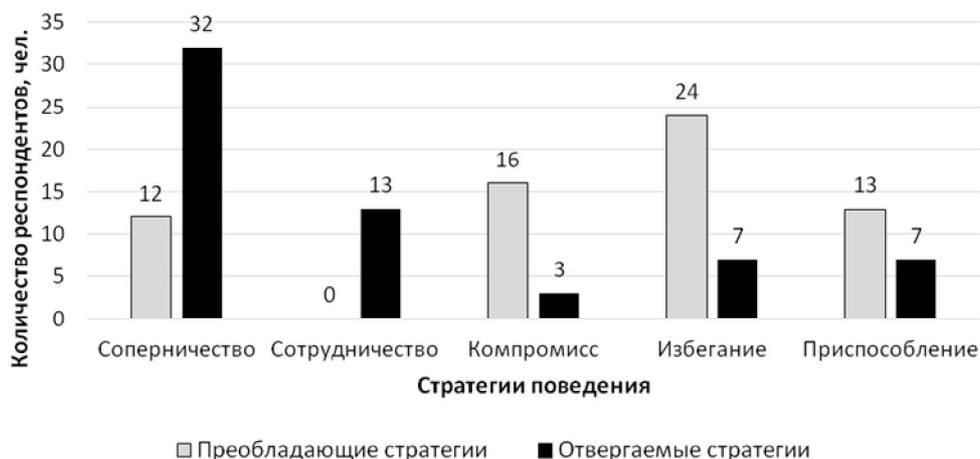

Рис. 5. Распределение преобладающих и отвергаемых стратегий среди респондентов

Наиболее часто применяемая стратегия поведения в конфликте в образовательной среде УГЛТУ – избегание, а отвергаемая – соперничество.

На основе проведенного исследования можно сделать вывод, что наиболее частыми стратегиями выхода из педагогических конфликтов в УГЛТУ являются: *компромисс*, *избегание* и *приспособление*. Это те стратегии поведения, которые требуют от человека наименьшей напористости [8].

В образовательной среде УГЛТУ в большинстве случаев отвергается *соперничество* и зачастую *сотрудничество*. Это происходит по причине заведомого неравенства участников образовательного процесса. Преподаватели не признают обучающихся равными себе, а руководители не считают равными себе подчиненных. Однако все понимают, что агрессивными методами ничего добиться нельзя и даже в случае конфликтной ситуации пытаются сохранить с оппонентом хорошие отношения.

В качестве рекомендаций по предотвращению и разрешению педагогических конфликтов в образовательной среде УГЛТУ можно предложить следующее:

1. Преподавателям и обучающимся, у которых преобладающей стратегией поведения является *приспособление*, необходимо активнее отстаивать свои права. Так как постоянные уступки и ущемление своих интересов в важных вопросах могут негативно влиять на эмоциональное состояние и образовательный процесс. Человек, который уступает во всех конфликтах, рискует потерять уважение окружающих, стать объектом для манипулирования.

2. Участникам образовательного процесса, *избегающим* конфликтов, необходимо помнить, что оттягивание решения конфликтного вопроса заканчивается взрывом эмоций и бурным выяснением отношений. Этот вариант поведения можно оправдать, если причина конфликта незначительна для обеих сторон. В любых же серьезных ситуациях он может привести к дальнейшему росту непонимания между людьми и еще большему накоплению взаимных претензий. Важно понять, что исчезает только решенная проблема, нерешенная же лишает человека сил и делает его жизнь сложнее.

3. Путь нахождения *компромиссов*, хотя частично и удовлетворяет требования обеих сторон, как правило, не приводит к завершению конфликта и служит лишь передышкой. Слабым местом позиции компромисса является ее полная зависимость от позиции соперника, и если тот не готов поступиться частью своих интересов, то решения конфликта достигнуть не удастся. Прежде чем идти на компромисс,

необходимо собрать всю возможную информацию о предмете спора, чтобы условия компромисса были адекватными. Отстаивать свою точку зрения необходимо более решительно и прямолинейно.

4. В любом педагогическом конфликте необходимо стремиться к *сотрудничеству* – наиболее оптимальному способу разрешения споров. Нужно искать такое решение, которое бы полностью удовлетворило претензии обеих сторон. Стараться понять глубинную причину конфликта.

5. Для большей продуктивности нужно быть честным со своим оппонентом и приспособляться к его манере общения.

6. При возникновении конфликтной ситуации педагогу важно при разговоре с обучающимся сохранять спокойный тон, быть терпимым, проявлять сочувствие, быть лаконичным, при обращении строить фразы так, чтобы они вызвали нейтральную или позитивную реакцию со стороны обучающегося.

7. Педагогу необходимо знать и отслеживать сигналы, свидетельствующие о зарождении конфликта. Ведь, как сказал И. Гете, «из двух ссорящихся более виноват тот, кто умнее».

8. Для предупреждения конфликтов необходима оптимизация всех форм общения, оказание психологической и педагогической помощи тем, кто в силу различных жизненных обстоятельств, своего духовного состояния в этом нуждается.

9. Необходимо помогать новым сотрудникам и молодым педагогам адаптироваться к социально-психологическим условиям коллектива для достижения психологической совместимости и комфортного межличностного общения.

Библиографический список

10. Тест К. Томаса // Online Test Pad. – URL: <http://onlinetestpad.com/ru/test/63539-test-tomasa-tipy-povedeniya-v-konflikte>.

4. Гришина Н.В. Психология конфликта / Н.В. Гришина. – СПб: Питер, 2000. – 464 с.

5. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта / А.Г. Здравомыслов. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 317 с.

1. Анцупов, А.Я. Конфликтология в схемах и комментариях / А.Я. Анцупов, С.В. Баклановский. – СПб: Питер, 2005. – 288 с.

8. Рыбакова М.М. Конфликт и взаимодействия в педагогическом процессе / М.М. Рыбакова. – М.: Просвещение, 1991. – 128 с.

2. Воробьева И.В. Социально-психологическое взаимодействие личности и группы: учеб. пособие / И.В. Воробьева, О.Н. Шахматова. – Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2009. – 271 с.

3. Гирнык А. Конфликты: структура, эскалация, улаживание / А. Гирнык, А. Бобро. – М.: Изд-во Соломии Павлычко «Основы», 2004.

7. Курочкина О.Н. Педагогическая конфликтология: учеб. пособие / И.А. Курочкина, О.Н. Шахматова. – Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф. пед. ун-та, 2013. – 229 с.

ГРНТИ 14.35.07

УДК 159.947.5+ 378

И.А. Панин
И.А. Петрикеева
УГЛТУ, Екатеринбург

ПРОБЛЕМЫ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ ИНСТИТУТА ЛЕСА И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ УГЛТУ

Приводятся результаты исследования учебных мотивов обучающихся в ИЛП УГЛТУ. Опрос был проведен в 2016 году. Было выявлено, что ведущим мотивом является овладение профессией. Установлены тенденции изменения мотивации в ходе обучения.

Ключевые слова: мотивация, мотивы обучения, проблемы учебной мотивации, высшее образование, качество высшего образования.

В настоящее время в Российской Федерации наблюдается падение качества высшего образования, которое выражается, главным образом, в потере международного престижа российского высшего образования, и неудовлетворённости потребностей в количестве и особенно в качестве подготовки поставляемых высшими учебными заведениями кадров [1, 2]. Данная проблема является многоаспектной, каждая сторона требует отдельной проработки, изучения и решения. Одной из сторон является проблема мотивации обучения в высшей школе. Ни для кого не секрет, что качество образования зависит не только от таких факторов, как квалификация и компетентность преподавателей, использование эффективных методик обучения, материально-техническое обеспечение и т.д., но и от личной заинтересованности обучающихся и преподавателей в образовательном процессе.

Вопросы мотивации участников процесса обучения могут носить как общий, универсальный для всех высших учебных заведений характер, так и иметь локальную специфику в отдельных учебных организациях, институтах и направлениях обучения.

Следует отметить также, что мотивы обучения являются мобильной системой и могут изменяться как бесконтрольно, так и целенаправленно [3]. О динамичности мотивов обучения свидетельствуют данные многих исследований [4–6].

К сожалению, общий мотивационный уровень обучающихся в большинстве вузов страны невысок. Об этом свидетельствуют данные многих исследований. Например, согласно исследованию в Томском государственном университете, ведущими мотивами обучающихся являются получение диплома и стипендии, что свидетельствует о незаинтересованности большинства обучающихся в профессиональном росте и получении знаний – мотиваций, необходимых для получения качественного образования [7].

Эффективность учебного процесса непосредственно связана с тем, насколько высока мотивация обучающегося. Даже при низком уровне мотивации на момент поступления в вуз возможно принятие мер для формирования устойчивой системы мотивов, побуждающих к эффективному обучению, а также воспитание и поддержание мотивов, необходимых для реализации обучающегося как профессионала [8].

В 2016 году в УГЛТУ было проведено исследование учебной мотивации обучающихся Института леса и природопользования. Цель исследования – выявление основных мотивов обучающихся в ИЛП УГЛТУ, определение динамики изменения мотивов на различных курсах и ступенях обучения, разработка на этой основе рекомендаций по совершенствованию учебной мотивации обучающихся.

В основу исследования положена методика Т.И. Ильиной [9], состоящая из 40 утверждений, с которыми испытуемый отмечает своё согласие или несогласие. При обработке результатов каждому испытуемому выставляется балл по трём шкалам. Шкала «Приобретение знаний» характеризует любознательность обучающегося и его мотивы, направленные на расширение области своих познаний.

Шкала «Овладение профессией» показывает мотивацию обучающегося и его мотивы, направленные на овладение изучаемой профессией, стремление стать хорошим специалистом в своей области. Шкала «Получение диплома» характеризует мотивацию обучающегося на получение диплома при формальном усвоении знаний.

В исследовании приняло участие 60 человек: обучающиеся ИЛП УГЛТУ по направлению «Лесное дело» и аспиранты направления «Лесоведение, лесоводство, лесоустройство и лесная таксация». Результаты анкет в ходе обработки суммировались, после чего вычислялся средний показатель для каждой исследуемой группы. Для большей наглядности уровень мотивации выражается в % от максимально возможного балла по данной шкале. Результаты опроса представлены в таблице.

Для исследуемых групп всех ступеней обучения характерно преобладание мотивов, связанных со шкалой «Овладение профессией» (см. таблицу), что, естественно, является положительным моментом. Эта тенденция отличает ИЛП УГЛТУ от большинства других институтов, вузов и направлений подготовки Российской Федерации. Преобладание мотивов овладения профессией в ИЛП УГЛТУ обуславливается спецификой лесохозяйственной отрасли. Профессии, связанные с лесом, являются достаточно интересными, а, следовательно, привлекательными для овладения. Многие обучающиеся являются «потомственными» работниками лесного хозяйства в нескольких поколениях.

Результаты опроса в доле среднего значения
от максимального балла, в %

Ступень и курс обучения	Количество респондентов	Шкала мотивации, %		
		Приобретение знаний	Овладение профессией	Получение диплома
Бакалавры 2-й курс	20	41,7	53,7	46,6
Бакалавры 3-й курс	10	40,3	51,2	48,9
Бакалавры 4-й курс	10	40,6	54,2	47,3
Магистры 1-й курс	7	49,3	62,3	50
Магистры 2-й курс	7	50,4	61,8	52,5
Аспиранты	6	49,7	61,1	46

Следует отметить, что мотив «Получение диплома» находится на втором месте для всех групп и ступеней образования, кроме аспирантов. Это негативный фактор, поскольку мотивация на получение диплома часто провоцирует формальное усвоение знаний и поиск обходных путей при сдаче экзаменов и зачётов, что, в свою очередь, деструктивно сказывается на качестве образования.

Мотивы, связанные с приобретением знаний, среди обучающихся ИЛП характеризуются наименьшими показателями из трёх шкал, что негативно сказывается на качестве обучения, поскольку мотивы этой группы сильно влияют на качество образовательного процесса.

Динамика изменения мотивации обучающихся по шкале «Приобретение знаний» представлена на рисунке 1, по шкале «Овладение профессией» на рисунке 2 и по шкале «Получение диплома» на рисунке 3.

Существует тенденция повышения мотивации по шкале «Приобретение знаний» изучаемых групп в направлении от бакалавров первых курсов к аспирантуре. Данная зависимость носит корреляционный характер, характеризуется прямой линией и может быть описана линейным уравнением:

$$y = 2,2571x + 37,433.$$

Величина достоверности аппроксимации R^2 составляет 0,7343, что позволяет сделать вывод о сильном влиянии курса и степени обучения на мотивы, связанные с приобретением знаний.

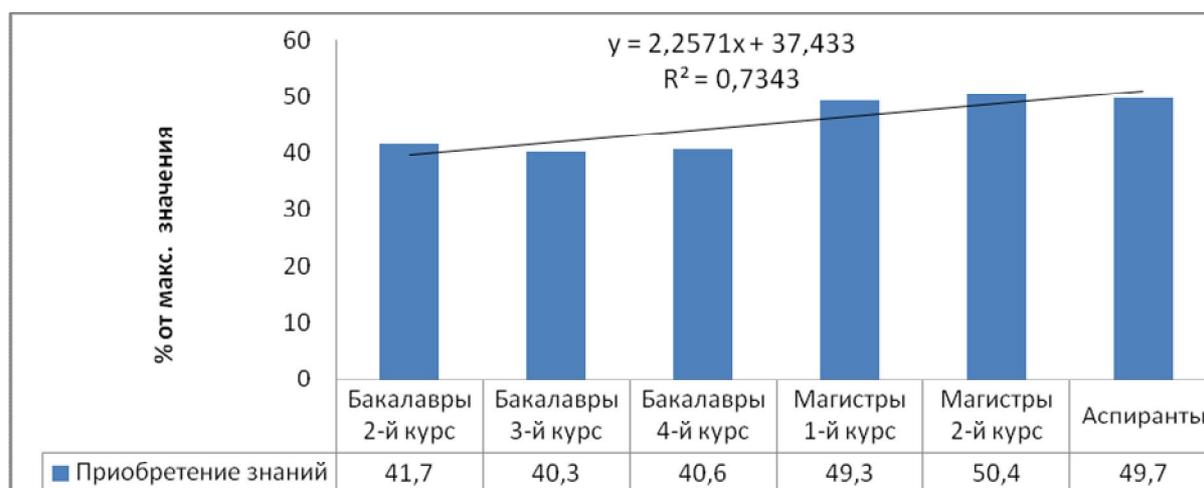

Рис. 1. Динамика изменения мотивации обучающихся по шкале «Приобретение знаний», %

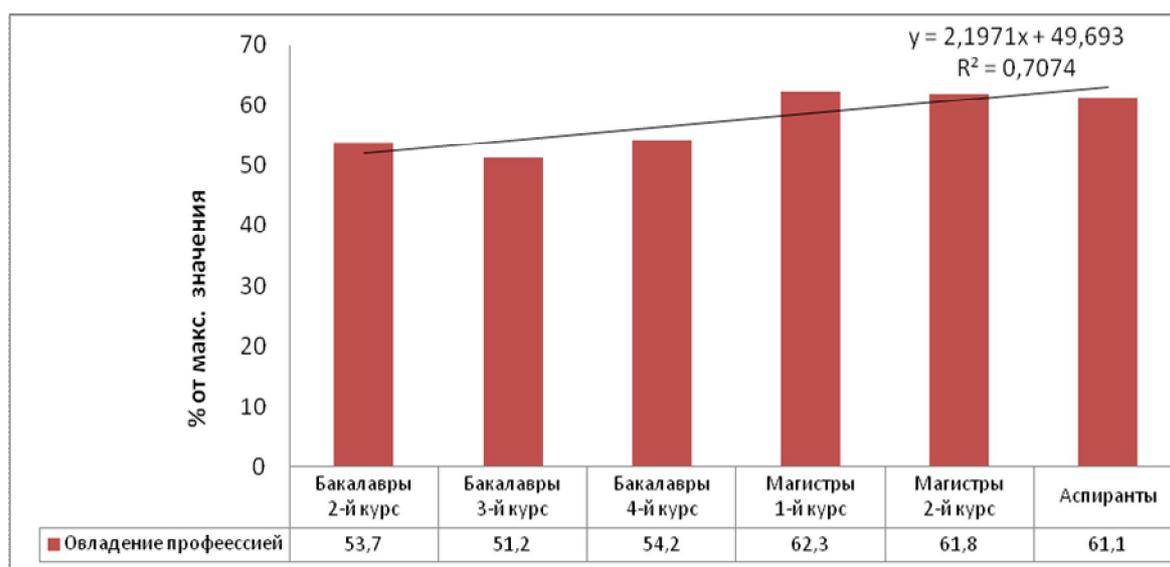

Рис. 2. Динамика изменения мотивации обучающихся по шкале «Овладение профессией», %

В целом, среди различных курсов бакалавров рассматриваемый показатель отличается несущественно и остаётся приблизительно на одном уровне. Среди обучающихся в магистратуре и аспирантуре мотивация по шкале «Приобретение знаний» возрастает практически на 10 %, различаясь между курсами магистратуры и аспирантурой незначительно. Вероятно, данная тенденция связана с личностными качествами обучающихся, продолжающих своё обучение в магистратуре и аспирантуре, поскольку такие свойства личности, как любознательность и стремление расширить область своих познаний, способствуют принятию решения о продолжении образования. Вполне очевидно, что данные качества присутствуют и среди бакалавров, однако на данной ступени обучения значительным является количество обучающихся, не имеющих таких качеств и стремящихся ограничиться получением первой ступени высшего образования.

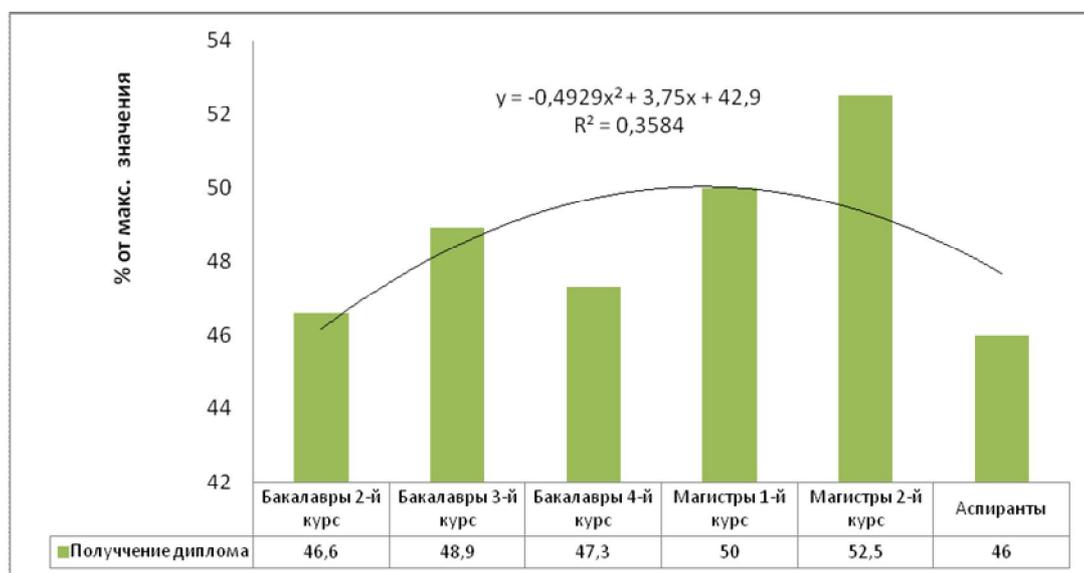

Рис. 3. Динамика изменении мотивации обучающихся по шкале «Получение диплома», %

Мотивация обучающихся по шкале «Овладения профессией» так же изменяется в сторону увеличения от бакалавров первых курсов к аспирантуре и характеризуется линейным уравнением:

$$y = 2,1971x + 49,693.$$

Величина достоверности аппроксимации $R^2 = 0,7074$, что свидетельствует о сильном влиянии курса и ступени обучения на мотивы обучающихся, связанные с овладением будущей профессией. Среди бакалавров постепенно сокращается количество «случайно поступивших» и незаинтересованных в данной профессии обучающихся,

которые отчисляются ближе к старшим курсам. Кроме того, некоторые обучающиеся могут заинтересоваться изучаемой профессией уже в ходе обучения. Подавляющее большинство поступающих в магистратуру и аспирантуру убеждены в правильном выборе профессии и заинтересованы в самореализации в качестве хороших профессионалов (рис. 3).

В отличие от других шкал, зависимость мотивов, связанных с получением диплома, от курса и ступени обучения не столь очевидна. Как показано на гистограмме 3, данная корреляционная зависимость может быть приблизительно описана параболой второго порядка, уравнение которой имеет вид:

$$y = -0,4929x^2 + 3,75x + 42,9.$$

Величина достоверности аппроксимации R^2 составляет лишь 0,358, что говорит о слабой связи между изучаемыми признаками.

Поскольку различия в мотивах, связанных с получением диплома, незначительны, их можно считать случайными. Следует обратить внимание на то, что наименьшее значение показателя, характеризующего мотивацию по данной шкале, характерно для аспирантов.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

1. Ведущими мотивами всех исследуемых групп являются мотивы, связанные с овладением будущей профессией.
2. Мотивы, связанные с получением диплома занимают значительное место в мотивационной сфере всех исследуемых групп, кроме аспирантов. При этом степень выраженности данных мотивов в различных рассматриваемых группах варьируется незначительно.
3. Мотивы приобретения знаний сформированы среди обучающихся ИЛП УГЛТУ в наименьшей степени.
4. Наблюдается динамика усиления мотивации обучающихся к овладению будущей профессией и приобретению знаний от младших курсов бакалавриата к аспирантуре. При этом данные мотивы значительно ярче выражены среди магистрантов и аспирантов.

На основании полученных данных можно сформулировать *рекомендации по повышению учебной мотивации обучающихся ИЛП УГЛТУ*.

В связи с тем, что в мотивационной сфере обучающихся преобладают мотивы, связанные с освоением будущей профессии, важным направлением работы по усилению мотивации могут явиться изменения в учебной деятельности в сторону большей ориентированности на практику. Это подразумевает усиление внимания к практическим занятиям, учебным и производственным практикам, а также их качеству.

Требуется изменение учебных программ и создание учебных материалов с большей выраженностью связи с производством. Больше внимания в ходе обучения необходимо уделять специальным, практически значимым дисциплинам. Также возможно проведение регулярных мероприятий, таких как встречи с работниками отрасли, экскурсии на производственные объекты. Как отмечают В.М. Камчаткина и Г.А. Иващенко, отсутствие или недостаточная удовлетворённость запросов в ходе обучения может приводить к разочарованию в учебном процессе и, как следствие, снижению качества получаемого образования [10]. Вместе с тем, верно и обратное утверждение. Если обучающийся будет находить в учебном процессе то, что соответствует его мотивационным запросам, он будет учиться усерднее. В целом, для обучающихся должны быть созданы все образовательные условия, которые могут позволить выпускнику после обучения максимально быстро осваиваться на рабочем месте и с максимальной эффективностью использовать полученные в ходе обучения знания.

Особого внимания требует формирование мотивов получения знаний, поскольку они во многом способствуют качественному процессу обучения. Безусловно, эти мотивы формируются главным образом в более раннем возрасте, однако возможно их развитие и в высшей школе. Учитывая низкий уровень мотивации к получению знаний почти всех опрашиваемых групп, задача формирования данных мотивов особенно актуальна для ИЛП УГЛТУ. Преподавателям с первых курсов необходимо заострять внимание на междисциплинарных связях изучаемых предметов, практической и теоретической пользе получаемых знаний, наглядно демонстрировать это в ходе лекций и практических занятий, то есть использовать интегративный подход к обучению [10]. Повышению мотивации к получению знаний может также способствовать проведение внеурочных интеллектуальных конкурсов. Немаловажную роль в усилении мотивации к получению знаний может играть вовлечение бакалавров, в том числе младших курсов, в научно-исследовательскую деятельность.

Библиографический список

1. Клопотова Л.М. Некоторые проблемы повышения качества высшего образования / Л.М. Клопотова // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. – 2008. – № 2 (3) – С. 62–65.
2. Рябченко В.И. Проблема качества высшего образования на постсоветском пространстве / В.И. Рябченко // Universum: общественные науки. – 2015. – № 7 (17).

3. Стародубцева В.К. Мотивация студентов к обучению / В.К. Стародубцева // Современные проблемы науки и образования: электронный научный журнал. – 2010. – № 4. – URL: <http://www.science-education.ru/pdf/2014/6/344.pdf>.

4. Кусраева И.М. Изменение учебной и профессиональной мотивации студентов вуза в процессе профессионального обучения / И.М. Кусраева // Вестник БГУ. – 2009. – № 5 – С. 193–198.

5. Мальцева О.Е. Особенности учебной мотивации студентов на разных этапах профессионального обучения / О.Е. Мальцева // APRIORI. – 2013. – № 1. – С. 18.

6. Смирнова Г.Е. Развитие профессиональной мотивации студентов-психологов / Г.Е. Смирнова // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. – Педагогика и психология. – 2009. – № 3. – С. 77–88.

7. Рождественская Е.А. Особенности мотивации обучения в вузе / Е.А. Рождественская, Н.А. Рощина, Е.Н. Кубарев // Вестник ТГПУ. – 2005. – № 1. – С. 44–46.

8. Муртазина Л.Э. Изменения в мотивации музыкальной деятельности студентов творческого вуза / Л.Э. Муртазина // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 21. – С. 127–133.

9. Методика изучения мотивации обучения в вузе Т.И. Ильиной // ТЕСТотека. – URL: <http://testoteka.narod.ru/ms/1/05.html>.

10. Камчаткина В.М. Способы повышения мотивации студентов к обучению / В.М. Камчаткина, Г.А. Иващенко // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 11. – С. 180–182.

ГРНТИ 14.01.07

УДК 712.3

С.В. Вишнякова
УГЛТУ, Екатеринбург

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ УСВОЕНИЯ КУРСА
«ИСТОРИЯ САДОВО-ПАРКОВОГО ИСКУССТВА»,
ИЛИ НАСКОЛЬКО ВАЖНЫ ПУТЕШЕСТВИЯ
ДЛЯ ЛАНДШАФТНОГО АРХИТЕКТОРА**

Рассмотрена значимость и необходимость знаний истории садово-паркового искусства, а также важность путешествий для обучающихся ландшафтной архитектуре, для успешного усвоения курса и дальнейшего изучения ландшафтного проектирования.

Ключевые слова: история садово-паркового искусства, ландшафтная архитектура, ландшафтные путешествия.

Путешествия учат больше, чем что бы то ни было.
Иногда один день, проведенный в других местах,
дает больше,
чем десять лет жизни дома.

Анатоль Франс

Садово-парковое искусство – это фундамент, основа для ландшафтной архитектуры, актуальной и востребованной сферы человеческой деятельности, направленной на создание благоприятной, комфортной, эстетически и экологически привлекательной среды. Основной целью преподавания «Истории садово-паркового искусства» является формирование у обучающихся представления о многообразии методов и принципов планировки, организации садово-парковых ансамблей в историческом аспекте на примере лучших мировых и российских образцов, понимания значимости и необходимости знаний истории, этапов развития и формирования основных стилевых направлений садово-паркового искусства на протяжении длительного периода (IV тыс. до н.э. – XX в. н.э.). Без изучения тысячелетнего опыта садового искусства невозможно развитие современного ландшафтного строительства.

Изучение курса «Истории садово-паркового искусства» предполагает наличие трех составляющих учебного процесса: традиционной лекции, занятий-визуализаций с презентациями садов и самостоятельной работы.

Показать необходимость и важность включения четвертой составляющей образовательного процесса для успешного усвоения данного курса и в целом для формирования будущего бакалавра ландшафтной архитектуры является целью данной работы. Этой составляющей будет проведение экскурсионных познавательных поездок, посещение выставок, конференций, путешествий по садам и паркам.

Конечно же в первую очередь важно получить необходимые знания по истории, иметь теоретическую базу, на которую можно уже наносить свои наблюдения и впечатления.

Курс «Истории садово-паркового искусства» знакомит обучающихся с историей развития, объемно-пространственной структурой, композиционными особенностями, художественными принципами выдающихся садов и парков России и мира [1]. В продолжение

образования на уровне магистратуры преподается дисциплина «История методологии науки в области ландшафтной архитектуры», которая закрепляет теоретическую базу, полученную обучающимися при изучении курса «История садово-паркового искусства», и формирует понимание закономерностей ландшафтной организации территорий природного и урбанизированного характера различного уровня (от мелких форм городского ландшафта до крупных парков и систем озеленения города уже современного периода XX–XXI вв.), а также современных методов и способов ландшафтного проектирования. И здесь, также как при ландшафтном проектировании, когда мы идем сначала от первых общих представлений об объекте к частному, конкретному решению той или иной территории, а затем уже – от конкретных территорий, объектов ландшафтной архитектуры к общему осмыслению течений, направлений, приемов и методов ландшафтного проектирования. Теперь для обучающегося особенно важно непосредственное предметное знакомство с лучшими образцами садово-паркового искусства, для более глубокого осмысления объекта, для выявления стилевых приемов и закономерностей, для насыщения визуального ряда объектов той или иной эпохи, стиля конкретными деталями.

Путешествия и собственные впечатления подкрепляют полученный теоретический материал визуальным багажом, помогают запомнить, дать свою оценку, изменить или дополнить сложившееся мнение. Путешествия – это возможность лицезреть самому уже известные сады, их композицию, красоту пейзажей, это возможность почувствовать масштаб, увидеть детали, которые не были отмечены и раскрыты в теории.

Важность самому увидеть те объекты, которые рассматривались на занятиях по истории садово-паркового искусства, подтверждают многие обучающиеся и выпускники-ландшафтники, которым довелось побывать на практиках, стажировках или конкурсах в Санкт-Петербурге, Москве, Чехии, и теми, кто самостоятельно путешествовал и посещал с экскурсиями известные уже сады и парки. Собственные впечатления и сделанные лично фотографии надолго остаются в памяти, вызывают потребность в получении новых знаний. Это бесценный опыт наблюдения и формирования собственного мировоззрения, это мотивация для постоянного саморазвития.

Ничто не заменит личных впечатлений от красивейших пейзажей Павловского парка, Александрии, Ораниенбаума и других российских шедевров садово-паркового искусства.

В учебных пособиях даны характерные черты, основные приемы построения композиции садов. Но ни одно описание парка не сможет передать то идиллическое настроение от вида лугов, окружающих Коттедж в Александрии, и от вида изящной воздушной Капеллы, являющей нам романтическую английскую готику. Сентиментальное настроение от цветочного оформления, умиление от скульптуры, от сочетания готического декора с сельскими чертами фермерского домика – всё это не передать в коротком курсе истории. А ведь именно эмоциональность и передача настроения пейзажными картинами отражает великое мастерство зодчих, создававших эти парки.

Ярким примером гармоничного сочетания природы и архитектуры является жемчужина русского паркостроения – Павловский парк. Нужно самим увидеть эти архитектурные сооружения: колоннаду Аполлона, храм Дружбы, Пиль-башню, мосты и горбатые мостики – они вносят разнообразие, выступая акцентами, и удачно вписываются в ландшафт. Увидеть и прочувствовать это чередование возвышенностей и оврагов, прудов и аллей, солнечных лужаек и плотных посадок, чтобы понять, что такое «пейзажное разнообразие как основной метод объемно-пространственной структуры парка».

Здесь главное действующее лицо – природа; архитектура не затмевает, а подчеркивает ее хрупкость, нежность, прозрачную неброскую красоту. Это северная Россия. И, как точно писал поэт Н.И. Рыленков, «здесь краски не яркие и звуки не резки. Здесь медленные реки, туманны озера и все ускользает от беглого взора...» Да, перед нами Россия во всей своей простоте и величии. Такие шедевры получаются, когда талантливый мастер создает свое произведение, опираясь на постулаты классицизма, близкого к природе простотой и лаконичностью форм, на традиции русского садоводства, мастерски используя природные компоненты – рельеф, растительность, водоемы. А Петергоф! Невозможно не почувствовать восторг от Петергофа, глядя на Большой канал, уходящий в море, проникнуться идеей показа морской мощи России. А мощные и разнообразнейшие каскады и фонтаны! Они напоминают праздничные салюты в честь российских побед. Это праздничный торжествующий парк!

Восхищение вызывает картина светлого Масляного луга, обрамленного стенами строгих темных пихт и павильон Каталной горки в Ораниенбауме.

Противопоставление и соединение регулярных композиций с пейзажными можно увидеть в царскосельских парках. Прогулка вокруг Большого пруда позволяет увидеть цветочные сочетания архитектурных строений разных стилизаций, которыми украшены его берега

(бирюзово-белый Грот и темно-красное с белым фасадом Адмиралтейство).

Путешествия дают также возможность визуального сравнения. В петровских садах можно увидеть приемы французского регулярного парка, в садах Екатерины II – черты английских садов. Лучшие русские парки XVIII–XIX вв. создавались по зарубежным образцам, они соответствовали представлениям русского человека о совершенном саде [2]. Но в то же время в русских парках всегда присутствовала природа, не лакированная и причесанная, а живая, немного небрежная, с мягкими контурами крон, плавными линиями рельефа и обязательно с речками, на которых часто создавались пруды, а иногда целые системы прудов.

Многие авторы статей, книг и учебных пособий по ландшафтному искусству включают свой собственный опыт посещения описываемых ими объектов и профессиональный взгляд на них через личные фотографии (например, М.Е. Игнатьева в книге «Сады старого и нового мира. Путешествия ландшафтного архитектора» и Е.В. Голосова в книге «Сад в японском стиле»). Их исследовательские труды становятся от этого более интересны и уникальны.

Не так давно стало развиваться такое направление, как садовый туризм, в некоторых туристических агентствах появились программы «Сады мира», ведь садово-парковое искусство – неотъемлемая часть культурного наследия страны.

В 2008 году Б.М. Соколовым, профессором РГГУ (г. Москва), доктором искусствоведения, членом Общества изучения русской усадьбы, был создан научно-образовательный проект «Сады и время», предлагающий соединение образования в области истории садов и ландшафтных путешествий.

Понятие «образовательные экскурсии» имеет гораздо более древние корни, на Руси оно связано в основном с Петровским временем, и поездки с целью обучения применялись в разных науках и разных областях образования. Проблемам организации экскурсий для учащихся посвящались статьи в педагогических журналах, книгах еще в начале XX века. В предисловии к книге «Образовательные прогулки по России», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1903 г., отмечалось: «В некоторых государствах Европы образовательные экскурсии учащихся успели войти в учебно-воспитательную систему: их давно рассматривают как могучее образовательное и воспитательное средство, коим прекрасно можно знакомить практически молодое поколение со строем жизни, с нравами и обычаями, с чудесами современной

техники и с окружающими явлениями природы, развивать в нем эстетическое чувство, любовь к Родине и ее истории, вообще отзывчивость к высшим интересам духа» [3, с. 47].

После 1910 г. в сметах уездных и губернских земств была выделена особая графа – «Ученические экскурсии» [4].

Образовательные путешествия по садам обогащают профессиональный опыт, вдохновляют на поиск новых идей. Это своего рода курсы повышения для ландшафтных архитекторов.

Именно путешествия в другие страны, знакомство с новыми культурами помогало узнавать мир, развивало садово-парковое искусство с незапамятных времен, давало почву для появления новых элементов, расширяло ассортимент. Владение знаниями, включающими опыт других стран, позволяло создавать уникальные объекты. Поэтому важность путешествий для обучающихся ландшафтной архитектуре, очевидна. Они помогают эффективнее усвоить теоретический материал по истории садов и перейти к дальнейшему изучению основ ландшафтного проектирования с более глубоким пониманием вопроса, опираясь на лучшие образцы садово-паркового искусства.

Библиографический список

1. Сокольская О.Б. История садово-паркового искусства / О.Б. Сокольская. – М.: ИНФРА-М., 2004.
2. Нащокина М.В. Русские сады. XVIII – первая половина XIX века / М.В. Нащокина. – М., 2007.
3. Долженко Г.П. История туризма в дореволюционной России и СССР / Г.П. Долженко. – Ростов-н/Д, 1988.
4. Щукин А.И. Организация этнического туризма на Северо-Западе России / А.И. Щукин. – СПб, 2005.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

ГРНТИ 87.27.07

УДК 502

Е.В. Баженова
УГЛТУ, Екатеринбург

ВАРИАЦИИ ЗООМОРФИЗМА И АНТРОПОМОРФИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Рассматриваются различные формы актуализации древних антропоморфных и зооморфных представлений в условиях культуры начала XXI века. Предпринимается попытка объяснить причины обращения наших современников к древним культурным практикам.

Ключевые слова: современная культура, урбанистическая культура, экологическая культура, антропоморфизм, зооморфизм, субкультура фурри, домашние животные.

Если исчезнут животные, люди погибнут
от великого одиночества духа, ибо
что суждено животным, суждено и человеку.
Все сущее взаимосвязано.

Что происходит с землей, то происходит с ее детьми...

*Один из последних вождей дувамишей
в послании 1856 г. от индейских племен
президенту Ф. Пирсу*

В исторической динамике развития взаимоотношений человека и животных отчетливо видны три тенденции: усиление прагматического отношения к животному, наращивание этической составляющей этих отношений и, наконец, поиск человеческого начала в животном и поиск животного начала в человеке. Именно эта, третья, тенденция будет в центре нашего внимания в данной статье.

Понятия зооморфизм (от греч. *zoon* – «животное», *morphe* – «форма») и антропоморфизм (греч. *anthropos* – «человек») выражают определенные грани во взаимоотношениях человека и животных. Под *антропоморфизмом* мы будем понимать наделение человеческими свойствами явлений природы и животных. Понятие «*зооморфизм*» мы будем употреблять, обозначая процесс наделения людей свойствами животных (как внешними признаками, так и особенностями поведения). Смысл этих терминов, безусловно, не исчерпывается заданными

коннотациями, однако в рамках нашей статьи именно эти аспекты являются эвристически значимыми.

Антропоморфизм и зооморфизм как взаимосвязанные принципы познания мира и самопознания человека оформляются уже на ранних этапах развития общества. Согласно нашей позиции, древние антропоморфные и зооморфные представления актуализируются в современную эпоху в новых формах.

Мы не первые, кто обращается к изучению проявлений зооморфизма и антропоморфизма в современных условиях. Эта тема привлекает внимание отечественных исследователей. В частности, ей посвящены статьи М.Н. Храмовой «Метаморфозы зооморфных образов в массовой культуре: образ животного и проблема идентификации в возрастных субкультурах» и И. Сиды «Тотемократия в русской литературе».

Разберем три группы примеров, характеризующих современную ситуацию: проявления зооморфизма, проявления антропоморфизма и сочетание антропоморфных и зооморфных представлений в одном явлении.

Проявления зооморфизма

Во все времена человек стремился менять свой внешний облик, данный природой, ориентируясь на образцы нормированного тела, закрепленные в определенные культурно-исторические эпохи, либо сознательно полемизируя с этими моделями. Плюрализм, характерный для современной культуры, создает самые благоприятные условия для экспериментов над собственным телом. Кризис самоидентификации порождает сосредоточенность наших современников на культивировании тела, на «сотворении» своего тела непохожим, отличным от других.

Одним из проявлений указанной тенденции является движение, участники которого называют себя фриками. Это люди, чье поведение и внешний вид резко противостоят общепринятым нормам, но в общем не причиняют окружающим никакого ущерба, кроме эстетического шока.

Многие из фриков пошли на изменение своей внешности, чтобы приобрести сходство с тем или иным животным. Миллионам людей по всему миру известны Эрик Спрейк (Человек-Ящерица), Том Леппард (Человек-Леопард), Деннис Авнер (Кот, или Человек-Тигр) и др. Оставляя в стороне возможные психологические мотивы подобного поведения, укажем, что в данном случае мы сталкиваемся с примерами проявления зооморфизма, когда человек стремится приобрести

внешнее сходство с тем или иным животным и зачастую подражает особенностям его поведения.

Другим примером проявления тенденции зооморфизма в современных условиях являются рекламные акции, в которых известные личности, чаще всего музыканты, актеры, спортсмены и шоумены при помощи боди-арта «превращаются» в тех или иных представителей фауны.

В рамках российско-украинского проекта «Перевоплощение» в 2008 году прошла акция «Мы живем на одной планете» [1]. Проект проходил при поддержке Всемирного фонда дикой природы WWF. Несколько известных представителей спорта и шоу-бизнеса согласились при помощи грима перевоплотиться в животных, чтобы привлечь внимание к исчезающим видам. С помощью новейших технологий были найдены животные, максимально приближенные по биометрическим параметрам к людям-исполнителям. Певец Сергей Лазарев стал сурикатом, литератор Оксана Робски – лисой, Лена Перова – коалой. Образ Светланы Хоркиной – это мраморный хорь, гимнастка Ирина Чашина преобразилась в лемуру, Ксения Собчак – в зебру. Комментируя свою работу в этом проекте, почти все участники говорили о серьезности переживания своего временного перевоплощения. Результаты проведенной фотосессии были представлены в апреле 2008 года на выставке в московском Манеже. В издательстве «Эксмо» была выпущена книга-фотоальбом с текстами известного писателя Олега Роя. Некоторые из изображений были использованы впоследствии в рекламе «натурального» шампуня Timotei и в виде рекламных плакатов украшали городские улицы.

Аналогичная акция была проведена в 2010 году в Екатеринбурге, в рамках празднования 80-летнего юбилея городского зоопарка. Суть проекта «Зоопарк есть в каждом!» – «показать, что в каждом из нас есть частица, объединяющая человечество с животным миром нашей планеты. И это не только и не столько строение тела или неосознаваемое воздействие инстинктов на наше поведение. В душе каждого человека есть свой уголок неприрученной, дикой и свободной природной сущности, которая может принять образ конкретного животного, близкого по духу индивидуальному характеру своего «владельца» [2].

За год до начала акции среди посетителей зоопарка был проведен опрос «На какое животное зоопарка я похож?». В двух записках, кроме названия животного, на которого человек считает себя похожим, были приведены конкретные обоснования своего выбора:

«Я похож на кулана. Скачу по городу, пытаюсь успеть повсюду, как эта одинокая степная лошадка»; «Я больше всего похожа... Ну, думаю, на рысь. Я такая же быстрая, красивая, дерзкая, умная, элегантная. Я вылитая рысь. Марина. Рр...» [2]. К юбилею Екатеринбургского зоопарка найти в себе его частицу предлагалось каждому жителю города. Пример подавали известные телеведущие и шоумены в компании с директором зоопарка, чьи портреты в образах животных были представлены на билбордах, на плакатах в метро, в кинотеатрах, в торговых и развлекательных центрах.

Обе эти акции наглядно демонстрируют современные проявления зооморфизма. Подобные проекты не только привлекают внимание к проблемам экологии, защиты животных, но и служат прекрасной саморекламой для людей, которые принимают в них участие.

Акцентируем внимание на том, что указанные выше примеры отсылают нас к традиции перехода в другое состояние посредством ряжения, «переодевания» в животных, которая являлась одним из важных символических актов на всех этапах истории культуры (от «преображения» для участия в тотемической пляске до вывернутых на изнанку тулупов во время колядования). В современных условиях технологии ряжения меняются, равно как и его цели. Оно теряет свой сакральный смысл, привязку к определенному событию, но сохраняет по преимуществу эмоциональную окраску, становится средством самовыражения.

В этом же ряду вариаций зооморфизма в современных условиях следует поставить презентацию себя в образе животного на аватарках в интернет-пространстве и использование персонажей-талисманов маскотов. И в том, и в другом случае предполагается присутствие соответствия между определенными свойствами человека или членов группы и того представителя животного мира, который выбран в качестве талисмана или аватара. Подобные примеры позволяют И. Сиду ввести понятие «неототемизм», которое обозначает «характерный образ животного, растения или фантастического существа, осознанно избираемый (как правило, в силу некоторых известных за ним родовых свойств) индивидуумом или коллективом для символической презентации себя в публичном пространстве или в рамках определённой субкультуры» [3]. Игорь Сид отмечает игровой характер современного тотемизма и отсутствие связи с предками, поскольку современные тотемы выбираются человеком самостоятельно, исходя из собственных внутренних предпочтений.

Проявления антропоморфизма

Люди не только стремятся уподоблять себя животным, не менее популярна сегодня и антропоморфная тенденция, когда животных стараются наделять человеческими чертами. В благополучных странах для домашних питомцев открыты больницы, гостиницы, парикмахерские, кондитерские и рестораны, фитнес-центры, специальные кладбища и т.п. Люди, имеющие домашних питомцев, пытаются не просто обеспечить их жизненно необходимыми вещами, но и наряжать их, очеловечить их с помощью аксессуаров, обычно используемых человеком. Услуги индустрии красоты для животных востребованы не только богатыми и знаменитыми, но и обычными людьми, которые, в подражание звездам кино, эстрады и политики или просто по собственному желанию стремятся украсить своего любимца.

Другой пример антропоморфизации животных в условиях современной культуры – это многолетние споры о способности животных к творчеству. Если по принципам традиционной художественной парадигмы животные выступают как объект изображения, то современная художественная система допускает немало случаев, когда животные сами могут быть художниками. Прежде человек приватизировал свое право на творчество, утверждая, что поведение животных определяется инстинктами. Сегодня исключительность человека-творца подвергается сомнению. Обезьяны, слоны, морские котики, кошки и другие животные создают свои работы в абстрактном стиле. Положительный или отрицательный ответ на вопрос, относить ли произведения такого рода к сфере искусства, зависит от того, что понимать под искусством, как интерпретировать художественный образ.

Стоит подчеркнуть, что тенденция очеловечивания животных характерна в первую очередь для мегаполисов.

Подобное отношение к животным актуализируется, в том числе, и через средства массовой информации. Нам показывают телесериал о жизни семей сурикатов, наделяя зверьков определенными характеристиками, уподобляя события их жизни перипетиям жизни людской. В мультфильмах и домашние, и дикие животные хоть и имеют облик животных, но ведут себя совершенно как люди и на равных взаимодействуют с людьми.

Сам по себе факт очеловечивания животных, уподобления их человеку не исключителен. С древности образы антропоморфных животных активно использовались в воспитании детей (сказки о животных, игры, ласкательные слова и т.п.). Басни на «злобу дня», в которых действуют животные, были востребованы в разные времена и в разных странах и т.д. При всей популярности антропоморфных образов

в культуре предшествующих эпох сохранялась дистанция между человеком и животным (за исключением древних тотемических представлений): они не воспринимались как тождественные существа.

Сегодня, если главный герой фильма, например, собака, то в окружении людей она будет вести себя, по сути, как человек, обладая (часто даже в большей степени чем люди) пониманием того, что в жизни есть добро, и что есть зло.

Современный человек склонен наделять животных чувствами и переживаниями, свойственными ему самому. Темой некоторых проектов в современной художественной фотографии является способность животных испытывать эмоции, присущие людям. Эта тема раскрывается в двух фотоциклах лондонского фотографа Мартина Узборна. В первом случае он фотографировал собак, запертых в автомобилях до прихода хозяев. В их жалобных глазах он увидел собственные детские переживания одиночества и отчаяния, когда родители запирали его в автомобиле, отправляясь за покупками. Персонажами второго проекта «Рад Вас видеть» (Nice to Meet You) также являются собаки. Только от окружающего мира их отделяет не стекло автомобиля, а облако дыма, окно или отрез ткани. Как отмечают авторы статьи на сайте «Культурология.ру», «эта завеса – символ того непробиваемого эмоционального барьера, который часто остается между собакой и человеком» [4]. Каждый портрет дополнен одной из десятка повседневных фраз, которые мы зачастую тоже произносим автоматически. Печальные глаза собак, скрытые за пеленой, являются метафорой тех скрытых чувств, которые прячет человек за привычными вежливыми фразами. Фотограф подчеркивает, что проект не только поднимает тему нашего безразличия к страданиям друг друга, но и обозначает проблему понимания между людьми и их домашними животными, призывая хозяев быть более чуткими по отношению к своим питомцам.

Сочетание антропоморфных и зооморфных тенденций

Нередко зооморфные и антропоморфные представления могут сочетаться в одном явлении. Одним из показательных примеров такого рода выступает субкультура фурри (от англ. furry – «пушистый, покрытый мехом»), вызывающая сегодня неизменный интерес исследователей как зарубежных, так и отечественных (например, работы А.А. Чубура).

Условия жизни в современном мире, в первую очередь в мегаполисах, подталкивают людей к объединению в разнообразные группы, движения, в которых человек может найти поддержку «среди своих». Такие «малые культурные миры», которые существуют внутри

доминирующей культуры, определяют стиль жизни и мышления тех, кто к ним принадлежит, культивирует собственные системы ценностей, обычаи и нормы поведения.

Отличительными признаками субкультуры являются обязательные попытки формирования собственного мировоззрения, своеобразная манера поведения, внешний вид, специфический язык, формы проведения досуга ее участников и т.д.

Субкультура фурри носит интернациональный характер, хотя происхождение свое ведет из США, где по-прежнему находится большая часть сообщества. Основное средство общения, а точнее сказать, среда обитания фурри, – это Интернет. Проводятся также регулярные встречи приверженцев субкультуры вне сети. Сформировалась субкультура фурри в 80-х годах XX века на основе интереса к изображениям антропоморфных животных. Этот интерес был порожден сверхпопулярностью анимационных фильмов, персонажи которых имели антропоморфный облик (например, культовый мультфильм для фурри «Король Лев»).

В последующие десятилетия, когда Интернет стал доступным для основной массы населения, формирование субкультуры развивалось стремительными темпами. Сейчас в сети Интернет существует множество сайтов, посвященных данной субкультуре и содержащих сведения о ее истории, форумы для общения, художественные галереи, информацию о событиях в сообществе, социологические исследования и статистические отчеты.

Самоидентификация человека с субкультурой фурри происходит в большинстве случаев именно через сетевое общение. Поскольку территориальные ограничения перестали играть сколько-нибудь существенную роль, субкультура фурри распространилась сначала по англоговорящим странам, а затем и по всем европейским, включая Россию.

Идеологию фурри можно выразить в следующих словах: «Взять лучшее от зверя, взять лучшее от человека и слить воедино. Смешать разум человека и звериные эмоции, логику и инстинкты, способность переделывать все и способность жить в гармонии со всем, что есть, и получится существо красивое внешне, и, что немаловажно (а может и первостепенно), гармоничное внутренне, духовно» (Skyler, 2004)» [5].

Нормы и установки фурри в основном не противоречат общепринятым. Ключевая идея, отделяющая фурри от принятого в обществе стиля жизни и мышления, это как раз идея антропоморфизма животных или зооморфизма человека. Именно вокруг нее группируются различные реальные и виртуальные сообщества людей, объединенные названием «фурри» [5].

Субкультура фурри характеризуется как необычайно креативная. Фурри-арт с участием антропоморфных персонажей члены общества считают очень важным компонентом своей деятельности. Участников движения, которые увлекаются созданием и коллекционированием фурри-арта, называют креативщиками и поклонниками.

Другие приверженцы субкультуры проявляют свою креативность, в разной степени погружаясь в образ животного, либо имитируя его внешний облик при помощи грима и костюма (фурсьютеры), либо выступая от имени животного-персонажа в ролевой игре, либо отождествляя себя с выбранным животным (лайфстайлеры). Подчеркнем, что неоднородность субкультуры неизбежно приводит к внутренним противоречиям. Между поклонниками и креативщиками, с одной стороны, и теми, кто отождествляет себя с животными, с другой, отмечается недостаточное взаимопонимание.

Участники субкультуры фурри активно занимаются благотворительностью, поддерживая проекты, направленные на защиту животных.

Мы представили лишь немногие вариации проявления зооморфизма и антропоморфизма в современной культуре. К каким выводам позволяет прийти изучение данных примеров? Как они характеризуют процессы, которые происходят в культуре на современном этапе?

Мы живем в начале XXI века – время информационных технологий и революционных научных открытий. Между тем, как свидетельствуют описанные примеры, нам свойственно обращаться к очень древним культурным практикам, придавая им новые формы. В современных условиях явственно актуализируются древние культурные архетипы. В силу каких причин это происходит?

Этап, который мы переживаем, носит явно переходный, трансформационный характер, что выражается в проявлении противоречий во всех сферах культуры.

Кризис переживает научное знание. Миф о всемогущести науки и техники, которые способны избавить человечество от всех бед, в XX столетии был разрушен. Пришло явственное понимание того, что наука не может сделать человека счастливым и решить все проблемы человеческого общества. Мощным стимулом отрицания рациональности человеческого бытия выступает, с одной стороны, нарастание опасностей, которым подвержен современный мир (системный финансово-экономический кризис, деятельность террористических организаций, «цветные революции» в разных странах и т.д.), а с другой стороны – увеличивающаяся милитаризация общества. На фоне этих процессов научное знание активно дополняется другими формами познания: мифологической, религиозной, эзотерической и т.п. Никакая

научная критика не смогла уничтожить интерес людей к иному восприятию мира, для которого не нужна опора на объективные доказательства. Обращение к различным формам проявления антропоморфизма и зооморфизма выражает иррациональные стремления современного человека.

Современное общество охвачено глубоким моральным кризисом. Об этом свидетельствует беспрецедентное снижение ценности человеческой жизни, нарастание агрессии, деградация семейных ценностей и многие другие примеры.

В этих условиях животные призваны компенсировать «разрывы» в системе отношений между людьми, которые выражаются в отсутствии любви и взаимопонимания, в болезненном ощущении одиночества человека в постоянно меняющемся мире.

Животные – более удобные партнеры по общению чем люди. Они находятся в зависимости от нас. В то же время они позволяют реализовать потребность в том, чтобы дарить и получать любовь и заботу. Зачем решать трудности, связанные с рождением и воспитанием ребенка? Проще завести собаку, разделяя с ней свою жизнь и в домашнем пространстве, и за его пределами. Чрезмерная антропоморфизация животных деформирует человеческие взаимоотношения. Вместо того чтобы одаривать своими чувствами людей, мы направляем их на наших домашних питомцев. Этой теме посвящены многие фото и кинопроекты, отражающие реалии современной жизни (например, фильм «Имущество с хвостом» 2016 г.; фотопроект Шанталь Адаир «Ко Дню отца» – фотографии мужчин с их четверолапыми «сыночками»).

В условиях обострения противоречий процесса унификации и индивидуализации личности животные, как и в прошлые времена, являются для нас «зеркалом», в котором мы пытаемся разглядеть самих себя. Они самое близкое, с чем мы можем себя ассоциировать. Животные говорят нам не только о нас самих, но и о целом мире: «Вопрос о животных – тех животных, которых мы знаем, которых боимся, которых любим, – в этом смысле может быть представлен как вопрос об истине бытия вообще, в котором другой оказывается тем, кем я постоянно обнаруживаю самого себя, когда смотрю в зеркало» [6, с. 220].

Распространению и популяризации антропо- и зооморфных образов в условиях современной культуры способствует, во-первых, коммерческий спрос на них (мода, реклама, анимационные фильмы,

игрушки и т.д.), во-вторых – наличие единого информационного пространства (медиасреда, Интернет), вне которого такие культурные феномены как, например, субкультура фурри не могли бы состояться. В-третьих, налаженный образ жизни в больших городах, который позволяет обеспечивать благами цивилизации не только себя и своих близких, но и своих домашних питомцев, а также оставляет достаточно свободного времени на реализацию своих увлечений и внутренних потребностей.

Что мы видим в общей логике развития взаимоотношений в системе «природа-человек-культура»? На этапе формирования этих отношений в первобытную эпоху человек ощущал свое родство с природой, воспринимая себя как ее неотъемлемую часть. С начала «неолитической революции» и далее, в период развития аграрных цивилизаций, человек проявлял глубокое понимание природных процессов и относился к природному миру с почтением. Бережное отношение к природе отражено в духовной культуре, в мифологических и религиозных воззрениях древних египтян, шумерийцев и представителей других древних цивилизаций, включая античную.

С распространением христианского учения на территории европейских стран формируется новое понимание взаимоотношений между человеком и природой.

Согласно христианской концепции природа сотворена Богом и отдана им во владение человеку, т.е. человек теперь возвышается над миром природы. Однако он ответственен за тот мир, который Бог ему доверил. И мы знаем примеры бережного отношения к природе в целом и к животным, в частности из жизни католических (Франциск Ассизский) и православных святых (Сергий Радонежский и Серафим Саровский). И, наконец, на этапе активного развития науки и техники, с XVI–XVII вв. и до начала XX века мы наблюдаем все большее отдаление человека от природы, усиление прагматически утилитарных установок в отношении к ней. Природа становится объектом для удовлетворения потребностей человека. Диктат, который люди навязали природе, нарушил равновесие на нашей планете. В XX столетии люди столкнулись с тревожными проявлениями различных аспектов глобального экологического кризиса.

Ради сохранения жизни на Земле на фоне расширения процессов глобализации, кризиса культуры, обострения экологической ситуации мы начинаем формировать новое сознание, в основе которого лежит

представление о единстве мира и человека, о преодолении дистанции, которая возникла между человеком и природой в результате исторического развития общества. Важнейший принцип планетарной этики – личная ответственность каждого за те процессы, которые происходят вокруг. Становление экологической культуры во многом основано на возвращении к истокам, к гармоничному взаимодействию в системе «природа-человек-культура». Отсюда интерес наших современников к древнейшим формам взаимоотношений между человеком и животными, которые мы приспосабливаем к условиям современного мира.

Библиографический список

1. Мы живем на одной планете. – URL: http://family.ru/ru/exhibitions/perevoploshenie_11042008.php.
2. Зоопарк есть в каждом! – URL: <http://www.ekazoo.ru/zoopark/novosti/32>.
3. Сид И. Тотемократия в русской литературе / И. Сид // Русский журнал. – 2015. – № 6. – URL: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Totemokratiya-v-russkoj-literature>.
4. Тоска собачья: фотопроjekt Nice to Meet You от Martin Usborne. – URL: <http://www.kulturologia.ru/blogs/180613/18458>.
5. Чубур А.А. Феномен субкультуры фурри как отзвук первобытного мифологического мышления. – URL: <http://www.centrfolk.ru/>.
6. Святые животные (беседа) / Т. Горичева, Н. Иванов, Д. Орлов, А. Секацкий // Ужас реального. – СПб, 2003.

ГРНТИ 34.35.17
УДК 712.4.01

С.Н. Луганская
УГЛТУ, Екатеринбург

РОЛЬ НАСАЖДЕНИЙ ГОРОДСКИХ УЛИЦ В ФОРМИРОВАНИИ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Описана роль насаждений в формировании благоприятной среды для жизни человека в городе. Рассмотрены основные причины снижения качества городских насаждений.

Ключевые слова: озеленение, благоустройство, реконструкция, насаждение, городские улицы, устойчивость.

Среда обитания жителя города формируется из совокупности условий, созданных самим человеком и природой, которые оказывают значительное влияние на уровень и качество жизни. Большое количество разрабатываемых программ по созданию условий для повышения уровня комфортности проживания указывают на снижение качества городской среды. Все программы, независимо от названия, направлены на урегулирование вопросов, связанных с экологической безопасностью и благоустройством городских территорий. В них в качестве основных направлений предусматривается уменьшение транспортной нагрузки, особенно в центральной части города, и повышение уровня благоустройства и доли озеленённых территорий.

Зеленый каркас города Екатеринбурга образуют явно недостающие площади садов, парков, скверов и бульваров, а основную функцию «легких города» выполняют расположенные на периферии лесопарки [1]. Насаждения городских улиц тоже вносят, хотя и небольшой, вклад в формирование природного каркаса города. И поэтому в условиях ухудшающейся экологической ситуации роль зеленых насаждений улиц должна возрастать при формировании среды обитания человека.

В структуре городского благоустройства улицы являются частью функциональной сети, обеспечивающей удобный и по возможности максимально короткий транзит между различными объектами. Связь всех частей города обеспечивается улицами и дорогами общегородского, районного и местного значения. Независимо от того, к какой категории относится улица, она состоит из проезжей части, тротуаров, примыкающей к дороге или отделенной от нее разделительной полосы с газонами, цветниками и древесно-кустарниковыми насаждениями. Улицы могут быть предназначены только для передвижения пешеходов, и тогда они не имеют проезжей части. Потребность в подобных транзитах возрастает в центральной части города, особенно в периоды проведения массовых общегородских спортивных и культурных мероприятий. И при длительном пребывании человека на таких улицах вопросы комфортности среды имеют первостепенное значение.

Визуально улица ограничивается прилегающей застройкой. В поперечном профиле улицы между дорогой, тротуаром и зданием должны располагаться защитные зоны с зелеными насаждениями для обеспечения комфортных условий для пешеходов и жителей. Именно эти насаждения призваны играть ведущую роль в процессе формирования благоприятной городской среды. Пространство городской улицы

также образуют оборудованные места для кратковременного отдыха, стоянки автотранспорта и парковочные места, роль которых в процессе формирования среды обитания не менее важна.

В вопросах организации в городе среды для жизни человека много внимания уделяется *дизайну зданий, архитектуре фасадов, стилистике, освещению, наличию рекламных щитов и экранов*, а озеленение улиц нередко переходит на второстепенный план, как не самый важный компонент в рамках благоустройства. Подобные тенденции приводят к тому, что в новых микрорайонах формируется среда практически без зеленых насаждений (лишь с небольшой долей площадей с газонами).

Часто это происходит из-за гибели большого количества высаженных растений, и запланированная защитная зона оказывается несформированной. Конечно, городские улицы могут существовать без деревьев и кустарников, но насколько такая среда будет комфортна для человека в условиях постоянно ухудшающейся экологической ситуации. И как результат, на сегодняшний день основные проблемы новой микрорайонной застройки – это некомфортные условия для прогулок и транзита вдоль улиц из-за отсутствия тени в предназначенных для отдыха местах, высокая загазованность воздуха, пыль и шум на фоне высокого эстетического уровня архитектурной составляющей.

В благоустройстве городских улиц создание древесно-кустарниковых насаждений не должно уходить на второй план. Они способны подчеркнуть достоинства и скрыть недостатки при грамотном подходе. С растениями уличное пространство разнообразно и многогранно в проявлении своей значимости, ведь внешний облик растений меняется постоянно, что особенно ценно на фоне относительной стабильности архитектурных элементов.

Существенные преобразования пространства улицы можно наблюдать на протяжении 20–40 лет от момента посадки 2–3-х метровых саженцев до их максимального развития. Растения увеличиваются по высоте и объему кроны, постепенно заполняют улицу, улучшая ее микроклимат, снижая уровень шума и вредных выбросов, в том числе и от автотранспорта [2]. Достигнув зрелости, древесные растения в полную силу начинают выполнять защитные и средообразующие функции, так важные для формирования благоприятных условий жизни человека в городе.

Произрастающие растения меняются не только с возрастом, проходя все этапы жизненного цикла от молодости, зрелости до старости, но

и в течение года многократно преобразуются от серых унылых тонов ранних весенних пейзажей на фоне тающего на обочинах дорог потемневшего снега до яркого летнего цветения и осеннего расцветивания листьев. Такая динамика вносит особый колорит в пейзажи городских улиц, что повышает их эмоциональную значимость для человека, создает настроение. Считается, что подобное разнообразие способно снижать стресс за счет повышения уровня зрительного и эстетического комфорта [3]. Недаром человеку образ городских улиц запоминается по тем ощущениям, которые он испытывает проезжая или прогуливаясь по ним. Множество эпитетов можно применить, характеризуя ту или иную улицу: одна тенистая, милая и уютная, другая – залитая солнечным светом, но всегда ветренная, третья – новая, современная, но пустая и холодная, потому что вся в камне и бетоне. И все эти описания напрямую или косвенно связаны с произрастающими растениями и теми впечатлениями, которые они производят на людей.

Формирование в городской среде здорового высокодекоративного насаждения со всеми полезными для человека и экологии города функциями – процесс длительный и трудоемкий, но выполнимый не в полном объеме, заложенном потенциалом растительного организма. Рост и развитие растений в городе зависит от биологических особенностей вида, экологических факторов и применяемых агротехнических мероприятий. Создаваемые в городе условия существенно отличаются от благоприятных и часто не являются достаточными для полноценного развития. Под влиянием высокой концентрации выбросов автотранспорта, нарушении технологии посадки и ухода снижается устойчивость растений к городской среде, что приводит к сокращению их продолжительности жизни и быстрой потере декоративности.

Использование высокорослых древесных растений с широкими кронами в уличных посадках часто ограничено наличием воздушных и подземных коммуникаций, шириной улицы и непосредственно самой полосы для посадки древесных растений вдоль дороги и зданий. В связи с этим на улицах города предпочитают использовать невысокие растения, такие как яблоня Ягодная, груша Уссурийская, рябина Обыкновенная или применяют формовку.

Крупным деревьям, таким как липа Мелколистная, придают стрижкой искусственную форму, чаще шаровидную. При этом ограничивается рост и развитие растения в высоту и по диаметру, что позволяет им вписываться в узкое уличное пространство. При грамотном проведении работ такой прием повышает и декоративный вид посадок, придавая пространству улиц четкость, структурность и регулярность.

В условиях интенсивного развития и современных преобразований городских территорий вопросы, направленные на улучшение комфортности среды обитания человека, выходят на первый план. В рамках подобных проектов, связанных с реконструкцией старых улиц и кварталов, перераспределением интенсивности транспортного потока значительным переменам подвергаются существующие уличные насаждения, тем самым изменяя, а порой и полностью уничтожая формировавшийся десятилетиями облик улицы.

Реконструкция старых городских улиц с насаждениями, созданными еще в середине XX века, востребована временем. Она, как правило, проводится со 100 % заменой всех произрастающих деревьев, большинство из которых уже утратили декоративность, устойчивость и являются потенциально аварийными. Такие работы выполняют как одномоментно, так и поэтапно, за несколько приемов, с посадкой молодых растений взамен удаляемых старых. В имеющихся примерах реконструкции городских улиц – после вырубки деревьев и последующей посадки молодых растений – у населения часто отрицательные отзывы о результатах. Так часть улицы Пушкина в Екатеринбурге преобразилась до неузнаваемости после замены тополя Бальзамического на липу Мелколистную. Улица приобрела новый вид и теперь совершенно иной облик будет формироваться долгие годы.

В результате замены молодые посадки липы не создают столько тени, не так эффективно защищают от пыли и шума, как мощные кроны тополей. При таких работах происходит изменение не только эстетической значимости улицы, но и экологической ситуации в масштабах улицы, района и в целом города. А жители до сих пор вспоминают, как тенисто и прохладно было на их улице под кронами тополей, но такой, какой была прежде, она никогда уже не станет.

Изменение состава насаждений происходит не только из-за замены старых посадок, но и в рамках программы по удалению тополя Бальзамического из городского озеленения. Тополиный пух стал проблемой для горожан в летний период. И как результат вдоль улиц стоят голые стволы деревьев, которые, обрастая, некоторое время не пушат, но и эстетичность улиц благодаря такой обрезке не повышается.

Замена одних видов на другие, расширение ассортимента при озеленении за счет новых декоративных форм, применение современных материалов – все это позволяет обновляться улицам, придает им индивидуальность, что в свою очередь усложняет мероприятия по их содержанию.

Работы по расширению дорожного полотна в связи с возрастающей интенсивностью движения призваны решать проблемы с

перегруженностью дорог и транспортными заторами. С одной стороны, это приводит к некоторому снижению уровня концентрации выбросов от транспорта [4], с другой – является еще одной причиной сокращения защитных зон вдоль дорог и изменения в целом пространственного облика улицы.

Поскольку проблема решается за счет сноса части растений в придорожной полосе, это приводит к изменениям внутри агроценоза. После завершения подобных работ у оставленных растений может наблюдаться быстрое снижение устойчивости и декоративности в результате полученных повреждений корней, стволов и ветвей крон. Реконструкция, призванная решать обострившиеся в городе проблемы с транспортом, не должна приводить к снижению устойчивости городских насаждений. Учитывая, что на ремонт и замену дорожного покрытия уходит несоизмеримо меньше времени, чем на последующее восстановление поврежденного насаждения, необходимо кардинально менять подход к проведению подобных работ, больше внимание уделять вопросам сохранения насаждений и их устойчивости.

Таким образом, в рамках городских программ по преобразованию улиц в полноценное пространство для пребывания человека, разрабатываемые мероприятия по созданию и содержанию новых и существующих зеленых насаждений на городских улицах должны быть направлены на формирование единой общегородской системы озеленения в структуре экологического каркаса города, а для этого необходимо:

- увеличивать долю озеленения не только при благоустройстве новых микрорайонов, но и в существующих насаждениях проводить своевременные работы по ремонту и замене старых и аварийных растений;

- проводить мероприятия по сохранению зеленых насаждений и увеличению их долголетия (повышение качества и объемов проводимых агротехнических работ по уходу за насаждениями; защита от несанкционированных парковок и вырубки);

- создавать высококачественные насаждения с использованием районированного посадочного материала.

В формируемой городской среде зеленым насаждениям должно уделяться важное внимание для обеспечения благоприятной устойчивой экологической ситуации и создания эстетического облика уличного пространства на многие десятилетия в сфере решения первоочередной задачи в благоустройстве городских улиц, а именно повышения уровня комфортности человека в городе.

Облик городской улицы нужно формировать только с учетом взаимосвязи всех факторов. Надо стремиться к тому, чтобы улицы города обретали индивидуальность, были комфортными, эстетичными и

экологичными. Улица должна восприниматься как единое целое с точки зрения архитектуры, ландшафта, выполняемых функций и создаваемого психоэмоционального состояния людей.

Библиографический список

1. Дивакова М.Н. Приемы ландшафтной архитектуры для создания устойчивого природного каркаса современного крупного промышленного города на Среднем Урале / М.Н. Дивакова, Г.Л. Лукиных // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 22. – URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=21493> (дата обращения: 08.11.2016).

2. Бакутис В.Э. Инженерное благоустройство городских территорий / В.Э. Бакутис, В.А. Бурягин, Л.Б. Лунц. – М.: Издательство литературы по строительству, 1971. – 224 с.

3. Головей Е.А. Возможности влияния на человека посредством диффузного расположения зеленых насаждений в городском урбанизированном пространстве / Е.А. Головей, М.И. Горнова // Новые идеи нового века: мат-лы международной науч. конф. ФАД ТОГУ. – Хабаровск: ТОГУ. – Т. 3, 2014. – С. 22–27.

4. Ситдикова А.А. Анализ влияния выбросов автотранспорта в крупном промышленном городе на состояние загрязнения атмосферного воздуха / А.А. Ситдикова, Н.В. Святова, И.В. Царева // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 3. – URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=19623> (дата обращения: 06.11.2016).

ГРНТИ 34.35.51

УДК 502

А.Е. Шкуро
УГЛТУ, Екатеринбург

НАИЛУЧШИЕ ДОСТУПНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПЕРЕХОДА К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ

Рассмотрены вопросы введения в Российской Федерации экологического нормирования на основе наилучших доступных технологий. Показана связь наилучших доступных технологий с концепцией устойчивого развития. Приведены механизмы экономического стимулирования внедрения наилучших доступных технологий.

Ключевые слова: устойчивое развитие, наилучшие доступные технологии, экономическое стимулирование, экологическое нормирование.

В 1992 году на международной конференции в городе Рио-де-Жанейро была принята декларация по окружающей среде и развитию. В конференции участвовали более 8 тыс. делегатов, представлявших 170 стран. Важность прошедшего мероприятия подчёркивал факт присутствия среди делегатов 114 глав государств и правительств. Главной темой форума являлось осознание мировым сообществом множества существующих экологических проблем и необходимости их решения. Одним из итогов конференции стало принятие концепции устойчивого развития [1].

Несмотря на то, что термин «устойчивое развитие» был введен в употребление еще в 1987 году, но именно конференции в Рио-де-Жанейро он обязан своей популярностью. Суть устойчивого развития состоит в том, что человечество должно использовать природные ресурсы так, чтобы сохранить их для потомков. Эта концепция предлагает поставить на одну ступень потребности нынешних и будущих поколений. Принципы устойчивого развития гласят [2]:

1. Для достижения устойчивого развития защита окружающей среды должна составлять неотъемлемую часть процесса развития и не может рассматриваться в отрыве от него.

2. Государства принимают эффективные законодательные акты в области окружающей среды.

3. Экологические стандарты, цели регламентации и приоритеты должны отражать экологические условия и условия развития, в которых они применяются.

4. В целях защиты окружающей среды государства в соответствии со своими возможностями широко применяют принцип принятия мер предосторожности.

Указом Президента от 1 апреля 1996 года была утверждена концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию. В разделе III этого документа постулируются следующие задачи:

1. Коренное улучшения состояния окружающей среды за счёт экологизации экономической деятельности в рамках институциональных и структурных преобразований, позволяющих обеспечить становление новой модели хозяйствования и широкое распространение экологически ориентированных методов управления.

2. Разработка системы стимулирования хозяйственной деятельности и установление пределов ответственности за ее экологические результаты, при которых биосфера воспринимается уже не только как поставщик ресурсов, а как фундамент жизни, сохранение которого должно быть непременным условием функционирования социально-экономической системы и ее отдельных элементов.

3. Введение хозяйственной деятельности в пределы емкости экосистем на основе массового внедрения энерго- и ресурсосберегающих технологий, целенаправленных изменений структуры экономики, структуры личного и общественного потребления.

Способом достижения поставленных задач является использование в области промышленности наилучших доступных технологий (НДТ). Определение термина НДТ приводится в тексте федерального закона Российской Федерации № 219 от 2014 года «О внесении изменений в федеральный закон «Об охране окружающей среды». Оно гласит: наилучшая доступная технология – технология производства продукции, выполнения работ, оказания услуг, определяемая на основе современных достижений науки и техники и наилучшего сочетания критериев достижения целей охраны окружающей среды при условии наличия технической возможности ее применения.

НДТ – это попытка решить проблему повышения экологической безопасности производства в масштабах страны комплексом экономических и технологических мер [3].

Человеческая деятельность, особенно промышленная, всегда оказывает негативное воздействие на экосистемы, в контакте с которыми она происходит. Будь то извлечение ресурсов или привнесение загрязнений, состояние окружающей среды постоянно ухудшается. Как следствие, всегда существует противоречие между экономическими и экологическими аспектами производства. Введение принципов НДТ призвано смягчить это противоречие.

Согласно ФЗ № 219 с первого января 2017 года все предприятия, оказывающие воздействия на окружающую среду, будут разделены на 4 категории в соответствии с масштабом этого воздействия (табл. 1). В соответствии с присвоенной категорией предприятию будет предъявляться особый комплекс требований в части соблюдения экологического законодательства Российской Федерации.

Введение нормирования негативного воздействия на принципах наилучших доступных технологий является обязательным только для предприятий, оказывающих значительное воздействие на окружающую среду. Это обусловлено тем, что, несмотря на относительно малую численность таких предприятий, доля загрязнений атмосферного воздуха, водоемов и недр, происходящая по их вине, превышает 90 %. Критерии отнесения конкретного предприятия к одной из названных категорий были определены постановлением правительства РФ № 1029 от 27 сентября 2016 года.

Таблица 1

Категории предприятий, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду

Категория предприятия	I	II	III	IV
Характеристика предприятия	Оказывает значительное воздействие на ОС	Оказывает умеренное воздействие на ОС	Оказывает минимальное воздействие на ОС	Не оказывает воздействие на ОС
Уровень надзора	Федеральный экологический надзор	Региональный экологический надзор	Внеплановые проверки	
Принципы нормирования воздействия на ОС	Нормирование на принципах НДТ	Декларирование негативного воздействия	Отчетность об объемах негативного воздействия	

Механизм экологического нормирования на принципах НДТ заключается в следующем: до 1 января 2017 года предприятие встает на государственный учет и получает категорию, характеризующую его негативное воздействие на окружающую среду. В случае предприятий первой категории дальнейшие действия руководства и промышленных экологов состоят в изучении справочника НДТ, описывающего отрасль деятельности предприятия.

Справочник НДТ – продукт деятельности технической рабочей группы (ТРГ), состоящей из специалистов в определенной области. ТРГ формируются из представителей ведущих предприятий отрасли, которой посвящен справочник, представителей академической науки, изучающей эту отрасль, чиновников, регулирующих правовые аспекты деятельности ТРГ, представителей профессиональных ассоциаций и экспертных организаций.

Деятельность ТРГ регулируется бюро НДТ, подразделением Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии «Росстандарт». На сегодняшний день выпущено 11 справочников НДТ по наиболее экологически опасным отраслям промышленности. До конца 2017 года должно выйти еще около 25 справочников НДТ.

Справочник НДТ по каждой отрасли содержит:

- 1) информацию о состоянии отрасли в России;
- 2) краткий обзор экологических аспектов названной отрасли;
- 3) сведения о технологических процессах, применяемых в отрасли;

- 4) оценку потребления энергоресурсов и уровней эмиссий загрязняющих веществ, характерных для рассматриваемого производства;
- 5) правила определения технологии в качестве НДТ;
- 6) краткое описание отраслевых НДТ;
- 7) экономические аспекты реализации НДТ на предприятии;
- 8) показатели, характеризующие негативное воздействие на окружающую среду, приведенных в справочнике технологий.

Таким образом, если предприятие, отнесенное к первой категории, превышает уровни допустимого негативного воздействия на окружающую среду, которые, в свою очередь, устанавливаются с учетом НДТ, оно сталкивается с двумя альтернативами – модернизацией производства с учетом списка наилучших доступных технологий либо с экономическими санкциями. Возможен и третий вариант: технология, по которой ведется производство на предприятии, отсутствует в справочнике НДТ, однако выбросы и сбросы загрязняющих веществ, образование отходов на предприятии существенно меньше приведенных в справочнике нормативов. В таком случае экономических санкций со стороны государства не последует, а отраслевой справочник НДТ, возможно, потребует актуализировать.

Внедрение НДТ предполагает экономически стимулировать не только негативное подкрепление (санкции, штрафы, повышающие коэффициенты), но и позитивное (льготы), например, налоговыми льготами при планомерном внедрении НДТ и отказом от взимания платы за негативное воздействие на окружающую среду. Основные механизмы экономического стимулирования перехода к НДТ приведены в таблице 2.

Таблица 2

Экономический механизм стимулирования перехода к НДТ

Льготы		Санкции	
В процессе внедрения НДТ	После внедрения НДТ	При нарушении сроков внедрения НДТ	При отказе от внедрения НДТ
Зачет платы за негативное воздействие В счет инвестиций до 100 %	Зачет платы за негативное воздействие	Пересчет платы за негативное воздействие с применением повышенных коэффициентов и ее взыскание	Рост платы за негативное воздействие до размеров, сопоставимых с затратами на очистку
	В счет инвестиций до 100 %		
	Отказ от взимания платы за негативное воздействие после внедрения НДТ		

Продолжение табл. 2

Льготы		Санкции	
В процессе внедрения НДТ	После внедрения НДТ	При нарушении сроков внедрения НДТ	При отказе от внедрения НДТ
	Ускоренная амортизация оборудования НДТ		выбросов, сбросов
	Возмещение процентной ставки по кредиту в счет налога на прибыль		

Проблема повышения экологической безопасности и перехода к устойчивому развитию не имеет простого решения. Нельзя запретить предприятиям расходовать природные ресурсы и загрязнять окружающую среду. Иначе это может привести к негативным последствиям для экономики. Проблему нужно решать комплексно – с учетом технологических, экономических и экологических факторов. Возможно, именно таким решением и станут наилучшие доступные технологии.

Библиографический список

1. Лосев А.В. Социальная экология: учеб. пособие [для вузов] / А.В. Лосев, Г.Г. Провадкин. – М.: ВЛАДОС, 1998. – 312 с.
2. Основы устойчивого развития: учеб. пособие / под общ. ред. Л.Г. Мельника. – Сумы: Университетская книга, 2005. – 654 с.
3. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в федеральный закон «Об охране окружающей среды» № 219: [федер. закон: принят Госдумой 2 июля 2014 года: одобр. Советом Федерации 9 июля 2014 года].

НАШИ АВТОРЫ

Антропова Наталья Константиновна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Арсентьева Светлана Ивановна – доцент кафедры философии и методологии науки Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова (ЧГУ им. И.Н. Ульянова), г. Чебоксары.

Баженова Екатерина Вячеславовна – кандидат культурологических наук, доцент кафедры философии Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Вишнякова Светлана Вячеславовна – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры ландшафтного строительства Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Гаврилова Наталия Гавриловна – аспирант кафедры философии и методологии науки Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова (ЧГУ им. И.Н. Ульянова), г. Чебоксары.

Здорнов Игорь Александрович – аспирант кафедры лесной таксации и лесоустройства Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Калистратова Елена Анатольевна – доцент кафедры истории и экономической теории Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Каташинских Сергей Николаевич – доцент кафедры философии Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Куклинов Михаил Леонидович – магистрант Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Литвинец Елена Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и экономической теории Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Луганская Светлана Николаевна – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры ландшафтного строительства Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Малоземов Олег Юрьевич – кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры физического воспитания и спорта Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Назаров Игорь Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), почетный работник высшего профессионального образования, г. Екатеринбург.

Новикова Оксана Николаевна – кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой философии Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Осипенко Алексей Евгеньевич – аспирант Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Панин Игорь Александрович – аспирант Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Петрикеева Ирина Алексеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и экономической теории Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Помазуева Татьяна Николаевна – старший преподаватель кафедры истории и экономической теории Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Попович Алексей Петрович – кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой физического воспитания и спорта Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Пухов Денис Юрьевич – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории и экономической теории Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Степанов Алексей Георгиевич – доцент кафедры философии и методологии науки Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова (ЧГУ им. И.Н. Ульянова), г. Чебоксары.

Фаттахова Алия Мухарямовна. – обучающаяся III курса ФГБОУ ВО «Уфимского государственного нефтяного технического университета» (УГНТУ), г. Уфа.

Фонова Нина Георгиевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и практики менеджмента Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина (УрФУ), г. Екатеринбург.

Черезова Оксана Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и экономической теории Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Шайхуллин Ирек Ринатович – доцент кафедры автомобильных дорог и технологии Уфимского государственного нефтяного технического университета (УГНТУ), г. Уфа.

Шайхуллина Зарина Ирековна – обучающаяся I курса ФГБОУ ВО «Уфимского государственного нефтяного технического университета» (УГНТУ), г. Уфа.

Шкуро Алексей Евгеньевич – магистрант кафедры технологий целлюлозно-бумажного производства и переработки полимеров Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Щепин Евгений Сергеевич – преподаватель факультета среднего профессионального образования Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

